

ВОИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

24.02.2022 – 24.05.2022

ВОИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

24.02.2022 – 24.05.2022

© Составитель Любовь Мачина, 2022
© Издатель Software und Verlag FR Liubov Machina, 2022
Благотворительное издание

© Compiled by Liv Machina, 2022
© Published by Software und Verlag FR Liubov Machina, 2022
A charity edition in aid of Ukraine

© Zusammengestellt von Liv Machina, 2022
© Herausgegeben vom Software und Verlag FR Liubov Machina, 2022
Benefizausgabe zugunsten der Ukraine

ISBN 978-3-00-073005-4

Завтра будет война
с отсыревшими за зиму листьями.
Завтра будет весна,
только это в сегодняшнем истинно.

Снег пришел и ушел,
отступив от позиций осадных.
Будем листья в мешок
собирать и готовить рассаду.

Будем резать, сажать
и копать в земле глинобитной.
А потом урожай,
это будет великая битва.

Завтра будет война
с ошалевшими к маю жуками.
И река – да взорвется она
золотыми мальками.

Завтра будут разгон и побег
вод небесных в околицах здешних.
– Что там, Господи, враг или снег?
– Распустились черешни.

22.02.2022

Ирина Иванченко

*Другие стихи этого автора
опубликованы на страницах 31–38*

По ночам, отправляясь ко сну,
Я опять проверяю войну.
И, как водится, мне не до сна:
Рядом топчется эта война.
Мне опять говорят в эти дни:
Ты возьми – и ее прогони.
Если весь ваш захочет народ,
Сразу встанет она и уйдет.
А вот если она не ушла –
Значит, ты ее плохо гнала.
Или ты ее прямо звала.
Или ты ее и начала.
И тогда у меня в глубине
Как песок завихрится на дне!
Поднимается злая волна.
Созревает «так на тебе, на!»
И ушами поводит война.
И, похоже, довольна она.
Что-то нынче опять не засну.
Вот опять караулю войну.
А то утром очнешься от сна
– и она.

21.02

Ирина Лукьянова

*Живу в Москве, работаю в школе и в газете,
которая закрылась, потому что работать в этих условиях
оказалось невозможно*

Я проснулся в четыре утра от дождя.
Он шуршал, барабанил. Однако
так, негромко, практически шелестя,
и во сне завозилась собака.

Означал этот звук шелестения что?
Из кармана достали пятерку?
Прошептала, очнувшись: «Що тобі, милий, що?» –
и скорей разрывали обертку?

Иль особенно был бесконечно тягуч
этот шорох далекий, поскольку
аккуратно снимали с бечевки сургуч,
разворачивали бандерольку?

Долго звук шел из мест, где без малого век
до того появился на свет
дед мой, а ныне в «дубке» человек
открывает из штаба пакет.

24.02

Олег Дозмор

Другие стихи этого автора опубликованы на страницах 294–299

Мы проснулись сегодня утром, а под нами горит земля.
Эта, черная, с новой травкой и цветочками миндаля,
Люди ходят по ней спокойно, город жизнью своей живет,
а под нами она пылает – как подстреленный вертолет.
Застилает вонючим дымом, наступают дневная тьма.
Подо мною земля пылает – я невольно схожу с ума...
И у многих вокруг – я вижу – тот же страшный, ослепший взгляд.
Мы идем по горящим углям. И над нами щерится ад.

24.02

Тикки А. Шельен

Другие стихи этого автора опубликованы на страницах 400–409

От составителя

24 февраля 2022 года наша жизнь перевернулась. Россия напала на Украину. Эти слова, которые невозможно было произнести ни мысленно, ни вслух, стали явью. В то, что начнется эта война, не хотелось верить до самого конца – но вот она, война: чудовищная реальность. Все противится этому, но мы снова стали говорить «до войны», «довоенный». Пробудились и вторглись в повседневные разговоры те слова, чье место, казалось, только в учебниках истории и в мемуарах: бомбежки, беженцы, военные преступления, мародеры. Угроза ядерного удара.

Новости каждый день говорили: катастрофа, преступление, трагедия, беда.

За несколько месяцев войны мы увидели многое. То, что не получится забыть, то, что нельзя забывать.

Истерзанная земля. Города в руинах. Цветение весны среди разрушенных деревень. И люди, люди, люди. Младенцы, рожденные в бомбоубежищах. Люди, ставшие беженцами, лишённые дома и всей своей привычной жизни. Израненные, искалеченные люди. Люди, убитые на поле боя и в собственных мирных домах. Дети, старики и те, кто был в расцвете лет, кому бы жить да жить. Самое страшное: видеть, как живое превращается в мертвое по чужой безжалостной воле. Была зелень – а теперь там пожарище, были люди – а теперь могилы, могилы, могилы во дворах, братские могилы, ряды и ряды свежих могил.

Мы увидели поразительное мужество и стойкость Украины. Безумный план предполагал взять Киев за несколько дней. Когда я пишу этот текст, Украина сражается больше трех месяцев, и ничто не говорит о том, что ее сопротивление можно сломить.

Нам преподали страшные уроки географии. Весь мир выучил, на каком море стоит Мариуполь. Весь мир узнал названия городов Буча, Гостомель, Ирпень. Весь мир искал на картах атомные электростанции Украины и прикидывал розу ветров.

И с первых дней войны стали появляться стихи. Стихи, которым лучше бы не родиться. Но они родились, зазвучали, запали в душу. Их писали буквально под обстрелом. Их писали, покинув свой дом ради спасения жизни и не зная, доведется ли вернуться. Их писали в отчаянии, задыхаясь в темном облаке зла и лжи, накрывшем Россию. Их писали, ненадолго отвлекаясь от бесконечной волонтерской работы, за счет отдыха и сна. Их писали из далекого мирного далека, пытаюсь хоть как-то высказать свой ужас, боль, сопереживание, желание помочь.

У меня появилась идея собрать, сохранить эти стихи как поэтическую летопись этих жутких военных дней, чтобы они не затерялись по закоулкам всемирной сети, не были погребены под цифровыми барханами новых записей, файлов, постов. Опубликовать на бумаге: берешь с полки, перечитываешь, вспоминаешь. Так появился этот сборник.

В этих стихотворениях видно, как прокатывались по миру информационные волны: вот начались обстрелы городов, вот потянулся в Европу многотысячный поток беженцев, вот полетели русские бомбы в мариупольский театр и роддом, вот мир содрогнулся от новостей из Бучи, а вот узнал о массовом мародерстве и вандализме «освободителей», вот перед самой Пасхой погибла в Одессе маленькая Кира...

Поскольку книга задумана как поэтическая летопись, хроника, было очень важно дать привязку ко времени, даты создания всех стихотворений. Стихи каждого из поэтов опубликованы в хронологическом порядке. Иногда этот принцип нарушается по воле автора или по соображениям верстки, но в целом я старалась придерживаться его.

Еще мне показалось важным, чтобы читатели видели, откуда именно шел сигнал, из какого уголка мира слышался голос поэта. Поэтому сборник разделен на три части: поэты из Украины, поэты из России, поэты со всего остального мира. Из этого многоголосия рождается объемная картина, многомерный слепок эмоций и раздумий военного времени. И мы видим, как волны боли расходятся по планете, как круги по воде, мы отчетливо ощущаем эти три радиуса поражения: Украина под огнем, Россия под сапогом, весь мир – под вопросом.

Вы заметите, насколько эти новые стихи вписаны в общее пространство большой мировой истории, культуры, как опираются на них, словно на несущий каркас. Почти на каждой странице мы встречаем тут старых знакомых. Вспоминаем образы прошлой большой войны, обращаемся к войнам других времен и народов. Всматриваемся в иные темные времена: каково было в тех, давних подвалах-убежищах? Как жилось антифашисту в Германии восемьдесят лет назад? Вспоминаем цитаты из любимых песен и книг – и горькие, и дающие надежду. Поэты снова задаются вопросом «Хотят ли русские войны?» Снова задумываются о крестном пути Христа и спрашивают «Смерть, где твое жало?» – но без прежней уверенности в ответе. И как не вспомнить Потемкинскую лестницу и коляску на ней, если в Одессе под обстрелами погибают дети? Иногда поэты берут даже забавные детские стишки, укладывая в их ритм новые, страшные смыслы. В одном из стихотворений сборника вы, несомненно, узнаете очень запоминающуюся сцену из фильма «Унесенные призраками» Хаяо Миядзаки: не буду раскрывать этот секрет, пусть на этот раз читатель сам найдет разгадку.

Здесь собрались очень разные авторы. И те, чьи стихи хорошо известны читателям, кто давно публикуется и выпускает книги. И те, кто пишет немного и редко, чья основная профес-

сия далека от литературы. Мне хочется, чтобы были услышаны все поэты, которым важно сказать: я против зла, я возвышаю свой голос за Украину.

Стихи публикуются в авторской редакции, с минимальной корректорской правкой и с уважением к стилю каждого автора. Кто-то пишет традиционной силлаботоникой с рифмой и прописными буквами в начале каждой строки, кто-то проговаривает потоком без строф и знаков препинания – и хорошо, и прекрасно, пусть в этом большом оркестре звучат самые разные инструменты. И я уверена, что для каждого читателя тут найдутся строки, которые зацепят его, будут снова и снова возникать в памяти – может быть, всю жизнь.

Не во всех стихотворениях война напрямую названа по имени. Но даже там, где нет слова «война», ее черная фигура молча отбрасывает на все тень беды, тревоги, гибели прежнего мира. Она повсюду, она сквозит в весеннем воздухе, она словно черная дыра в мироздании. Это «огромная видная мысль», как сказано на одной из страниц этой книги.

Хочу предупредить: в сборнике есть нецензурная лексика. Во-первых, это явно не детская книга. Во-вторых, я считаю, что нет плохих слов: есть неуместные, неподходящие к случаю. И война – как раз такой случай, который без крепкого словца не опишешь, оно тут к месту: смотришь и видишь, что «фиаско», пожалуй, слабовато, пора прибегнуть к словам другого калибра. Ведь и так все знают, какое направление указали русскому военному кораблю, это слово из песни уже не выкинешь.

Некоторые стихи в сборнике требуют пояснения – для дошного читателя, которому важно понимать, что стоит за каждым поэтическим образом или аллюзией. Или потребуют позже, когда горячие новости этих дней отойдут в прошлое, по-

дернутся пеплом. Что-то забудется, что-то изменит свой смысл. На этот случай в книге есть комментарии, которые я вынесла в конец: мне не хотелось делать сноски, разрывать рисунок стиха визуальным шумом цифр или звездочек, прерывать его живое дыхание. В комментариях можно ориентироваться по номеру страницы.

***

И к вечному вопросу о музах и пушках. Зачем стихи, кого они могут спасти, кому они могут помочь? Сколько ни рассуждай об этом, поэзия не прекратится. Искусство родилось вместе с человечеством, как только человек отделился от природы и стал оглядываться вокруг, и если оно и умрет, то только вместе с ним. Люди не могут не писать стихи. Не могут не рисовать, не сочинять музыку. Это прекрасно и правильно – во все времена, светлые и темные. Это то, что поднимает нас над бедой и над смертью. В искусстве – наше гордое «не сдамся, не стану бессловесным под ударами судьбы». Слово не может остановить войну. Стихотворение не может воскресить убитых. Но оно может дать смысл, помочь дышать и сохранить память.

***

Я благодарю всех авторов, которые оказали мне честь, дав согласие на публикацию в этом сборнике.

Я благодарю художницу Дину Б.: она предложила свои работы для оформления книги и они удивительно хорошо подошли для обложки и для шмуцтитлов каждого раздела.

Я благодарю всех друзей из реального и виртуального мира, которые помогали мне составлять этот сборник: присылали стихи, ссылки, знакомили меня с новыми, до той поры неизвестными мне именами. Особенно хочу отметить участие Марии Васи-

левой, Елены Свадковской и Бориса Тополянского – друзья, вы очень помогли мне.

Я благодарю всех читателей этой книги за внимание, поддержку и вклад в общее дело. Выручка от продажи этого сборника пойдет на гуманитарные цели, жителям Украины, пострадавшим от войны: тем, кому требуется медицинская помощь, тем, кому нужно эвакуироваться в безопасное место из горячих точек, тем, кто стал беженцем и вынужден обустраивать свою жизнь заново. Будем помогать, будем стараться уравновесить зло добром, будем делать то, что можем, как бы темно ни было вокруг.

Спасибо.

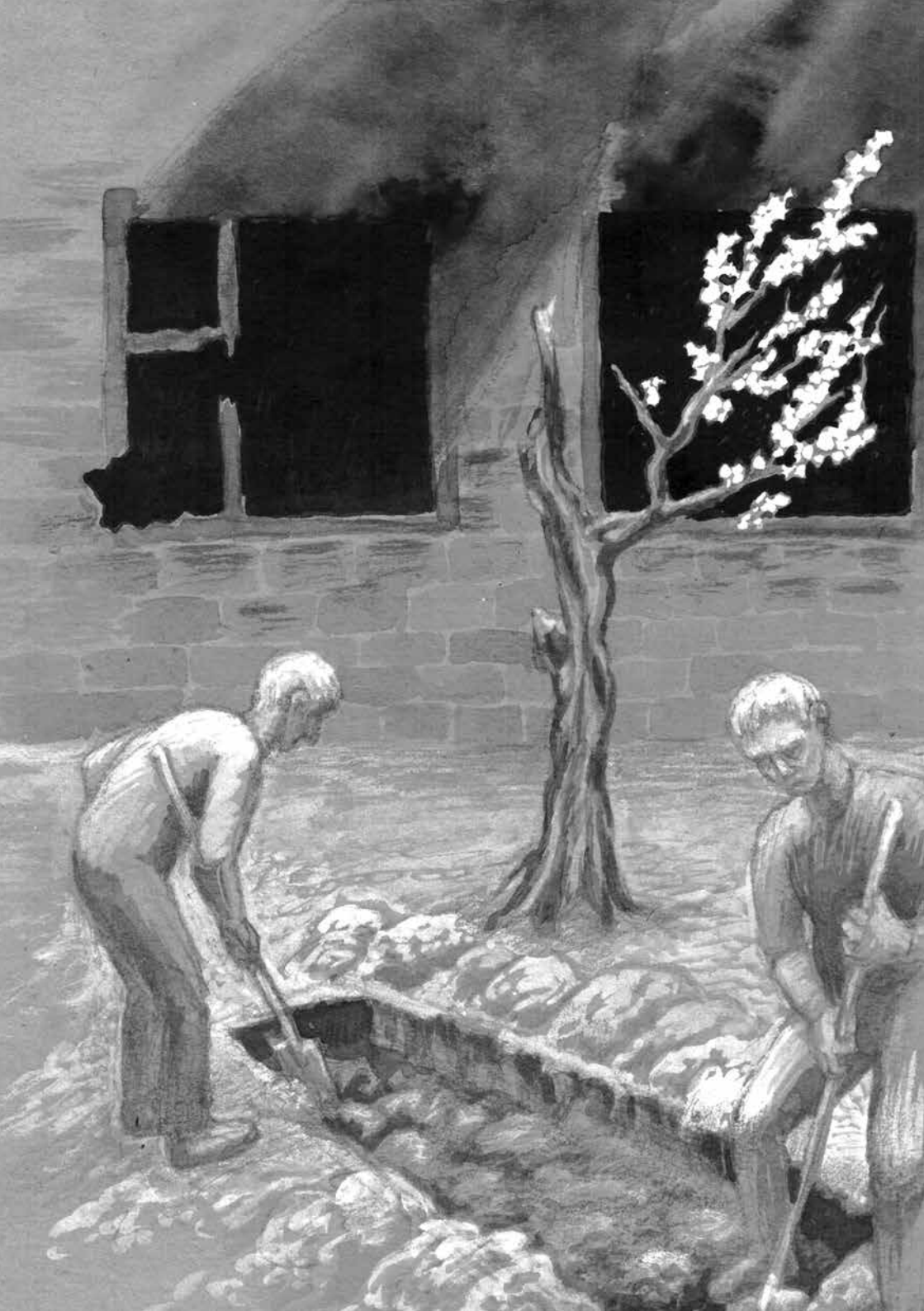
Обещай, что останешься человеком,
Пытайся, слышишь? Пусть неумело.
С неба сыплются хлопья века.
Несет горелым.

Прошу, оставь открытыми уши,
Пусть помехи и ветер свистит.
Прошу, не позволяй разрушить
Мост над ненавистью.

Хрустнет косточкой под ногой
Снег ли? Век ли?
Обещай, что все равно будешь мной,
Ты, в зеркале.
22.02

Ананастя

Другие стихи этого автора опубликованы на страницах 255 и 256

Голоса из Украины

Денис Антоненко

Я киевлянин, здесь родился и живу. Здесь же, в Киеве, провел и первые месяцы войны, ощущая себя одним из Хранителей Места. В самый острый период стихи писались практически ежедневно, представляя собой подобие дневника

Просыпаясь в седьмом круге ада,
Я собачку под боком трогаю...
Как немного для счастья надо,
И как важно это немного!
02.03

Мне говорят: «Скорей беги, не мешкай!
Уже не будет жизни прежней городской,
В игре без правил ты – всего лишь пешка...»
Нет, я сейчас являюсь шахматной доской!
06.03

Видно не унять уже никак
Мне воображение больное –
Гул сирены слышу в сквозняках,
И «война» рифмуется с «весною»...
14.03

На столе – блокнот, на стене – картина,
В голове роятся обрывки рифм...
У стихов моих стал сбиваться ритм –
Доктор говорит: «Это стихокардия».
08.04

Вряд ли могут представить любители книжные войн,
Знатоки, что про силу ракет рассуждают со вкусом,
Как гиеной голодной идет за солдатами вонь,
Как вгрызается намертво в трупы живых едким скунсом.

Как ее ни таи – но проступит она на лице
(И всегда будет их выдавать с головой, с потрохами)
В генерале штабном и в уверенном том подлеце,
Что с экрана вещает, как надо бороться с врагами.

И воняют их лица, ничем эту вонь не унять,
Сколько в баню теперь ни ходи – лишь ботинки сотрешь ты.
И воняет их дело, не может оно не вонять,
Тех, кто смерти ручьи в море смерти скрывал, как матрешки.

06.04

Эвакуация

Оплачен рейс, оформлен чек,
Полны причалы грустных тварей –
И отправляется Ковчег,
Такой, как в книжках рисовали:

Немного тесно, но тепло
(Друг дружку греют все боками).
Оставив за кормою Зло,
Плывет Ковчег под облаками.

Тут есть морковка для ослов,
А для гурманов – плов с грибами.
Вот только левое весло
Заметно круче загребает...

Нас уверяют, что Потоп
Закончится к началу мая,
Но горе нам, когда потом
Мы в Ное разглядим Мазая!

18.04

Дмитрий Близнюк

Украинский поэт, литератор из Харькова

давай сегодня ляжем спать голыми
как нормальные муж и жена как любовники
снимем все вещи штаны кофты мастерки куртки набитые
паспортами лекарствами флешками наличкой
ключами кредитками зарядками для мобильных
снимем обувь и носки давай сегодня
не будем бояться что ночью в наш дом
прилетит снаряд а мы выживем и нам придется бежать
сквозь зимнюю звездную тьму в польшу нарнию давай
сегодня вечером устроим праздник
мирной жизни
разденемся догола обнимемся и спокойно заснем
пусть наша кожа
и тела вспомнят доверие нежность
давай сегодня хоть на одну ночь отключим войну
взрывы обстрелы бомбежки Харькова
очертим мелом нашу кровать от виа демонов
монстров включим теплые полы давай сегодня
закончится война хоть на два три четыре пять
часа
давай напишем злему волшебнику в бункер
пусть он сегодня не будет убивать
пусть он как-то сказочно сдохнет хоть на один день
полцарства за спокойную ночь
полжизни за мирный день
давай это будет так:
смятая простыня –
две сигареты в полутьме две
красно-оранжевые рыбки в аквариуме

четыре руки ты
прижимаешься ухом к моей груди
точно ящерица к теплomu камню поросшему мхом
и мой голос – вино в бурдюке
ручей в темной пещере
я говорю что-то нежное пошлое потом настоящее
и эти слова
рождаются не в бронхах
не в горле и не на зубах
но в глазах
в полутьме и молчании.
наша кровь пульсирует гибкие черви
вагонов метрополитена
скользят по гулким тоннелям.
станция «я тебя люблю» – предпоследняя
в недостроенной ветке метро.
в недописанной строке.
дальше мы выходим родная.
и нам нужно идти пешком.

27.03

Господи забери бессмертие оставь нам
холодный погреб для яблок.
забери
души все свои игрушки только оставь нас в живых
неАдама неЕву и не твоего моего
маленького сына.
сырая пещера в подвале с дощатым полом.
земля обетованная.
но нам нужен бетон.
запах кошек матрацы куча засаленных одеял.
а город живой и в него втыкают
снаряды как иглы. безумный портной шьет
уродливую безрукавку безголовку.
но здесь люди.
не манекены

будущее – дверь из мутно белого оргстекла
цвета неотшлифованных алмазов.
дверь плавно отодвигается от тебя каждую минуту.
каждый вдох выдох.
иногда быстрее иногда медленней если ей любопытно.
это в мирное время но во время войны
будущее просто отпрыгивает в сторону
как кузнечик или лягушка.
секунда и больше нет ничего впереди
пропасть пульсирует пустота
сбитая из ехидных квадратики-пикселей
в игре маньяка.

в мирное время эпоха размеренно медленно
слизывает нас
точно мороженое а сейчас
кремлевский вояка сумасшедший варан
грызет нас.
нашу землю пропитанную кровью.
усыпанную кусками бетона щебня.
истекает ядовитой слюной.
ракетный бал смерти.
так чернубурка пробивает снежный наст в прыжке
ныряет в снег
чтобы схватить полевку. соседку валю.
идет охота на людей.
русские убийцы подсвечены
мерцающей слизью больных идей.
я их вижу за десятки сотни километров.
мысли прыгают будто камни по толстому льду.
дыхание превращается в белые водоросли.
держимся за руки.
черно-синяя пустота голодная ночь
исполинская пума обнюхивает балконы.
блестят белки глаз. есть кто живой?
вырваны с корнями стены.
деревья скручены по спирали.

оборванные каменные лестницы как недописанные поэмы.
тело на асфальте – черно-красный спальный мешок:
разве это человек?
тьма прыгнула на.
зверь шума и пыли.
в этом мире тотальной смерти
нет любви сострадания добра. нет места
для тебя и меня.
но не утопить в крови
море море свободных людей.
сороконожкам убийц на механических коленях
не забрать нашу землю.
24.04

а сейчас в Харьков пришел первый весенний дождь.
он пришел, он не знал, что тридцатый день война.
он пришел сегодня вечером
напоить землю, деревья, черные многоэтажки.
пришел напомнить, что мирная жизнь однажды была.
что смысл жизни состоит из таких вот простых радостей и мелочей –
весенний дождь, слушай, смотри, внимай,
впитывай как губка шелест.
и комната плывет во тьме как эмбрион дракона.
сквозь стеклянную чешую окна я смотрю на дождь,
и дождь смотрит сквозь меня.
как же хорошо.
а когда я слышу грохот орудий или разрывы ракет,
то представляю – это обычный гром и молнии,
и успокаиваюсь. чик чирик.
будто мы в безопасности. в чертоге зыбких стихий.
это не начало стихотворения и не его конец.
это моя тихая радость дождя, первого, весеннего.
Харьков, мой любимый Харьков.
26.03

вчера впервые занимались любовью
после артобстрела.
два часа ночи.
минут двадцать трахались до изнеможения.
какое же это блаженство.
запредельная обнаженность
всех чувств. звериная нежность и обреченность.
освеженный ангел.
и снова.
и сразу так тихо.
выстрел сквозь подушку
розовые перышки снегопада
падают
падают
и все не могут упасть.
провода в одной бомбе
перетерлась обмотка. мы
слиплись душами, телами,
ужасом, страстью, сладчайшим потом
насыщены джинами адреналина.
пока маньяк насилует мою Украину.
напишу об этом однажды.
подробно. волшебнo. правдиво.
чтобы без фарса и пафоса, но красный ангел в анфас
и в профиль.
как мясо притрушенный бетонной пылью
ведь стихи переживут всех маньяков мира.
даже если не выживут
только любовники
Четвертый или пятый день войны; опубликовано 13.03

что я думал о нем до войны?
молокосос. двадцати лет.
худой хлипкий
руки по локоть в модных наваристых татуировках. инь янь хрень
ни рыба ни мясо. поваренок бариста
а он –
а он –
одиннадцатый день подряд без отдыха выдоха готовит еду
для сотен людей которые прячутся
под бетонном обетованным
а потом
он помогает носить сумки и кастрюли с едой
под обстрелами перебежками – к входу метрополитена
ведь там на глубине
сотни людей
женщины дети мечены ужасом измучены
живые напуганные
а наверху
вертикальные акулы
взрывов рыщут взрывают воздух стекло камень бетон
вытряхивают стены домов будто каменные ковры
ищут живое
ищут его
одного из тысяч героев
моей родины моей Украины
после войны
сделаю себе тату на руке
с его именем.

— — —

это
зазеркалье войны
жуткое запредельное
/я пишу а мой дом белокирпичный конь с людьми
вздрагивает от взрывов
кожа обоев
тише тише не бойся родной/

как яблоко от кожуры
хочу очистить этот снаряд
внутри которого железный цветок
пацан мужчина двадцатилетний герой
достоинство
Украины
14.03

бомбоубежище.
сидим тихо, точно кроты в рыхлых кишках земли.
напуганные выблядки.
мерцают грязные детские лица,
пока пьяный сумасшедший отчим
лупит чугунными кулаками по стенам.
крушит мебель,
мычит и ухает, как филин.
вылезайте!

***

тишина между арт-обстрелами
ты цепью привязан к маньячной овчарке –
не кусает, тварь,
просто держит твоё горло в пасти.
мы мертвы в точке А,
но живы в точке Б
и все это происходит одновременно.

***

громадный аквариум на кухне друзей.
рыбины грациозно мягко плавно
плывут
практически шагают плавниками на месте –
подводной лунной походкой Майкла
чуть вперед и чуть назад
это завораживает а там за окном война
безглазый червь
хватает черным ртом
снежинки людей.

***

беженцы.

он – мальчик-оленок

с темными рожками в светлых волосах

и с золотыми глазами:

в них – трусливая нежность и любопытство.

а мама-олениха

с такими же золотыми глазами

но твердыми как пальцы на курке.

***

реальность задумчиво наматывает прядь волос

на палец словно женщина.

на окне разводы от дождя.

это похоже на узор из журавлей

длинноногие текучие птицы

каменные надломленные камыши домов

гниющие лилии подъездов.

главное ничего не трогай

в этом страшном сне. притворись что ты гость.

***

все мы однажды подходим к окну

будто звери Африки к водопою

и неважно кто мы косули львы гиены

или другие

в каждом из нас есть дыхание

старых звезд.

глоток вечности

коротких вдох

выдох

***

твоя деревня зимой – волчья полость

занесенная снегом

рассеченная сказочным дровосеком

от копчика вокзала

до волчьей губы

вот уже овраг и разрушенный бомбой магазин
от мороза слезятся глаза
замерзшая артерия реки в хирургических зажимах моста
камышы – нитки разорванного шва
зимний лес как слабоумие
насквозь пронизан золотыми хрупкими спицами
лес забрался в твои
легкие
как маугли в стеклянный лифт
беги Лола беги
без оглядки как можно быстрее
зимнее небо. по небу
как сквозь сугробы утопая в снегах по грудь
медленно быстро ползет
анти-самолет
Су

***

и последняя ночь ты лежала на моей груди
теплый камень нагретый солнцем разлуки
поваленная ураганом вышка
высоковольтной сети
провода-волосы тихо искрили
и я – земля под снегом твердая как бетон
я не горел.
мы любили на четверть
использовали друг друга два полубога.
прекрасное сотрудничество.
а может и по настоящему любили
кто знает?
на этой планете хищников и скоростей
никому и ничему не дают вырасти
до настоящих размеров.

13.04

пока есть связь и жизнь – самое главное
родные мои, я чувствую каждого. всем своим сердцем.
каждым ребром. каждым взрывом.

держимся.

держимся.

сейчас нет слов. только обломки, осколки, содранная кожа, агония
прекрасного мира, который плавится.

я стараюсь писать без пафоса, без мата, лицемерия и ненависти.

потому что нет слов,

есть прослойка дыхания

под ней текут тягучие реки ужаса и ярости, и страха, и снова
ярости, огненные леопарды перекусывают друг другу глотки,
лениво и властно зевают, жутко растворяются сами в себе, как
потoki текущей лавы

а под этим всем в темной пропасти будущего зреют настоящие
слова,

новые слова, там, на глубине, они ждут своего часа,

как подводные атомные лодки или киты,

нет, все же киты.

киты умеют любить.

Олесь Григ

*Мне 59 лет. Родился и живу в Харькове.
Окончил филфак ХГПИ им. Г.С. Сковороды.
Писать стихи и прозу начал сравнительно недавно – в 2016 году.
Бумажно-печатных публикаций, за исключением стихов в
различных альманахах, у меня нет. Занимаюсь редактированием
стихов знакомых поэтов для их сборников*

Вот что значит «ни зги». Запах гари. Пальба,
впрочем, реже вчерашней (ужель настрелялись?).
Жалко тикают часики, словно мольба, –
в них еще при отце батарейки менялись ...
Харьков, вечер 03.03

Сад как будто в дымке белой –
распоясался апрель.
Ночью бомбой не задело.
Что там, в городе, теперь?..
Люди гибнут под бетоном,
под металлом и огнем.
Я неделю не был дома.
Не уверен – буду ль в нем...

То проснусь на час среди ночи,
то ворочаюсь во сне.
Чорні брови, карі очі
не приснятся больше мне.

Если что-нибудь и снится,
так раскаты и гроза,
бомбомечущая птица,
злые черные глаза...

18.04

Рыжая Ира

Стирают два дворника липкий налет,
скрипя, со стекла лобового,
по улице рыжая Ира идет
в апреле две тыщи второго.

Мы с нею дружили когда-то давно.
– Садись, – говорю из салона, –
покурим и вспомним с тобой заодно
прогулки по харьковским склонам.

Ветшали дороги, каштаны цвели,
менялись из радио звуки,
а мы все катались, а часики шли
и, ясно, дошли до разлуки.

И где она, что с ней – хотелось бы знать
теперь, под бомбежками, днями.
Таких в наше время уже не сыскать,
с пожарного цвета кудрями.

Так пусть же останется точно такой,
с улыбкой, почти что святая!
Когда я отправлюсь на вечный покой,
тогда этот образ растает...

13.03

Закат над лесом полосат –
свинец, разбавленный парчой.
И пенье птиц, и тут же «Град».
Под Харьковом далекий бой –

с той стороны. А мы пока
бытуем в мирной стороне.
Свинец, парча и облака –
без них не удастся мне...

22.04

Викторія Григорєва

*Я попросила написать о себе другого человека,
сама бы не смогла так красиво:*

*«Як ти?» – то вже не питання, то пароль і відгук своїх, по цілому
світові розпорошених, близьких людей. Вікторія - прекрасна,
чуттєва, водночас сильна та рішуча одеситка з неймовірними
ідеями, класним гумором та вдачею. Війна забрала у неї рідне
спокійне місто, затишну оселю, роботу, що буквально дарувала
щастя тисячам українців (Вікторія – засновниця та головна
чаклунка агенції з організації святкових подій). І на тлі жалю,
розпачу і небувалої сили надії народилися вішовані послання,
що лунають від серця до серця, що тоненькими літерами
прошивають сотні кілометрів і поєднують українців. Вікторія –
творча і надихаюча жінка, лагідна матір і дружина, неймовірно
професійна бізнес-леді, добра подруга та поетична натура, що
обійняла словами український народ у час смуту через усі кордони*

– Как ты?

– В подвале, забыв все понты

Вспоминаю молитвы, а ты?

– Собрала всю жизнь в чемодан.

Граница – вот весь мой план.

– Напиши, где тебя искать.

Хочу ж когда-то тебя обнять..

– Как ты?

– Склады терпенья совсем пусты...

Слышишь... выстрелы... Снова! О!

– Не бздеть. Работает ПВО.

– Как ты?

– Поеду куплю еды.

Дети ночью сильно кричат

С тех пор как начал херачить «Град».

– Как ты?

– Кругом брошенные коты
Наш поселок пустой стоит
кормим ходим. Душа болит.

– Как ты?

– Я в Столице... своей пустоты.
Представь: все гуляют, в кафе сидят
Модничают.

– Как мы с тобой, помнишь? Лет сто назад.

– Как ты?

– Фашисты бомбят мосты
Запасам воды кранты
...Сообщению пять недель.
Злой Февраль превратился в апрель
Нет ответа. И Связи нет
мамочка. Мой ты свет.

– Как ты?

– Я? Париж. Приютили сваты
Разве знать я когда-то могла
Что его красота – как мгла
И живя на Монмартре, родной,
Больше всего я хочу домой.

Сегодня Душу, ее лоскуты
Сшивает только святое «как ты»
Нет давно никаких «привет»
Полутонов с февраля уже нет
Нету долбанных «да, но...»
Наши мирные гибнут давно
Нет оттенков у зла и тьмы
Оправданий нет у войны!

КАК ТЫ?

Перекличкою доброты
Стали эти святые слова
есть ответ – надежда жива

23.03

Ирина Иванченко

Из Киева. Поэт, журналист, родилась 17 апреля 1974 года.

Пишет на русском и украинском языках.

Автор шести книг стихотворений.

Член Национального союза писателей Украины

Есть ли в небе кто живой?
Я сниму ничейный угол.
Между морем и землей
пришвартован Мариуполь.

Чайки спят крыло к крылу
на продавленном причале.
Я сегодня не умру, –
говорю себе ночами.

Чайкам, спящим у воды,
снятся родовые гнезда.
Наши галочки следы
заметает хвост обозный.

То ли тесно меж людьми,
то ли мы родимся позже,
то ли маятник любви
покачнется в нашу пользу...

Смерть краснеет на юру,
жизнью поймана с поличным.
Говорю себе привычно –
я сегодня не умру.

17.03 (2015–2022)

Все спешат на Вокзал. Даже тучи в Европу плывут.
Неужели случится и нам? Неужели придется
оставлять доморощенный свой, домотканый уют,
где заботливой Паркой суровая нитка прядется?
Существует Италия только в рассказах друзей.
Затяни наваждение потуже, как в талии – пояс.
Палиндромный мой быт: дом – аптека – подвал – Колизей –
Колизей – дом – аптека –
и мимо промчавшийся поезд.
За оседлую жизнь не по силам назначена дань.
Не в печной ли трубе удержать собираешься тягу
к перемене значений, мельканью названий и дат...
Пусть усталые люди на теплые камни прилягут.
Неужели и нам суждено,
Неужели и нам
собираться сегодня велят милосердные боги...
К средиземным мирам, к чужеземным доплыть берегам,
как гадальные карты Европы – раскинуть дороги.

02.03

Между бомбежками она подметает подъезд:
«Уборщицы нет, что ж нам теперь, засрать?»
Вот он, безвиз в преисподнюю, виза без
даты, туда, где поздно огня бояться.

Между бомбежками он охраняет вход
в ближний подвал, где соседи снесли пожитки.
Вот он, Господний свиток, заветный свод
о том, что не стоит бояться любви и жизни.

Нет окаянных дней и времен лихих,
время – одно на всех холодком по коже.
Между бомбежками, Боже, пишу стихи.
Нет, опоздала, во время бомбежки тоже.

04.03

Светает. Стихло. Птичий гам
укроет Киев одеялом.
Я различаю по глазам
того, кто вышел из подвала.
Светло, как в детстве, по ночам
от вспышек, падающих рядом.
Идет домой и ставит чай,
и смотрит поседевшим взглядом.
Подвал – спасибо, что не склеп, –
есть сгусток безопасной зоны.
Он стар, но может резать хлеб
в отряде самообороны.
Кораблик к дому своему
плывет в тоске исповедальной.
Что знают Сартр и Камю
про опыт экзистенциальный?
Горит на страже Верхний Вал.
Болит Желань в районе сердца.
И я иду за ним в подвал,
чтоб хоть немного отогреться.
И так не верится в тепле
и тишине недолгой, звонкой,
что я живу не на земле,
а в шаге от взрывной воронки.
04.03

А теперь послушай о том, что из умных книг
не почерпнут ни зверь, ни моллюск, ни птица.
Ужас – тоже животное. Накорми,
обогрей, приласкай, видишь, как он боится.

Вот он свернулся жгутиком в животе,
лапки поджал, эмбриону души подобен.
Если ты помнишь, ужас приходит к тем,
кто изначально чист и внутри свободен.

Потому что из тех, кто полон мороком и слюдой,
ему ни за что не выйти, хрипя и тужась.
Он давно вошел в их тела, как к себе домой,
ибо они и есть настоящий ужас.

А твой звереныш – просто защитный спам.
Всякую тварь Господь создает зачем-то.
Защити его и защитишься сам
под несущей стеною плача, зарей вечерней.

04.03

Здесь блаженная Юлия бродит страною чудес,
просит десять копеек, зимою вот так же просила.
Вынимаю полтинник.

– Храни тебя Господи здесь.

И в молитве безумной нездешняя чудится сила.

– Видишь, плотник Иосиф готовит веселую смесь,
в зажигательной схватке со смертью сойдясь, в хороводе.
Передай по цепочке: «Храни тебя Господи здесь».

И в безумной молитве есть место любви и свободе.

Нет, не все мы уехали, город не выедет весь
за пределы земли, за блокпосты, за стены Софии.
И в репостях сирены: храни тебя Господи здесь,
и в прощальных гудках поездов, и в священном эфире.

Повторяю за нею: храни тебя Господи здесь,
и повсюду, о где бы ты ни был, храни непрестанно,
точно пену земную сдувая имперскую спесь,
заслоняя собою на подступах и полустанках.

06.03

За всех недотянувших, недо-
любивших – молча и до дна.
Мы, как на Пасху, мыли небо,
когда закончилась война.

Мы платья легкие надели
и стол накрыли всем двором,
и наши мертвые сидели
напротив нас за тем столом.

Слова теплей, чем мех овчинный,
когда душа трещит по швам.
Не зря мы всю войну учили
детей и внуков тем словам.

За тем, кто на чужбине горя
хлебнул, мы слали корабли,
и возвращались из-за моря
друзья, соседи, журавли.

Мы жили. Долгие недели
была толокою страна.
И только песен мы не пели,
когда закончилась война.

11.03

а по ночам кровоточит и гложет
сколько бы ты ни просил отпусти
эта ракета летит за Сережей
бесится воет не может найти
ночью помилуй а утром осанна
дому со всем уцелевшим добром
эта ракета летит за Оксаной
теплое сонное чужа нутром
за блокпостами ежами заставами
дети мои под несущей стеной
черная гладкая и хвостатая
эта ракета летела за мной
точки на карте нет пятна родимые
Киев Одесса повсюду родня
Господи всех сохрани до единого
выживи сам не забудь про меня

19.03

Нам не дадут в раю новые позывные.
Встали в одном строю мертвые и живые.
Встретив, согрев, обняв, в мире неизмеримом
все, кто хранил меня между войной и Римом.
В мире, где больше мер нет для души и тела,
держит меня Гомер за руку под обстрелом.
Небо от рваных ран скрыв рукодельной сеткой,
вышел Франко Иван, как Моисей, в разведку.
Гоголь схватил обрез, мне прикрывая спину,
и волонтеры здесь Осип, Борис, Марина.
Время любить и жечь, и, милосердный в горе,
поднял духовный меч Сковорода Григорий.
Щит нам – небесный свод, вышитый млечной гладью.
Занял мой братский взвод улицу пядь за пядью.
Рядом, не пряча сил, светом полны и гневом
все, кто меня любил между войной и небом.

08.03

молока и меда

меда и молока

хлеба тепла и быть может вечерний воздух

Господи не оскудеет твоя рука

сколько бы раз в нее не вбивали гвозди

молока и хлеба и может глоток вина

плед потеплее укрыться от вечной стужи

что там на завтрак у смерти война война

голод в обед и уныние сытный ужин

где на земле найдется тебе приют

где поселить семью и пробыть до срока

родина это жизнь и ее живут

и проживают вместе и одиноко

писем стихов и быть может морской прибой

места кораблику в тихой и звездной гавани

родина это то что беру с собой

в самое дальнее самое позднее плавание

меда тепла и быть может еще любви

смерть закрепилась прочно в черте оседлой

руки ее по локоть в моей крови

но коротки они чтобы достать до сердца

хлеб из печи материнское молоко

жизни для тех кто смертен

бессмертья родине

Ты что над водами рядом и высоко

над городами твердью людьми народами

23.03

Эти горе-слова
не растопишь слезами.
Ни жива, ни мертва
я стою на вокзале.
И чернеет вдали
небо над Фиолентом.
Я на сгибе земли.
В кассе нету билетов.
Сердце бьет, как родник,
и расходятся створки.
Приютит проводник
в уголочке, в каптерке.
И в купейном тепле,
по кроващему следу
я приеду к тебе,
завтра утром приеду.
Я тебя обниму
и замру под ключицей.
В эту горе-весну
ничего не случится.
Я доеду домой
через пламя и копоть.
Мой божественный, мой
человеческий опыт.

14.04

Александр Кабанов

Украинский поэт, пишет на русском языке. Живет в Киеве с 1985 года. Автор 14 книг стихотворений и многочисленных публикаций в отечественной и международной газетной и журнальной периодике. Его стихи переведены на все основные европейские языки, а также на нидерландский, польский, финский, сербский, грузинский и др.

В связи с путинской агрессией Александр Кабанов, возглавлявший украинский журнал о современной культуре «ШО» (2005–2022), был вынужден закрыть проект, который 17 лет был делом всей жизни поэта

В овраге, на холме – я спал в огромном доме:
наполовину – пуст, наполовину – полн,
я книгами топил камин в кубинском роме –
и слышал шелест волн, и слушал шелест волн.

Его перебивал: то монотонный зуммер
сверчков в кустах, то эхо от вины:
как все же – хорошо, что так внезапно умер,
что не дожил мой папа – до войны.

Иначе он бы выл как старая собака –
от боли, под обстрелом, без лекарств,
в херсонской оккупации, страдающий от рака,
но взял его господь – в одно из лучших царств.

Иначе он бы знал, как могут эти суки –
со смехом убивать, насиловать и жечь,
но взял его господь, как мальчика, на руки,
как сына своего – от муки уберечь.

И вспомнил я сейчас, в апреле, на изломе –
весны, когда мы все – обожжены войной,
про папу своего, когда я спал в роддоме:
он плакал надо мной, он плачет надо мной.

30.04

Олег Ладыженский

Родился в 1963 году, коренной харьковчанин. Кем только не работал: режиссер в театре, тренер каратэ, редактор, курьер; случалось, пас коров. Писатель, работаю в соавторстве с Дмитрием Грозовым под совместным псевдонимом Генри Лайон Олди. Издано около трехсот книг, включая переиздания и переводы на французский, польский, чешский, литовский и другие языки. Лауреат многих литературных международных премий. Записан десяток альбомов с песнями на мои стихи, включая авторское исполнение

Вначале было слово, а война
Случилась после. Лопнула струна,
На тонкой, зыбкой грани тьмы и света
В ночи мерцают чьи-то имена.

Вначале было слово, а беда
Пришла потом. Багровая вода
Течет в ручьях. Железной саранчюю
Обглоданы пустые города.

Вначале было слово и в конце
Пребудет слово. Маска на лице
Вросла, пустила корни. С каждым вздохом
Все чаще вспоминаю об отце.

Отец небесный и отец земной!
Что делать мне с проклятою войной,
Когда война, как слово, под запретом
И прячется за дымной пеленой?

Летит над домом ведьмин вой ракет,
Да будет свет, но где он, этот свет?
«Вначале было слово...» – отвечают,
И более ни слова мне в ответ.

02.04

Савл идет по дороге в Дамаск,
Понимая, что путь вышел боком.
На дороге сожженный КАМАЗ,
Виртуальные выхлопы масс,
Всадники. Мор бормочет: «Чума-с!»
Нету бога.

И дорога уже не важна,
Трудно двигаться против рожна.

Савл идет, спотыкается Савл,
Шапка неба на голову давит,
Громяхают бои по лесам,
Кровь течет у вождей по усам,
Кровь течет, но и в рот (чудеса!)
Попадает.

Савл безумен, разбит, напряжен,
Савл упрямо идет на рожон.

Он идет, сам не зная куда,
Камень вечности бьет по кресалу,
В красной речке бурлит не-вода,
Закипает в котле не-еда
И бредет, бормоча: «Вот беда...»,
Бог за Савлом.

Расступается всадников ряд,
«Ничего, пусть идут», – говорят.

14.04

В подвале замка Эльсинор
Почти что тишина,
И все равно из тайных нор
Течет она.
Война.
Не слышно взрывов и ракет,
Ну хорошо, почти.
– Прочти, Офелия, сонет...
И эхом из углов в ответ:
– Прочти,
Прочти,
Прочти.

Закутан принц в тяжелый плащ
Из старых одеял.
– Молчи, Офелия, не плачь,
Где мы, где ты, где я?
Ах да, забыл, мы оба здесь,
Мы вместе, вот и все.
Нам Фортинбрас благую весть
Бомбардами
Несет.

А там, за замковой стеной,
Изрытая земля
Живет войной, одной войной
Во славу короля.
Идут полки за рядом ряд,
Красив солдат наряд,
И вот подряд, опять подряд
Снаряд,
Снаряд,
Снаряд.

Нелепы шпага и кинжал
При залповом огне,
Остался или убежал,
Без разницы войне.
– Что я читал? Слова, слова!
И эхом между стен:
– Я умер, нимфа, ты права,
И в волосах твоих трава,
И я мертвец, и ты мертва,
Я призрак,
Голос,
Тень...
08.04

Покажи их счастливыми
(вот пролог, три страницы),
Водомерка под ивами,
Рябь лучей на ресницах,

И валяй: гром над липами,
Лужа крови под ливнями,
Грязь на дальних дорогах...

Нет, не так. Пахнет сливами,
Три страницы пролога.
Покажи их счастливыми,
А потом их не трогай.
03.05

Юрий Маканов

На данный момент мне 38 лет, живу в городе Полтава в Украине. Стихотворение начало появляться во время воздушной тревоги на разложенном в коридоре каремате. Люблю небо, фотографию, литературу и миры Хаяо Миядзаки. В свое время получил филологическое образование и работал в общеобразовательной школе, а в «небесной сфере» был инструктором первоначальной парашютной подготовки

Разговор на облаках

– Привет, ты откуда? Я из Ленинграда. А ты?

– Мариуполь.

– Ой, тоже из ада...

Я здесь из-за голода, с сорок второго.

Вовек никому не желаю такого.

– Я тоже жила тихой жизнью у моря.

Училась, влюблялась, любила поспорить...

Пока рано утром вдруг не поседела,

Когда дом соседский осел под обстрелом...

По-подлому. В спину. И без объявлений.

– Ох, как мне знакомо такое явление...

Нас тоже бомбили, стремясь уничтожить,

Стереть непокорных!

– Тебя, значит, тоже?..

– Ну да. Потому я тебя понимаю.

Сама очень долго ходила по краю.

Вовек не забуду, как добрый папуля

Закрыв меня с мамой от вражеской пули.

Мне мама потом весь свой хлеб отдавала,

А вскоре на улице прямо упала...

Чуть позже холодной и лютой зимою

Во сне меня голод увел за собою...

– Со мной был братишка. Нигде не видала?
Мы вместе сидели в том жутком подвале.
Нам выход взрывною волной завалило.
Все живы остались, а маму убило...
Нет связи, воды. А потом мы не ели
Наверно, с неделю. Нет, больше недели.
Когда он ушел, я не сразу узнала,
Искала, как выбраться из-под завала.
А так, как и ты, в ночь клубочком свернулась,
Пытаясь согреться. И здесь уж очнулась.
Тут новеньких много? Хочу без затей
Своих отыскать и обнять поскорее!
– Недавно к нам прибыли девочки с Бучи.
Молчат, тихо плачут, все держатся в куче.
Глядят почему-то пустыми глазами...
За что же такое проделали с вами?
Вы ж в веке живете уже двадцать первом,
А дети несут на могилы консервы...
– ОНИ утверждают, что в праведном деле
Господь их наводит на нужные цели,
Что правы, «по-братски» неся нам расплату,
Что с МИРОМ ракеты летят в наши хаты!
– Ты знаешь, мне эти мотивы знакомы.
ТЕ тоже кричали, что Богом ведомы.
Закончилось все почему-то в Берлине.
Я думала, помнят о том и поныне.
Но хватит о грустном! Давай, полетели!
Поищем твоих уже, в самом-то деле!

18.04

Николай Лобанов

Родился во Львове, живет в Киеве. Участник многих литературных проектов, шеф-редактор международного сборника поэзии и прозы «Артелен», издающегося в столице Украины

хроника военного времени

Эвакуация весны.

И горе – камнем неподъемным,
А Марс, объевшись белены,
Объят порывом неумным

Пустить весь белый свет под нож –
Что хуторок, что целый город,
Который раз бросая в дрожь
Живых и мертвых – без разбора.

Планеты новая глава
Кровавой линией излома:
Мертворожденная трава
У опрокинутого дома,

Распятый ужасом старик,
Душ безвоздушная тревога
И солнца замершего крик –
Незаживающим ожогом.

23.03

киевский вальс

– Что происходит на свете? – А просто зима.
Юрий Левитанский

– Что происходит на свете? – А просто война.

– Просто война, ты считаешь? – Признаться, не просто:
Солнце увядшее, черные травы у моста,
Трижды распятая гостем незванным весна.

– Что же за всем этим будет? – А будет рассвет.

– Будет рассвет, ты считаешь так? – Да, я считаю,
Небо дырявое нитью суровой лата
И подшивая печальные весточки лет.

– Чем же все это окончится? – Песнями птиц,
Памятью горькой, надеждой и словом заветным,
Не поспевают рассветные мысли за ветром,
За бесконечной мозаикой буден и лиц.

– Что же из этого следует? – Следует быть,
Просто всего лишь не кем-нибудь быть – человеком,
Сердцем продрогшим срастаясь с обугленным веком,
Не разрывая времен обесточенных нить.

Следует быть, ибо, сколько ни длиться войне,
Божьему свету черед свой настанет пролиться,
Нам ли друг в друга обратно с тобой не влюбиться,
Нам ли с тобой не бродить при стыдливой луне?..

Крутится-вертится нехотя шар голубой,
Нам ли не верить с тобой, как и прежде, друг другу,
Нам ли не мчаться, счастливым, по яркому кругу...
Только пока, потерпи, – продолжается бой...

01.03

нежность военного времени

Когда, опустошая тишину,
Сознание третируют сирены,
Когда, взывая к завтрашнему сну,
Пытаешься увидеть перемены,

Когда в душе запойные дожди,
Когда в глазах краснеющих ненастье,
Когда неразличимы впереди
Пространства заштрихованные части,

Когда стекает полночь со стекла,
Крест-накрест переклеенного лентой,
Потребность хоть какого-то тепла
Вдруг проступает сущностью момента.

Мужается, линчует суету,
На поле жизни Бог, у самой кромки...
И нежность накрывает пустоту
Зияющей внутри тебя воронки.

31.03

переписка военного времени

Беда: забыть знакомый почерк,
Припомнить музы экивок
И между выгоревших строчек
Не обнаружить никого.

Уже беспомощны и маги
Постичь затмения разлук,
И мрак белеющей бумаги,
И звон осыпавшихся букв.

Роятся спутанные мысли...
Пространство точек болевых.
И неотправленные письма
Находят павших и живых.

10.04

берега и обереги

Живу на левом берегу,
Где о вчерашнем память – бремя,
Где, задыхаясь на бегу,
Кровит отравленное время.

А ты на правом, правом, пра...,
Где чтут обряды и приметы,
Где свято верят богу Ра
И прихорашивают лето.

Меж нами – звукопись огня,
Стена дождя, твердыня снега
И неба хрупкая броня –
Нерукотворным оберегом...

13.04

чудеса военного времени

Огня расплавившийся звук,
Письмо из выгоревших точек
И текст, в котором нету букв, –
Лишь паутина рваных строчек.

Но, растопив бумаги снег,
Ночь поглощает мыслей смуту
И ускоряет время бег,
Транжиря полые минуты,

Выносит спешно за поля
Руины, раны, похоронки
И бронзовеют тополя
В зеркальном омуте воронки.

Минует память ворох лет,
Размолвки, беды, передряги
И ближней робкий силуэт
Вдруг проступает на бумаге...

24.04

Игорь Никитин

Родился (27.05.62) и вырос в Крыму, в Симферополе. Более 30 лет живу в Полтаве. Авторская песня уже не увлечение, а часть жизни. Пишу, пою. Друзья пока терпят

Самое трудное – это чего-то ждать,
Страхом холодным кардиограмму сжать,
Мысли недобрые ночью бессонной жать,
Зная, что все равно их не избежать,
Зная, что все молитвы – до фонаря,
Но –
Господи, пусть минет нас чаша сия...

24.02

Лихо мелет военный жернов,
Все вокруг стало черно-красным.
Мир готов принести нас в жертву.
Мы быть жертвою не согласны!

Мы не жертва! Пока мы живы,
Видя боль обгоревших кровель,
Ало ненависть прет по жилам,
Растекается вместо крови.

Слыша звон наших колоколен
И молитвы на небеса –
Бог лишь «сильно обеспокоен»,
Бог печально прикрыл глаза.

Он устал... Или чем-то болен,
Или плюнул на белый свет...
Но пока хоть один есть воин,
ХОТЬ ОДИН УКРАИНСКИЙ ВОИН –
Мы не жертва, Всевышний, нет!

07.03

Прощеное воскресенье

В этом доме кто-то жил...

В этом доме кто-то жил...

Да и в этом доме тоже

Неприменно кто-то жил...

Это были этажи...

Это были этажи...

Это – лестничные клетки...

А теперь здесь ни души...

Здесь ругались и любили,

Здесь на праздник водку пили,

Подрастали малыши.

А теперь здесь ни души...

Вот кирпич – стена когда-то,

Календарик с мирной датой,

Детские карандаши...

А теперь здесь ни души...

Вот табличка – бывший адрес,

Пепел фото – чей-то абрис,

Вот скелеты от машин...

А теперь здесь ни души...

Утро. Харьков. Воскресенье.

Нет прощенья... Нет прощенья!

06.03

Век снова изуродован войной –
Лишь шаг до пропасти, до точки невозврата,
И мой Народ, как Божий Сын распятый,
Других спасает собственной ценой.

И иглами тернового венца
Впиваются в лоб Харьков и Гостомель,
И горький плач в разбитом взрывом доме
Разлит смертельной бледностью лица.

Но мир не слышит, как Народ кричит
От боли, до крови кусая губы,
Когда в ладонь вбивают Мариуполь
Бездушные, немые палачи.

Но мир не видит, что течет уже
Из горестного, раненого сердца
Кровь рожениц, святая кровь младенцев,
И ненавистью всходит на меже.

И в сотый раз взывая к небесам,
Народ хрипит: «Ты слышишь, Аве Отче!
Останови безумство черных полчищ!
Что не глядишь Ты?! Что отводишь очи?!...
Ах, Ты не можешь... Что ж – тогда я сам».

10.03

Мародеры

Она надевает мanto с чужого плеча.
Ей все равно, что мех испачкан в крови.
Собой недурна. Она – жена палача,
Чего не скажешь, глядя на внешний вид.
Она уже не работает. А зачем? –
Недавно на службе муж подписал контракт.
Он не сказал, куда едет его в/ч,
И для чего букву «Z» налепил на танк.
В принципе, ей все равно – где он, что и как –
Не забывал бы вещи оттуда слать.
А по кому стреляет зеленый танк –
Ей абсолютно неинтересно знать.
Может, она нарожает детей потом –
Мелких ублюдков, если пойдут в отца...

Выстрел! И оседает усталый дом.
Известь вспорхнула с расколотого лица.

Да... Небогато жили. Чего тут брать?
Балка от взрыва грохнулась в старый пол.
Кухня. Два трупа. Видимо, дочь и мать.
Ух ты – шевелятся! – очередь в упор.
Жаль, не тот случай. А хорошо ж попал!
Что тут – посуда, древние костыли...
Ротный везунчик – шубу жене послал!
Классная шуба! – только чуть-чуть в крови.

20.03

Двадцать четвертого ноль второго
Мир наполнился новым смыслом.
Двадцать четвертого ноль второго
Я стал бандеровцем и нацистом.
Двадцать четвертого ноль второго
Рано утром, когда мы спали,
Двадцать четвертого ноль второго
Пока мы спали, на нас напали.

Танки взревели
В поисках целей
В хищном запале,
Дернулось дуло –
Смертью подуло.
...А цели спали.

А цели спали – взрослые, дети –
Самый сладкий сон на рассвете,
Когда уже хрупкая тишина.

В этот четверг началась война...

Мы еще продолжали спать,
А нас уже пришли убивать.
И стало страшно, когда спросонок
Заплакал разбуженный взрывом ребенок.
И вся разбуженная страна
Горько выдохнула – Война!

Я вспоминаю снова и снова
Двадцать четвертое ноль второго –
Лица без цвета, глаза без света.
Еще кто-то не верит в это –
Ищет какой-то другой ответ...
А другого ответа
нет.

– Надо ехать?..
– Не надо ехать?..
– Что с собой?..
– Как-нибудь устроюсь...
Кошка, рыжий кусочек меха.
А у этой их даже трое.

– Никогда бы не уезжали.
Не подумайте, что сбежали,
Но... вчера был прилет к соседу...
Нет соседа... И я уеду...

Эти слезы в глазах вокзальных...
Сумка брошенная с вязаньем,
Мишка плюшевый и коляска...
Проводница: «Всё, под завязку!»
Под завязку набитый горем...

– Вы куда?
– Есть знакомый в Сколе.
– Я в Тернополь. Но если дольше,
То в Германию или в Польшу...

Уже привыкаем к орущим сиренам,
И знаем, где в доме несущие стены.
И знаем про Бучу, Ирпень и Гостомель.
И знаем, что каждый десятый бездомен.
И про Мариуполь, Херсон и Чернигов...
Ну что ж замолчала Ты, Вечная Книга?
Не верю, что против проклятой росии
Бессилен Всевышний, Который всесилен!

Мы делим по звуку калибры орудий,
Мы делим живущих на «люди – не люди»,
Мы знаем, что время сейчас – «или –или»,
В нас въелся войны этой холод могильный.
И черные лица от гари и пота,
И жизни, и смерти – цена за Свободу.

Семенем выжатым
Все-таки выживем,
Снова взойдем на земле этой выжженной,
Вystoим, выстроим
Нашу Победу.
Просто
Иного
Выхода
нету.

26.04

Раскрылось небо во всю ширь.
Душе слежалой
Внезапно захотелось жить.
Пчела жужжала.
Пчела летела на цветок.
Линяли белки.
С берез уже цедили сок
Прохладно-терпкий.
Ходили черные грачи
По пашне черной,
Срывались теплые лучи
К проросшим зернам.
И белым цветом во дворах
Кипели вишни,
И ваты облачной гора,
А солнце – выше.
И отражалась тишина
В озерной глади...
И ни к чему была война.
Совсем некстати.

22.04

Привет, Бог! Спаси всех.
Меня не надо – я уже старый.
В моей башке навсегда снег,
В моих глазах навсегда усталость.
Привет, Бог! Бог Ты или не Бог?
Если Бог, то за все в ответе...
Сеня просит, чтоб Ты помог.
Ты читаешь, что пишут дети?
Или Ты для каких элит,
И для выборочных воскресений?
Я не знаю круче молитв,
Чем Молитва мальчика Сени.
«Привет, Бог!» – с большой буквы – Бог.
Сеня верит. Он слишком молод.
Сеня верит, что дядя Бог
Защитит его милый Город.
Сеня верит. И я. Пока.
В майском солнце коты на крыше.
«Привет, Бог!» – ору в облака,
И надеюсь, что Он услышит.
08.05

Константин Ольмезов

Украинский математик и поэт родом из Донецка. С 2018 года жил и работал в Москве, после начала войны пытался покинуть Россию, чтобы стать защитником Украины, но оказался под административным арестом, а после выхода из изолятора совершил самоубийство. Он оставил на своем Телеграм-канале «Константин и буковки» подробное прощальное письмо, где написал «Несвобода для меня хуже смерти», а завершил письмо этим стихотворением

Хотят ли русские плакатов «Нет войне»?

Спроси об этом у омовца в броне,

Спроси об этом у ныряющих в метро,

Спроси об этом у вцепившегося в трон.

Хотят ли русские разбитых городов?

Спроси об этом у забитых поездов.

Хотят ли русские разрушенных больниц?

Спроси у высохших младенческих глазниц.

Хотят ли русские хоть что-то изменить?

Спроси об этом у оставшегося СМИ.

Хотят ли русские искоренить нацизм?

Спроси об этом у студентов с буквой «цыц».

Твоей визиткой станет этот жуткий год,

Воистину непоколебленный народ,

Готовый хоть в крови купаться, хоть в говне,

Но лишь бы не было плакатов «Нет войне».

20.03

Станислава Орловская

Родилась в Донецке, прожила там 23 года. Закончила ДонНУ им. Василя Стуса, украинский филфак. После оккупации Донецка российскими войсками забрала всю семью и живет с тех пор в Киеве. Сейчас во временной иммиграции в Германии: после полномасштабного вторжения РФ в Украину пришлось снова прощаться с домом, прежней жизнью.

*Но надежда вернуться домой не гаснет.
Позиционирует себя как украинская авторка*

Собрала чемодан. Положила вину, войну.
Жемчуг, паспорт, внутренний вой, страну.
Скорбь, крик с открытым молчащим ртом.
Собрала чемодан. Положила в него дом.

Взяла зиму с собой, в себе, не могу весну.
Взяла память, но вряд ли к ней прикоснусь.
Взяла прапор, ярость, бессилие, боль.
Взяла гордость за то, что этот флаг – мой.

Omnia mea mecum porto и Дом там, где мы.
За эти две мантры держусь уже две войны.
Как я вообще держусь? Натянула струну.
Ветер заденет – пойду с песней ко дну.

И вот там,
на дне океана,
под толщей льда,
Где нет русских танков
(хоть тут)
И спит волна,
Кину якорь,
Открою чемодан.

Чтоб оттуда достать дом,
И хотя бы там
Найти мир,
Покой,
В третий раз посадить цветы,
И у дома поставить знак:
«ТУТ НЕТ ВОЙНЫ».

Только вот в чемодане и в каждой клетке меня,
Рядом с жемчугом и паспортами лежит война.
Стоит выдохнуть, открыть чемодан, тут как тут
Доброй русской ракетой в дверь: тук-тук.

Добрый русский товарищ пришел меня спасать.
Долго шел, но его доброте и до дна достать,
Добрый русский товарищ на военном корабле
Изнасилует по любви и по простоте.

Собрала чемодан. Положила вину, войну.
Жемчуг со дна на память, свою страну.
Скорбь, крик с открытым молчащим ртом.
Собрала чемодан. Положила в него дом.

26.03

Грех жаловаться.

Две недели в подвале, но люди были хорошие.

Сказки друг другу читали, делились крошками.

22 километра пешком из Бучи, но с любимой кошкой.

Было сложно.

Но грех жаловаться. Как-то сложится.

Грех жаловаться.

Сына на фронт провел. Сегодня.

Он так решил.

Внутренности мои вынули и пустым зашили.

Жить пустым и ждать пустым.

Проклинать и молить небо.

Грех жаловаться. Есть те, кому ждать некого.

Грех жаловаться.

Дом сгорел. Полностью.

Купили его за год до войны, жили в нем с гордостью.

Мы на него копили с двестищетырнадцатого,
горсть к горсти.

Яблони посадили, хотели сад растить.

Грех жаловаться. Не грех мстить.

Грех жаловаться.

Не спала с февраля, но я жива.

В лагере для беженцев скатерти в кружевах.

Молоко ушло, почки набухли, малыш плачет,

Schau nicht zurück – это что значит?

Ужасно хочу домой. Но грех о себе говорить.

Грех жаловаться и грех жить.

Грех жаловаться.

Меня зачали под скрип карусели.

В июне. Мои родители меня хотели.

Купили манеж, коляску, выбирали имя.

Обязательно украинское. Выбрали Соломия.

Выходила вперед головой, кричала, дрыгала ножками.

Грех жаловаться. Я родилась в метро под бомбежками.

P.S. Жду папу. Мама говорит: осталось немножко.

23.04

Светлана Панина

*Переселенка из Грозного в Крым (1994 год),
из Крыма в Киевскую область (2014 год),
из Киевской области – беженка в никуда (2022 год)*

Я знаю, что тьмы не существует. Тьма – это место, куда не добрался свет. Можно задуть свечу, выкрутить в подъезде лампочку,
Но уничтожить свет – это нет.

Я знаю, что тишины не существует. Тишина – это место, куда не добрался звук. Можно закрыть свои уши или чужие рты.
Просто звуки взорвутся все сразу вдруг.

Я знаю, что холода не бывает. Градус выше абсолютного нуля – формально уже тепло. Но такая температура убивает.
Как молчание, мрак и прочее зло.

Я знаю, что зла не существует. Зло – это вакуум на месте любви.
В нем звуки, тепло и свет исчезают. Остаются лишь руки в крови.
30.03

У тебя все в порядке, не вой.
Друг воюет на передовой.
Он напишет, как кончится бой.
Жди двух слов в SMS: «я живой».

И подруга совет: «Я в тылу.
Обдираю с деревьев смолу.
Позвоню, как уйдем с пикника.
Обнимаю, целую. Пока».

У тебя все как надо, поверь.
Не пугайся – захлопнулась дверь.
Ты задумалась, окна открыв.
Это просто сквозняк, а не взрыв.

У тебя все отлично, не плачь.
Ты же тертый наждаком калач.
Время лечит. Для нас оно врач.
А убийцам невинных – палач.

У тебя все прекрасно – рыдай.
Ты жива, так слезам волю дай.
Я поплачу в обнимку с тобой.
И потом мы продолжим наш бой.

02.04

Галина Пашкова

Живет и работает в Харькове. По специальности – инженер-механик-исследователь. Кандидат технических наук, начальник лаборатории. Член Харьковского Клуба песенной поэзии имени Юрия Визбора и творческого объединения «Третий цех». Печаталась в нескольких поэтических сборниках и журналах, в частности, «Я – женщина», к 60-летию Клуба Визбора, «Харьковский мост» и др.

Февральский снег с проплешинами рыжими
И черными – в купелях ледяных...
Мы выживем, мы непременно выживем.
У нас всего два шага до весны.

Вот снова грохот. В этот раз чуть ближе он.
Но мыслью общей головы полны:
Мы выживем, мы безусловно выживем.
Совсем чуть-чуть осталось до весны.

Пускай бедою наши души выжжены,
Но в них любовь хранится про запас.
Мы вместе! И поэтому мы выживем!
Всего лишь миг какой-то нам до нас!

26.02

Убежать от войны... Невозможно, невысказано. Просто ты
В краткий миг тишины, теплым светом толкнувшей в висок,
На минуту представь: мы вдвоем на неведомом острове.
Только ты, только я, море, солнце и желтый песок.

Пустотой дома из обугленных окон в упор глядят.
Снова грохот и гул. Вой сирены по нервам – как нож.
Ну а мы на песке, хохоча беззаботно, без слов и клятв,
Оставляем следы. И закат на пожар не похож.

Убежать от войны... Даже в мыслях уже не получится.
Дни за днями идут, а надежда – звездой вдали.
Вновь реальность: обстрелы и взрывы. Но тоненьким лучиком
Остров грез добавляет нам сил.
Чтобы выжить смогли.

31.03

Жизнь калечат нечисти,
Горе множат.
Не по-человечески,
Не по-божьи.
Грохот взрывов, боль в груди,
Дом покинут.
Но тебя не победить,
Украина!

Снова бой, опять пальба.
Очень страшно.
Но мы вытрем пот со лба –
Воля ваша.
Птицы возвращаются
С юга – клином.
Не спеши отчаяться,
Украина!

Будут травы росные,
Будут зори.
И колосья в рост пойдут
В мирном поле.
Да кому же помешал
Куст калины?!
Завидующим тем глазам,
Злым, змеиным?
Было ясно и светло –
Мрак нахлынул.
Но стоит врагам назло
Украина.
Правда кривду сокрушит –
Есть причина:
В каждом – общий крик души –
УКРАИНА!

02.04

Наталья Спесивцева

Автор книги #Небесныесказки. Из Мариуполя/Запорожья.

Сейчас, по ее словам – «бомж планетарного уровня»

Наверное, если я выживу.

Я посажу розу. Где каждый бутон – это те, кто прошел Мариуполь.

Пожалуйста, если меня слышите!

Посадите розу. Где каждый бутон это маленький яркий рупор.

Одну лишь розу. Это не сложно.

В память о тех, кто остался в подвалах, подъездах,

и просто под битым камнем.

Я очень прошу. Просить же можно?

Розы расскажут, как плакали дети, родители, выли, орали раненые.

Мои сто пятнадцать роз погибли под минами.

Но верю, что будет росток и расскажет он сказку кошкам.

Вы розы сажайте. Растение это сильное.

И будут кричать в небеса рупора лепестков ладошками.

Наверное, если я выживу.

Я посажу розу, где каждый бутон – это те,

кто прошел ад живого безмолвия.

Пожалуйста, если меня слышите!

Там каждый бутон – это те, кто не смог, не успел, не дополз...

...и еще там я...

26.03

Разговор с моим домом

- Я к тебе вернусь, мой уютный дом.
Где каждый кирпичик обласкан любовью...
- Сейчас я разрушен, и я слышу стон.
Без крыши и окон, забрызганный кровью...
- Вернусь обязательно, слышишь меня?!
- Ты только дождись, сохрани искры жизни.
- От боли и крика жирует война...
- Но я продержусь. Лишь бы мины не грызли.
- Болит мое сердце, душа, все болит.
Мне нужно вернуться, увидеть, услышать...
- Болят мои стены, и что-то горит...
- Но я терпеливый. Мне только бы крышу...
- Я точно вернусь. Подожди лишь немного!
- Ушла, в чем была. И такой же вернусь.
- Еще полыхает. Опасна дорога...
- Я полуразрушен. Но слышишь? Дождусь!!!

11.04

Борис Херсонский

Одессит, украинский поэт, публицист и переводчик, а также клинический психолог и психиатр.

Через две недели после начала войны Борис Херсонский и его жена Людмила Херсонская были вынуждены покинуть Одессу и уехать в Европу

Где сейчас ваши души? Тела не нужны ни шефу-припарку,
ни облаченному в золото лицемерному патриарху.
Есть еще красный крест, но и ему нет дела
до вчера живого, а ныне мертвого тела.
Может, маме и нужно над гробом рыдать по сыну.
Сколотили бы гроб, но где достать древесину?
Где четыре досóчки, как в старой песне поется?
Где три аршина землицы? Впрочем, земля найдется.
Но это чужая земля, куда вы пришли с войною.
Она осталась чужой, никогда не станет родною.
Не нужны вы ни бесам в аду, ни святым на иконах,
ни этим, щекастым с большими звездами на погонах.
Оказалось приказ есть приказ, но не стоит всегда быть послушным,
ты и раньше был малонужным, а умер – так стал ненужным.
Лежишь и никто не подходит к твоим останкам,
лежащих рядом с разбитым покореженным танком.

28.02

Ну что, явились – не запылились, принесли любимой букет
из танков, вертолетов, крылатых ракет,
сказали ей, ты во всем виновата, вот тебе мина-граната,
сука, чего ж ты обидела старшего брата?
Это тебе не тренировочный взрыв-пакет.

Мы не вторгаемся, мы восторгаемся – сука, не прекословь.
Коленки врозь, окровавлена простыня – вся любовь.
Мы тебя принуждаем к миру, к ужину с бронезакуской.
Мир – не простой, а русский, ты понимаешь – русский!
Русский, сколько раз повторять? Одевайся и ужин готовь!

Ну, где твой заступник? Ворочает языком?
Ты, конечно, весь век мечтала о друге таком!
Чтобы грозил оставить обидчика с пустопорожним карманом,
обзывал нашего папочку параноиком, kleптоманом,
а русского человека – алкоголиком и простаком.

Мы пришли с огнем. И ты нас встречаешь с огнем?
Посылаешь нас нах, чтобы мы остались на нем.
Как говорят, до получения дальнейших распоряжений.
Там, на причинном месте, немало мест для сражений –
то налетим эскадрильей, то ракетой долбанем.

Ты узнала меня, это я, твой Каин, твой старший брат.
С тобою ангел? А с нами летательный аппарат.
Мы навалились на вас всем спецхраном, всем телеэкраном,
мы вставим вас одетым в прозрачный кондом тираном,
у нас есть красная площадь, на ней устроим парад.

Ну что же, скачите на бывшем павшем белом коне,
он в крови, в блевотине, в грязи и гавне.
Я пишу «в гавне», словарь исправляет на «в гавани».
Спокойной ночи, товарищи – в грязном саване,
в загаженной вами же вашей любимой стране.

25.02

Летел голубь мира с оливковой ветвью во рту.
Навстречу – бомбардировщик с бомбами на борту.
Сшиблись лбами – и где был тот голубок?
Мертвой плоти комок. Окровавленных перьев клубок.
Да, плохи дела у мертвого голубка.
Ветер несет вдоль неба рваные облака.

Сбитый бомбардировщик морскою волной поглощен.
Летчик просил прощения, но, по слухам, не был прощен.
Тот, кто летал с взрывчаткой над полями чужой страны,
даже в аду не краснеет от чувства стыда и вины.
Человек, не будь автоматом, придатком к машинам войны.
Не разговаривай матом. Дни твои сочтены.

Давно на твой самолет снизу глядели стволы.
Ты б еще жил на свете, но выбрал сгущение мглы.
У миротворцев сегодня дела как сажа белы.
Мертвые негодяи в Вальгалле сдвигают столы.

18.03

Гигантский жук-носорог ползет на меня.
Вместо рога – ствол. Вместо хитина – броня.
Урчит, рычит, ужасный, нелепый звук.
А я – калека – старец без ног, без рук.
Это сон, фантом, это только эхо войны.
Надежды на лучшее как зубы удалены.
Даже страха нет – куда подевался страх?
Если жизнь существует, то где-то в иных мирах.
Где-то там, но не здесь, где снарядов больше, чем птиц,
где все тянется долго, а хотелось бы, чтобы блиц.
Все застыло, как лава – и никаких движух.
Ах, если б не этот жук, если б не этот жук!

19.04

Дед пережил две войны, если финскую не считать.
А лучше ее не считать – не оберешься стыда.
Вся советская конница, вся постсоветская рать
не соберет воедино того, что случилось тогда.
Дед был невролог. Он был военным врачом.
В сражениях не участвовал. Короче, был ни при чем.

Отец пережил только одну войну. Он был рядовой.
Теперь войну в учебниках называют второй мировой.
Зато он сидел в окопах. И в атаку ходил.
Дважды был ранен. Выстояв, он победил.
Он победил. Он выстоял на костылях.
Короче – понюхал пороху. Не отсиживался в тылах.

Но вот и я, грешный, дожил до военного дня.
В семьдесят два война догнала меня.
Догнала, толкнула в спину. И вот я в глубоком тылу.
Сажусь в глубоком унынии к письменному столу.
Не ходил в атаку. В убежищах не ночевал.
Но ненавидел врага. И этого не скрывал.

Кто-то когда-то хотел к штыку приравнять перо.
Тогда вопрос – а к чему приравнять ноутбук?
Нет, слово теперь не оружие. Чует мое нутро –
мог бы быть капеллан – по старому – политрук.
Мог бы быть, но не стал. Ночь. За окном темно.
Так темно, что не стоит смотреть в окно.

21.03

Закатный луч наискосок пронизывает окно.
Гудит сирена. Слышится отдаленный взрыв.
Иисус благословляет хлеб, а вслед за хлебом вино,
по обычаю Иудеи Бога возблагодарив.

Гудит сирена. Население по подвалам сидит.
Шелестит ракета, летящая в никуда.
Думает Иисус – завтра Я буду убит.
Потом воскресну и вознесусь. Воссяду на троне Суда.

Опреснок есть тело Мое. Вино есть Моя кровь.
Поступайте так всегда, вспоминая Меня.
Это лучше, чем бомбоубежище. Это – вечный покров.
Это – великая тайна страшного дня.

Это – ниже травы. Это выше, чем Храм на горе.
Это стоит всех сказанных Мною слов.
Что до войны – она подобна детской игре.
Смертоносный ангел пролетает поверх голов.

Тот, кто войну начинает – лучше б ему
жернов на шею – и бросить в пучину вод.
Закат погас. И город, погруженный во тьму,
ждет новых обстрелов. В подвалах сидит народ.

Новый взрыв. Летят осколки – огненный дождь.
И снова звук сирены жителей в ужас поверг.
Мир возвещает Бог. Войну возвещает вождь.
Иуда спешит за деньгами. Окончен Страстной четверг.
Страстной четверг, 21.04

Что за Пасха в этом году! Негодяи и палачи
сидят за праздничный стол, жадно едят куличи
и сырную пасху. Вот, с бандитом бандит
бодаются красными яйцами. Интересно, кто победит.

Для забавы пускают ракету. Железная птица, лети!
Убей младенца, а всех остальных напугай по пути.
Младенец, понятно, в раю. А нам всем в аду гореть.
Повеселимся сейчас, чтоб неповадно впредь.

Кира, Христос Воскресе! Как жаль, что погибла ты!
Все квартиры горят. Все пещеры пусты.
Никто никогда не узнает твоих младенческих снов.
Тот, кто рушит высоты – не пощадит основ.

Тот, кто разрушает церковь, не пощадит икон.
Двуглавый российский орел. Трехглавый российский дракон.
Задохнулся ракетчик – подавился, гад, куличом.
В этом случае бесполезно посылать за врачом.

Синеет его лицо. Глаза вылазят на лоб.
Что ему Воскресенье Христа? Что опустевший гроб?
Что ангел, сидящий на камне? Что гробные пелены?
Задыхайся, давься, поборник неправой войны!

24.04

Людмила Херсонская

Одесситка, украинская поэтесса и переводчица. Через две недели после начала войны Людмила Херсонская и ее муж Борис Херсонский были вынуждены покинуть Одессу и уехать в Европу

Война. День первый

Утром, когда за окном вместо птиц засвистели ракеты,
она вскочила в веселой пижаме,
босиком по холодному полу, как по синему небу,
босиком по небу, что это летит красное за окном?
Что это страшное? С таким сатанинским свистом
летит над нашими головами в сторону мирного утра,
почему так дрожат прозрачные стекла, прозрачная душа,
почему она так дрожит?

Так пришла война, никто не просил в гости,
никто не стелил кровати, не накрывал стол
белоснежной скатертью – как потом
отстирывать капли крови на белом
льняном полотне? – Это война? – спросила она у закрытой двери,
босиком в веселой пижаме, какая гостья
незванная страшная, не открою, не угощу ничем, не надену
красивое платье. – Не открывай, – прогудела дверь.
– Не угощай ничем, не надевай красивое платье.
Если будет ломиться, бей ее топором.

18.03

Война. День четвертый

Накануне войны купила рододендроны,
вышла сажать, а над крышей летают дроны,
и гудит сирена, и бухают ПВО,
ничего, не страшно, успею посадить, ничего.
Кошка крошка увеличилась в шерсти от громкого баха,
из окна – кантата Иоганна Себастьяна Баха,
из-за неба – солнце, под небом летает дрон,
некрасивое чужое бухает со всех сторон.
Это чья же тварь гремучая, кто стреляет,
это что за лысый путин войну справляет,
словно свадьбу сатанинскую, стыдно, гадко,
где рога, там и рогатка.
Посадила, полила, прищурилась в злое небо,
где б ты ни был, лысый черт, чтоб ты не был!
Старомодный, отошедший, лукавый
дед из прошлого, окурок легавый.
Для чего мне здесь твои самолеты,
твои бомбы, твои рыла, пилоты,
я живу тут, я цветы тут сажаю,
и война мне здесь твоя – тварь чужая.
Я дышала, я ждала, я смотрела,
как летели птицы прочь от расстрела,
я еще не знаю, как мне стараться, чтобы сгинули рогатые братцы.

30.03

Война. День шестой

Враг хочет нас уничтожить. Прямо сейчас, с утра.
Это уже понятно. Понятно было вчера.
Утром сегодня холодно, как бывает войной,
точнее, зимой приморской, подветренной стороной.
Скучно вот так навечно замереть от врага.
Скучно слушать сирены, стоишь, немеет нога,
взгляд устремлен в далекое, сбудется ли когда,
летят ракеты российские на красивые города.
Кто-то падает навзничь, останется в небо смотреть,
высокое что-то рушится, укорачивается на треть,
груда обломков, груда боли моей живой.
Враг хочет нас уничтожить. Собачий сиренный вой.
Кошки, и те завывали, ветер завывал в трубе.
Война это куча пыли, горе в твоей избе,
смерть у твоей калитки, школьный металлолом.
Враг хочет нас уничтожить. Взрывается аэродром,
площадка детская, школа, больница, почта, киоск,
все стратегически важное, что давит вражеский мозг,
все взрывается мирное, даже спальный мешок.
Враг хочет нас уничтожить. Точка. Тире. Шок.

01.04

Война. День восьмой

– Поехали в магазин. – Ты что, не слышишь – сирена.
Сюда летят ракеты, ты невидимка? Факир?
– Ты ведь сама сказала, погибнем, так вместе, жено.
А если мы не погибнем, нам нужен хлеб и кефир.
Едем, звучит сирена, туман на улице, зябко,
во что я теперь одета, совсем неважно во что.
И где теперь это черное (на мне какая-то тряпка)
красивое расклешенное (кому теперь нужно?) пальто?
Едем (как мерзко воет!), заходим, людей немало,
семьи ходят с колясками, женщина подошла,
– Доктор, Вы меня помните, мой сын (это чья-то мама) –
Вы раньше его лечили – ушел воевать вчера.

Хороший и тихий мальчик. Кому это, доктор, надо?
Война ведь не для айтишников, он способный такой.
– Вы, доктор, не изменились, спасибо, я очень рада.
Снаружи звучит сирена, в магазине – покой.
Вот теплые булочки сдобные, вот лежат круассаны,
Давай запасемся пастой, консервами и водой.
Что там в войну покупают – нет у нас опыта, рано,
мой доктор идет, прихрамывая, молчаливый, седой.
Что-то купили – сумки, пакеты с ненужной снедью,
корма для котов купили, сметаны и ветчины.
Сирена звучит по-прежнему, мы едем домой, мы едем,
мы привыкаем к звукам мерзкой тупой войны.

02.04

ну вот еще пример...
на сорок четвертый день бойни на вокзал прилетел «Искандер»
ракетный комплекс для уничтожения систем ПВО.
ничего, что твари стреляют по мирным жителям? ничего.
ничего не страшно, за смерть наказания нет,
у русских много тяжелых военных ракет,
русские военные мясники,
как броня, в отдалении крепки.
крепкие русские генералы командуют из кресел своих,
по горло в крови, как любит к завтраку главный российский псих,
унитазы бы делать из этих «военных» людей,
крепче не было б в мире блядей.
«отработали», – пишут, они «отработали», блядь!
по мирным жителям, где понятно и ежу – не стрелять,
беженцы, чемоданы, все, что наспех собрано со стола,
и – то, что осталось от людей –
разбросанные тела...
неуклюже лежащие возле скарба жизни своей,
теплые тела совсем недавно живых людей.

08.04

Война. День десятый

и они собрали все книги, которые написали,
и сложили их высокими стопками на подоконнике,
и прижали к окну, маленькие, и большие,
и книги крепко стояли, защищая комнату,
книги от ракет, от осколков,
от стекла, которое лопается при взрыве,
книги от зла, чтобы его не было
и чтобы остались слова и буквы,
тыльная-лицевая, вдвоем, распечатка,
сталина не було, роздруківка, девять,
одесский дневник, перешагнуть ров,
восьмая доля, все свои, обломки скорбей,
новейшая история средневековья...

15.04

что еще принесет «русский мир», какую еще беду?
что еще какого железного упадет в пушистом саду?
как еще будет плакать кот, прятаться жук?
где еще будет шелест, взрыв и воющий звук?
как еще будет падать планета, заваливаясь бочком?
кем еще будет отдан приказ, уши торчком?
и копыта, смотри, они носят раздвоенные сапоги!
как еще чертову ногу отличить от обычной ноги?
посмотри, у каждого – хвост, у каждого нос пяточком,
их военачальники хрюкают, под фуражкой – уши торчком.
у них страшные веки ползучие, ладони лопатой, и рты
до ушей, до оскала сучьего, до маразма и тошноты.

24.04

Голоса из России

Юлия Алексеева

47 лет, город Ногинск Московской области

Этой весной на Голгофу
к Тебе идти –
дольше на две недели.
Этой весной станем Пасху выть
над родными крестами.
Знаю, что до смерти
все мы Тебе надоели.
Знаю, что можно
рыдать и просить: «Не остави...»
Князи и власти
на пире безумия скачут,
пьют-проливают на Землю
кровавые чаши.
Что принесем Ти,
когда и камня заплачут?
Не покидай,
не остави в отчаяньи нашем...
Падают дни –
на подтаявший лед головешки.
Падает сердце,
и черное солнце восходит.
Казнь принимаем,
но Ты не остави надеждой.
И у Креста Твоего
даруй милость
вздыхнуть, как разбойник.

28.02

Ольга Аникина

Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, редактор. Родилась в Новосибирске в 1976 году, сейчас живет в Санкт-Петербурге. Автор нескольких книг стихов и прозы; кандидат медицинских наук, работает врачом с 1999 года по сегодняшний день

Блокнот 12х15

I.

В книжице для записей
размером 12х15
с разорванной
картонной обложкой
на желтом листе, хрупком от времени,
написано карандашом:

10 сентября прибыли в Сумы.
23-го сентября – в деревню Ташань,
24-го – в Городище, 8 км от Днепра.
Весь день в воздухе немецкие самолеты.
Вечером Решетько трепался,
рассказывал, как в отпуске
сватался к соседке.
Не верится, что когда-то
была мирная жизнь.

26-е. В разведгруппу взял троих,
Ежова, Домичева, Швецова.
Высадились на Западном берегу.
Возвращались – попали
под минометный обстрел.
Домичев ранен в голову.
На Восточном – пятнадцать трупов.
Переправа просматривается немцами
и хорошо пристреляна.
Нам приказано
перебираться ночью.

29-е сентября.

Сегодня со своим взводом
под огнем минометной батареи
перебрался на Западный.

Легко ранен в левую руку,

Решетько –

в правое бедро,

тоже легко.

Хрусталев – в голову.

3-е октября – 7-е октября.

Строили КП

На Западном берегу.

Вчера «мессер» сбросил на берег две бомбы,

часть берега обвалилась,

засыпало Копылова и Герасимова.

Откопали.

Пишу 17-го октября.

12-го числа, в 11 часов

получил приказ идти на задание.

Взял бойцов и пошел.

Под деревней Макаровка

попал под артиллерийский огонь.

Ранен осколком снаряда в висок.

Ранены:

Надточий – в ногу.

Швецов – в ногу и грудь.

Соболев – в грудь.

Пермитин, Ежов, Хрусталев – контузия.

Решетько – убит.

В тот же день меня переправили

на Восточный берег в 52-й МСБ

и вынули осколок.

Из 52-го поехал в ГПР, в Горбань,

где и нахожусь сейчас.

II.

Это пишет мой дедушка,
Лейтенант Николай Куликов.
25-го он попросит,
чтобы его выписали из госпиталя,
и пойдет догонять свою часть:
он не может лежать в укрытии,
когда Родина бьет врагов.

Но его часть и вверенный ему взвод
уйдут на долгие километры вперед.
Он будет догонять своих,
пойдет по земле, окутанной дымом,
заночует у какой-то старухи
в случайной деревне,
а проснется в лесу, за дорогой,
и увидит, как по трассе
тянется и тянется колонна танков.

Он увидит ракеты,
летающие на Киев
со стороны белорусской границы.
Услышит, как бомбят Борисполь –
Борисполь? Тот самый, что наши отбили
еще в сентябре?
Встретит прохожего в камуфляже:
– Здорóво, брат – скажет. –
Огоньку не найдется?

III.

Найдется, дедушка.
У нас найдется огня.
А если покажется мало – лучше спроси
непосредственно у меня.
В моей стране
принято действовать огнем и мечом,
но сама-то я, в целом, хорошая
и здесь почти ни при чем.

Мы бьем по своим,
и сами же при этом кричим «караул»,
а то, что ты все-таки это увидел –
просто ты неудачно уснул
и неудачно проснулся
в неправильный день,
и не там,
вот стоял бы хотя бы под городом Сталино –
увидел бы, как они лупят по нам –
кто такие «они»? – Не надо ходить далеко,
хотя бы вот этот твой
сержант Решетько.

У нас теперь новое время.
Мы наступаем первые, потому что сильны.
Мы это зовем (тебе не понять)
«эволюцией новой войны».
И потому мы стреляем по городу,
где жил дядя Аркан, твой брат –
и нет,
нам совсем не стыдно,
потому что он сам виноват.

Может, ты все это видишь
из-за осколка,
который так и не вынули
из твоей головы.
Воздух над полем метут сухие метелки,
тонкие тени травы.
Дедушка, возвращайся скорее в госпиталь,
там ты будешь хотя бы целей.
А мы девятого мая споем
нашу песню про журавлей.
Как они летят над Россией
как летят над Днепром –
ты их увидишь во сне,
и проснешься в своем сорок третьем,
а я
в две тыщи двадцать втором.

25.02

За неделю войны не случилось чудес:
кто стрелял – не ушел, кто убит – не воскрес.
Не затихло, не светит, не брезжит.
И все так же чудовищен времени пресс,
челюстей металлический скрежет.

Звуки нынче двоятся, троятся слова.
Вы куда, братаны? Вы откуда, братва?
И в которой из правд ваша сила –
то ли в той, что на ухо шептала едва,
то ли в той, что всю голосила.

Не до песен, когда громяхают бои.
Несогласных на площади вяжут свои,
побеждая на первой минуте.
Что с того, что нам пели со школьной скамьи –
будто все мы тут мирные люди.

Мы послушно учили слова и мотив.
А когда был приказ потреблять позитив –
мы прекрасно его потребляли.
И стоял наш состав на запасном пути
в ту Каховку, где нынче стреляли.

И, похоже, нескоро, воюющий брат,
будет чья-то победа и чей-то парад,
если брать надо силой и с боя –
эту речь, этот век, этот страшный закат,
это небо, еще голубое.

07.03

Андрей Анпилов

Родился в Москве в 1956 году.

*Окончил факультет прикладного искусства Московского
текстильного института, по образованию художник.*

Поэт, прозаик, эссеист, автор песен

Воры украли из сумки кисет,
Утро, вокзал, все бегом,
Сунулся внутрь – а кисету привет
С трубочкой и с табаком.

Близко лежал, наверху, не на дне –
Мол, если хочешь, бери,
Был он наощупь почти портмоне,
Словно там деньги внутри.

Беженцы, дети, коляски, тюки,
Кто и откуда – бог весть,
Взять кошелек у таких – пустяки,
Все при себе, что ни есть.

Видно, жиган приценился – небось
Тоже старик из славян,
Вытянул старую вещь на авось,
Ловко обшарив карман.

...Еду куда-то, ищу про запас
Светлую мысль в голове,
Губы кусая, как старый Тарас,
Люльку посеяв в траве.

Поезд идет, рассыпается свет,
Колокол в небе звонит...
Может, кому-нибудь этот кисет
Впрок кошелек сохранит.

14.03

Попрощались с Вилли,
Вилли был пожарный,
Кругленький, веселый,
Не высокопарный.
Говорил мне – знаешь,
Выпьем, посидим,
А не то остаться
Можешь так один.

Вилли сорок пятый
Помнит – сны, осколки,
Уличные кухни
И дымок махорки.
Как блестят медали,
Фартук и колпак,
Кашу раздавали
Детям просто так.

До сих пор по-русски
Знает – огуречик,
Точка, палка, палка,
Вышел человечек.
Пальцем нарисует
Брови, уши, рот
В воздухе – а после
Весело сотрет.

Попрощались с Вилли
И похоронили,
Помянули Вилли,
Все его любили.
В городской больнице,
Тихо, у стены,
От обычной жизни,
А не от войны.

25.02

...Падает сердце – а люди кругом –
Беженцы – в общий садятся вагон.

Жмутся друг к другу, молчат в стороне,
Все им в чужой непонятно стране.

Поезд в Италию едет насквозь,
Вещи ненужные наверх забрось,

Сядь у окна, на дорогу гляди,
Так получилось – что нам по пути.

Век тот же самый и сердце вверх дном,
Тот же у всех покаянный канон –

Плач на старинном родном языке.
Хлеб всухомятку, и паспорт в руке.

09.03

Незнакомый мальчик из коляски
Помахал мне маленькой рукой,
У него коричневые глазки
И комбинезон недорогой.

Что-то говорит горячим взглядом,
Соску чуть взволнованно жует,
Если что, мол, помни – ангел рядом,
Тоже в этом городе живет.

Зелень листьев, дождик невесомый,
Жизнь, стихи с молитвой наравне,
И в коляске ангел незнакомый –
Тоже на таинственной войне

За Тебя – весна, пасхальный зайчик,
Колокольный звон и голоса,
Ангел небольшой, турецкий мальчик,
Соска его, крылышки, глаза.

31.03

И.Б.

Живет на Урале

Просто погладь меня ласково по голове,
Просто скажи, что все будет еще хорошо.
Пусть даже сам не уверен, что верен ответ,
Пусть даже в будущем – вязкий густой порошок.

Мне так нужна передышка от страха с тоской,
Камень в желудке, худею и вздыблена шерсть.
Нам научиться пришлось, неизвестно, на кой,
Жить одним днем; до обеда; нет, просто – я есть.

Я так завидую тем, кто уверен в пути.
Хочется лечь и свернуться в комок и клубок.
Мне очень страшно – впервые – куда-то идти,
Лучше уснуть, и проспать долгий срок как сурок.

Куклой Суок обесчувствовать, одревенеть,
Так замереть, чтоб не слышать сигналы бежать.
Просто погладь меня ласково по голове.
Просто обнимемся, ляжем, – вдруг выйдет проспать.

Анна Барне (Баскакова)

Искусствовед, журналист, фотограф. Москва

Я возьму с собой гвозди и молоток
И приду к Останкинской башне.
Я к большим воротам прибью листок
И на нем напишу бесстрашно:
Я устала слушать разных блядей
И смотреть, как гибнет пехота.
Покажите мне танец маленьких лебедей.
Вот что видеть нам всем охота.

Не бои, не взрывы, не смерть детей.
Запишите себе в анналы:
Мы желаем танец маленьких лебедей,
Непременно – по всем каналам.

Пусть волшебник злой падет поскорей,
Пусть настанет время для пира,
И четверка прекраснейших лебедей
Нам станцует во имя мира.

25.02

Рэп Третьей мировой

Война. Купить побольше консервов собаке.
Лента полна фоток «Как я сижу в автозаке».
Как в советском детстве – мысли о ядерной бомбе.
Буква зет означает, должно быть, зомби.
Домохозяйка ищет бомбоубежище на Солянке.
По Украине едут цыгане на угнанном танке.
За призывы к миру теперь грозятся тюрьмой.
Плещутся всюду флаги третьей войны мировой,
Война. Так озвучь застрявшие в горле слова любви
И до последней секунды – живи.

27.02

Россия, Германия и сорок первый год.
Девушка Маша подруге весточку шлет.
(Там, в параллельном мире, на сотню лет
Раньше, чем в нашем, придумали интернет).
Пишет в Фейсбуке девушка Маша подруге:
Нынче снаряды падали в нашей округе.
Ты не поверишь, Марта, у нас война.
Правда ли, что напала ваша страна?
Марта, ведь мы же были в одной команде!
И получает ответ: «Не верь пропаганде,
Просто у вас фашисты. Они захватили власть.
И нам пришлось немножко на них напасть.
Дядю призвали и вздорожало мясо.
Но дня через три победит арийская раса».
Пишут друг другу подружки, наморщив лбы.
На горизонте вспухли ядерные грибы,
Встает усатый, посасывая чубук,
И говорит: «Навек запрещаю Фейсбук».

26.02

Божья коровка,
Принеси мне хлеба.
Мои друзья из пламени
Шагнули на небо.
Божья коровка,
Мы же не простились.
Что ж они на небо
Так поторопились?
Божья коровка,
Принеси мне хлеба.
Черного и белого,
Только не горелого.
Лишь бы не горелого.

01.03

Февральским днем, доев обед,
Мы вышли со двора.
А где вы были восемь лет?
Вскричала вдруг сестра.
Я – ничего, я спички взял
И дом ее поджег.
И во дворе ее сидел,
И пил на посошок.
Ты виновата, – я сказал –
Ведь я отлично знал,
Что молодой солдат чужой
У вас квартировал,
Украсть корову он хотел,
Он лез через забор,
И я сейчас твой дом сожгу,
И с ним погибнет вор.
Огонь взвивался до небес,
И дым клубами шел,
И ветер гнал его на лес,
Все крыши он оплел.
И дом сестры сгорел, и мой,
Коровник и сарай,
И сочный луг, и лес грибной,
Сгорели невзначай.
Сказали мне – ну ты дурак!
Но я им дал урок:
Чужой солдат теперь вовек
Не ступит на порог!

28.02

Люди купили билеты и едут в рай.
Входит в купе проводница, приносит чай.
Кто задремал, а кто прилип к монитору.
И объявляют по радио: «Рай уже скоро».

Вдруг в окно влетает ангел, у него бумажный плакат.
На плакате надпись: «Прыгайте в окна, вы едете в ад!».
Ангела тут же вяжут и волокут,
Кто-то что-то бормочет про Страшный суд,
Кто-то кричит, что это был не ангел, а черт,
У него, конечно же, был свой расчет.
И может, мы едем не в рай, но хотя бы в лимб.
А кто-нибудь сфоткал – был ли у ангела нимб?

И только поэт, не забывший, что мир состоит из любви,
Вполголоса шепчет: «Прекрасный ангел, живи!»
Он замечает в тамбуре грязном блеск серебра
И подбирает обломки ангельского пера.

15.03

Запрещенное слово на букву В
По ночам пробирается в наши сны,
Запрещенные люди падают ниц
В запрещенных подвалах чужой страны.

Мне любить их навеки запрещено,
И шепчу я – «Вы как там среди огня?».
И который день понапрасну жду
Тот приказ, что навек запретит меня.

24.03

Женя Беркович

Москва

Каждое утро Наташа читает новости о войне.
Как она поживает, в чем выходила в свет,
Сколько вчера посетила баров,
И что утоплено там в вине,
Что говорят о ней молодой красавчик и старый дед,
И в каком оттенке
в этом сезоне
желателен красный цвет.

Потом целый день Наташа мечтает отбиться от новостей.
Телефон у нее на беззвучном,
Хотя не ей выбирать режим.
Тихо сидит на работе, ведет на кружок детей,
Лечит свою собаку: дай лапу, Джим,
Дай мне на счастье лапу, спаси меня от сетей,
А там вот и восемь,
Опять пора принимать гостей.

Каждый вечер Наташа смотрит с ней интервью.
Что она думает о материнстве? Каких она ждет побед?
Что выбирает себе на ужин: мечты, работу или семью?
Что она скажет ему, оказавшись перед?
Что делала восемь лет?
Любимый вопрос у Наташи –
про справедливость и милосердие.
Жаль, что этого выбора больше нет.

Каждую ночь Наташа видит ее во сне.
Утром думает: вдруг она просто приснилась мне?

Бери телефон, Наташа.
Почитаешь о новом дне.

30.03

Уле

Когда хоронили второго разбойника,
За гробом не шел никто.
Никто не пришел целовать покойника,
Буквально, совсем никто.
Никто не пошел ни его оплакивать,
Ни маму жалеть его.
И мама сама не пошла оплакивать
Распятого своего.

Все люди тогда наконец-то поняли,
Кто праведник, кто мудак.
Что те за хорошее дело померли,
А эти за просто так.
Он сам захотел убивать, насиловать,
Сам отбивал поклон.
Не время жалеть и не место миловать
Таких нелюдей, как он.

Когда заходили в пещеру хорошего,
Пещера была пуста.
Точнее, там было какое-то крошево,
Но не было там Христа.
И люди кричали, молясь неистово,
И рвали тряпье седин,
А он отошел проводить нечистого,
Чтоб тот не лежал один.

23.04

То ли новостей перебрал,
То ли вина в обед,
Только ночью к Сергею пришел его воевавший дед.
Сел на икеевскую табуретку, спиной заслоняя двор
За окном. У меня, говорит, к тебе,
Сереженька, разговор.

Не мог бы ты, дорогой мой, любимый внук,
Никогда, ничего не писать обо мне в Фейсбук?
Ни в каком контексте, ни с буквой зэт, ни без буквы зэт,
Просто возьми и не делай этого, просит дед.
Никаких побед моим именем,
Вообще никаких побед.

Так же, он продолжает, я был бы рад,
Если бы ты не носил меня на парад,
Я прошу тебя очень – и делает так рукой –
Мне не нужен полк,
Ни бессмертный, ни смертный, Сереженька, никакой.
Отпусти меня на покой, Сережа,
Я заслужил покой.

Да, я знаю, что ты трудяга, умница, либерал,
Ты все это не выбирал,
Но ведь я-то тоже не выбирал!
Мы прожили жизнь,
Тяжелую, но одну.
Можно мы больше не будем
Иллюстрировать вам войну?
Мы уже все, ребята,
Нас забрала земля.
Можно вы как-то сами?
Как-то уже с нуля?
Не нужна нам ни ваша гордость,
Ни ваш потаенный стыд.
Я прошу тебя, сделай так,
Чтоб я был наконец забыт.

Но ведь я забуду, как в русском музее
Мы ловили девятый вал,
Как я проснулся мокрый,
А ты меня одевал,
Как читали Пришвина,
Как искали в атласе полюса,
Как ты мне объяснял, почему на небе
Такая белая полоса
За любым самолетом,
Как подарил мне
Увеличительное стекло...

Ничего, отвечает дед,
Исчезая.
Тебе ведь и это не помогло.

11.05

Марина Бородинская
Поэт и переводчик, Москва

Из цикла «Окаянные строчки»

Нет, Иов так и не возроптал.
И Бог его исцелил и дал
богатство, скот и новых детей:
семерых сыновей
и трех дочерей,
как раньше. Только других, ну да.
Бог не был женщиной.
Никогда.

***

Господи,
приглядишь хорошенько,
если надо – прищурься:
здесь написано «ДЕТИ» –
на асфальте, на крыше,
на поверхности шара,
очень крупные буквы.
Дети, Господи, здесь.

***

Вот дом,
который разрушил «Град»,
а это люди в темном подвале,
которым взрывы спать не давали
в доме, который разрушил «Град».

А это
могучие краны подъемные,
они растащили бы глыбы огромные,
чтобы добраться к людям в подвале,
которым давно уже пить не давали
в доме, который разрушил «Град».

А это
злые ракеты летучие,
они растерзают краны могучие,
не дав им добраться к людям в подвале,
которым давно дышать не давали
в доме, который разрушил «Град».

А это
веселый один человечек,
что злыми ракетами город увечит,
чтоб не приехали краны подъемные,
не растащили бы глыбы огромные,
чтобы добраться к людям в подвале,
которые, впрочем, живы едва ли
в доме, который разрушил «Град».

А вот
петушок на небесной спице:
он еще спит, но ему уже снится
один человечек...

Мария Ботева

Москва

1.

сохрани мою бедную речь
как тэикстэ а может быть как ворд
как бедной рифмы тень
как пену к слову жечь
как дым во рту
как приговор.

2.

речь как река не спит.
сейчас под белым светом
проснется лед затопит берега
придет вода холодная и злая
уже сейчас повыше сапога.
открой блокнот на месте стой не надо
идти опасно громко лед трещит.

3.

послушай лед трещит.
ты ищешь рифму к слову
которого нельзя произносить
страна вина видна одна.
одна ли
война пройдет
пройдет ли насовсем
эту тихую речь сохранишь ли
зачем

01.03

мама на каком языке говорит этот дядя?
мама неправда это чужой язык.
наш язык для нас
обычных людей в обычной одежде
посмотри на него
он в какой-то военной форме.
зачем они пришли мама?
почему в дядю юру стреляли?
он больше не встанет правда
я знаю он больше не встанет
скажи а солдат точно тоже умрет?
что мы с ним сделаем мама
когда он тоже умрет?
мы раскроем ему его рот
мы посмотрим какой в нем язык
он не скажет нам ничего больше
ни на каком языке мама
звучит одинаково смерть

14.03

отремонтировала нож
а он снова сломался
отремонтировала нож
а он снова сломался
починили нос
а его снова разбили
вылечили ковид
а опять волна новая
выиграли войну
и новую начали
проиграли войну
и новую начали
не было никогда
а опять начали
не было карусели
но вот построили кружимся

11.04

еден таг – говорит немецко-русский словарь –
каждый день читай эти слова:

я

никого

не хочу

победить

я

ни с кем

не хочу

воевать

еден таг едес маль

каждый день каждый раз

открывая словарь

повторяй

не болит голова

от бескрайнего повторения

так и выучишь этот язык мира

я

ни с кем

не хочу воевать

я

никого

не хочу

победить

я

никогда

больше

17.03

где я была последние две недели
на этих неделях была солнечная погода
снег немного растаял даже были подтобы ручьев
потом наступили морозы
и все заледенело
я ходила по этим улицам
в самом начале этих недель вышла вечером
показать что мне все это
как сказать
с этим всем надо кончать
зачем было начинать этот ад
но на площади почти не было тех
кто с этим согласен
и тех задерживали полицейские
на лобовые стекла автобусов и троллейбусов
наклеены буквы
из чужого алфавита
буквы похожие на свастику
такие специальные буквы которые говорят
мы не бросаем ничего своего
не признаем своим никого
не бережем своих
и мне приходилось проехаться в таком троллейбусе
про последние две недели
как будто бы не приходится говорить
все знают эти черные дни
эти чермные дни
про дни говорить говорить говорить
но слова ничего не скажут
слова никого не спасут
они давно не справляются
все эти недели они
все эти недели они ничего не значили
моя речь кончается

мне хочется напоследок сказать одну фразу
которая не относится к тому о чем я только что говорила
это просто красивая фраза
откуда она взялась посреди чермных дней неизвестно
мы птицы усталые птицы

12.03

вот тебе мое сердце море.
вот тебе мое сердце река.
вот тебе мое сердце лодка.
я пишу к вам издалека.
я пишу к вам в черное утро.
они все теперь так черны
что мы прячемся стоя на месте
словно будем так сохранены
и подвернуты как рукава
чтобы нас не затронуло бездной
словно жизнь наша не дешева
словно наша жизнь что-то стоит.
я пишу к вам а воздух наполнен
электричеством и тоской
никакие слова и буквы
никому не вернут покой.
никакие слова и буквы.
никогда никогда никогда.

22.03

мама я веду себя хорошо
никуда не лезу как ты просила
ни с кем незнакомым не говорю
от волков шарахаюсь
а они понимаешь ли
все равно
из тени обратно в полдень
из тени на опушку выходят
говорят привет тебе
где твоя красная шапочка
где твоя рыже-черная ленточка
где твое самосознание
читала ли ты конституцию
или только войну и мир
и уводят от бабушки дальше в лес
а чем дальше лес
ты же знаешь
тем злее и злее
темней холодней
и я уже не пойду
этим летом
со всеми лесной дорогой
в который раз
никуда не полезу
ни с кем говорить не стану
на автобусе молча уеду
от волков
от шапочек ленточек конституции
последнего слова

10.04

ночью кто-то кричит слышишь
там в гаражах
там на железной дороге
ночью собаки лают
с ними гуляют так поздно знаешь
там у железной дороги
где мы когда-то
впрочем давно уже нет
и не станем теперь об этом
чайка кричит летит от реки помнишь
мы говорили
давно говорили о том что
только кажется будто ночи
созданы чтобы все спали
кроме хищников в джунглях
и партизан смелых
а на самом деле
ночью попробуй спрячься
поезд идет
колеса стучат по рельсам
вагоны забиты вусмерть
нечем дышать
и свет не включить опасно
могут попасть насмерть
приходится ехать на ощупь знаешь
только если дорога
не стоит жизни
а стоит денег
можно включать свет
говорить и громко смеяться
и если ты слышишь
как ночью кто-то кричит
там на железной дороге
где лают собаки
и чайки кричат рьяно
значит живешь
на краю у хрупкого
хрупкого мира

25.04

Наталия Волкова

Российская детская писательница. Пишет стихи для детей, построенные на игре слов, художественную прозу для детей и подростков, в соавторстве с мужем Василием Волковым – книги об истории Москвы

Доктор, доктор, мне хана,
У меня болит страна.
Нарывает там война.
Не одна.
Дайте антидепрессант,
Пусть домой идет десант,
И пехоту тоже в сад
Или ад.
Глубоко сидит вина,
Высоко висит луна,
Пропасть слишком холодна.
И без дна.

21.02

«С нами Бог», но с нами ли
Или там, где соль земли,
Там, где длинной вереницей
От снарядов люди шли,
Кто с собакой, кто с котом,
Кто с котомкой, бросив дом...
«С нами Бог», но где он был,
Где стреляют или тыл,
Пролетал ли над убитым,
Невесом и белокрыл?
Умирал в который раз
С нами вместе.
Или в нас?
Возликует херувим:
«С нами Бог».
Но мы не с Ним.

09.03

Я книгу пишу, но не знаю, кто будет читать.
Сажая росток, только кто будет им любоваться?
Детей обнимаю, как новозаветная мать,
Не зная, куда мне от плача Рахили деваться.
Мне снился пожар, и такая крошечная тьма
Сгустилась над Широм, над маленьким выжженным Широм,
А жители просто бежали, сходили с ума,
И черная метка грибом поднималась над миром.
И я просыпаюсь, встаю, поливаю росток,
Собаку кормлю и пишу свою странную книгу,
Окно отворяю, молитву шепчу на восток,
Алеет заря, сохраняя в сюжете интригу.

10.03

Написано: «В начале было слово».
А вот теперь закончились слова,
Когда все небо огненно-лилово
И кровью перепачкана трава,
Когда опять, в который раз по счету
Христа распяли, заново казня,
Снаряд пустив в Великую субботу
И на Одессу рухнул шквал огня.
Слова убиты в этом мире тонком.
Есть только боль, страдание и стыд.
Колясочка с трехмесячным ребенком
По лестнице Потемкинской летит.

23.04

Можно привыкнуть к дождям
И нашествию гроз,
К зубу больному
И пальцам, застывшим в мороз,
И к одиночеству,
И к надоевшим гостям,
К запахам, бедности,
Даже к плохим новостям.
Можно привыкнуть к тоске
И чужой стороне...
Самое страшное –
Это привыкнуть к войне.

23.05

Если не знать новостей, не смотреть в окно,
Вроде неплохо все, и можно жить,
Если ходить к капюшоне и длинном плаще,
В темных очках и в маске, то ничего.
Если наушники вставить, врубить хард рок,
Или беруши в уши и – тишина,
Если зажмуриться крепко, то как-нибудь,
Даже уже непонятно, где день, где ночь.
Можно еще и дыхание задержать,
Кляпом заткнуть себе рот, зажимая нос,
И заморозить сердце. И можно жить.
И ничего, что выйдет в итоге смерть.

27.05

Инна Домрачева

*Родилась в 1977 году в Свердловске. Выпускник факультета журналистики УрГУ (ныне – УрФУ). Публиковалась в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «Плавучий мост», «День и ночь», в изданиях «Антология современной уральской поэзии», «Поэтический атлас России» и др.
Автор двух поэтических книг*

Завтра будет? Вот и я пока не знаю.
Окаянным так и нет исхода дням.
Очень страшным получается, родная,
Это наше возвращение к корням.

С плачем: «Родненький, ты только будь живой!»
Отойдут слова «абьюз» и «фемповестка»,
Так внушительно звучавшие и веско,
И останется утробный бабий вой.

26.02

Мы поспорим, если доживем.
Сядем в тихом скверике вдвоем,
Там, где ни инфарктов и ни пуль.
Будет изнурительный июль
В кисее удушливой жары.
«Два пломбира, будьте так добры», –
Скажешь продавщице. Из ларька
Вынырнет прохладная рука
И подаст клубничное в фольге,
И обратно скроется в ларьке.
Я скажу: «Какой же ты дурак!»
Ты тогда обидишься: «Ах, так?!»
Будет пух стелиться и кружить.
Будет.
Будет.
Только бы дожить.

24.03

*А вчерашнего дня, милая моя доченька,
моей лошадке ядрышком полмордочки снесло...*
А.В. Суворов

Судьба махнула рядышком,
А в общем – повезло:
Лошадке вовсе ядрышком
Полмордочки снесло.

Вот так, по-скоморошьему, –
О боли и войне,
И я не верю прошлому,
А будущее – мне.

Завидую по-доброму
Не помнящим родства.
На статусы разобраны,
Как срубы – на дрова

Великие, безликие...
Кривая, вывози!
По локоть в землянике я
И до колен в грязи.

Как просто было, верите,
В священной правоте
Сказать, что эти – нелюди,
Сказать, что люди – те.

Чтоб сердце бы разжалось и
Завыло нараспев...
А я стою, от жалости
И боли онемев.

26.02

Мы не пытаемся сравнивать, упаси Бог, однако
когда у вас – атака,
у нас – паническая атака.
Вы вздрагиваете во время налета,
а мы – во время работы
строительного молота.
Ваше небо расколото,
но и наше небо расколото.
Просто это не так заметно.
От моего дома до входа в метро 2,6 километра.
Раньше меня это не интересовало.
Но в такие времена, как теперь,
хочется знать скорость ветра
и марку стали у приводного вала.
Бессильные пыльные слезы из глаз,
сердечного ритма тамтам.
И каждый снаряд, попадающий в вас,
опять рикошетит по нам.

12.03

Какую улыбку, парень,
Сегодня закрыла тень...
А что бы сделал Гагарин?
Я думаю каждый день.
Искусственно мир состарен
На годы, помилуй Бог.
А что бы сделал Гагарин?
Уехал? Да ну, не мог.
Их бреют, чтобы случайно
Прицел не закрыла прядь.
А что бы сделал Гагарин?
Присяга, присяга, ...
И кубики черных развалин
Посыпались вдалеке.
А что бы сделал Гагарин?
Не вышел бы из пике.

28.03

Я выплусь когда-то позже. Сказать верней,
Когда от кошмаров останутся документы.
Мне снятся две тени. На каждой из двух теней
(Умножить) по две запасных пулеметных ленты.

Колонна идет бесшумно, молчит навзрыд.
Орфей пробегает мимо, и Лот – впритирку.
Мне снятся две тени в тельняшках. Одна говорит:
«Я вижу, твой правнук заехал-таки в Ахтырку».

29.03

Зачем я добровольно лезу в ад?
Зачем ловлю дымящееся слово?
Зачем читаю «фейки» про солдат,
Которые «не делали такого»?

Как мертвую зовет ребенок мать
И как молчит, осипнув и немая.
Нет. Нет. Я не хочу об этом знать.
Но я такого права не имею.

05.04

Через три недели мы перестали надеяться, что это сон.
Мы привыкли к цветным фотографиям разрушенных городов
и трупам в кроссовках, а не в кирзовых сапогах.
Мы разучились просыпаться от кошмаров – и явь не лучше.
Я не хочу помнить эти фото. Только одно.
Томик Сетон-Томпсона (на русском)
у дверцы расстрелянного автомобиля.
Через пять недель военные журналисты
толпой восторженно фотографировали кота.
Господи, живой кот! Живой кот среди мертвой военной техники.
В учебниках психологии это называется «травма свидетеля».
Как иначе (сейчас страшно сказать «по-русски»)
назвать чувство, когда у тебя все хорошо,
но ты не сможешь дышать, пока это не прекратится?

07.04

Геннадий Каневский

Родился в 1965 году. Поэт, переводчик, эссеист. Живет в Москве и (с недавних пор) в Израиле. Опубликовал 9 поэтических книг в различных издательствах Москвы, Петербурга, Киева, Нью-Йорка. Автор поэтических подборок и ряда литературных обзоров в российской толстожурнальной периодике. Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премии «Московский наблюдатель», премии журнала «Октябрь», двух спецпремий «Московский счет» (за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019))

не хладен, не горяч, а только тепел
(да, через «е»), стою перед окном
и как во сне, я вижу прах и пепел.

панельный, наспех выстроенный дом
напротив – оседает и клубится,
нутром наружу вывернув объем.

пузырятся и лопаются лица,
взбухает волдырями гастроном
и сквер соседний, улица дымится,

и пленку греет киноаппарат,
и пламя – пожирает город-сад
и замирает в незаметном росте.

так, медлен, жёсток и необъясним
приходит день войны и плавит кости,
и наконец я плавлюсь вместе с ним.

25.02

1.

мне прислали фото
разбитого дома без окон
мне написали
лучше б ты сдох там

я бывал в этом доме
читал и слушал стихи
говорил спасибо
питался
добытой и приготовленной
самую хозяйкою
рыбой

по канатке
над широкой долиной
ездил гулять
в парк культуры старинный

хлеб еще есть дня на три
вода вытекает из крана
копится где-то внутри
кровь умиранья

09.03

2.

с дедом гуляли
по району
мне было лет пять

дед рассказывал
про семью
заводского друга

«им повезло:
дали квартиру
в доме что строили
пленные немцы
они умели
строить»

тем кто поселится
в домах
что будут построены
нашими пленными
на месте развалин
не повезет
мы не умеем строить
лишь разрушать

16.04

я
открываю окно
город
делает вид
что это москва

солнце
делает вид
что светит

здания
что стоят

время
что движется

люди
делают вид
что ничего
не происходит

21.03

этот ветер
кружит на месте
пес руин
дервиш окраин

этот звук
становится
невыносимым
но говорят
и к нему привыкаешь

этот
или тот свет
стремительно
приближается
к точке на карте
где ты

эта тьма
она ползет
по той же карте
по-пластунски
эта метафора

ничего не может
но пытается петь
пытается плакать

эта земля
лежит у дороги
уже мертвая
но еще улыбается

06.04

разрушены дома, и грянул срок.
и далеко на запад и восток
по гоголеву слову видно стало.
стучит копытом по хребту карпат
огромный конь, что черен и крылат,
и всадник опустил свое забрало.
не спрятаться, дрожа, под одеяло.
лишь прорасти сквозь бесконечный ад.
я в умани. не знаю ничего.
у цадика. я на дворе его
по пояс врыт в расплавленную землю,
и слову заскорюзлому не внемлю.

06.04

– мама, что такое «настоящий»?
– настоящий.
гибелью грозящий.
реющий, настойчивый, насущный.
лающий, недобрый,
чудищу подобный,
вещий и подробный.
– я хотел бы быть ненастоящим.
легким и скользящим.
хрупким и поверхностным. скорлупкой.
камышовой дудкой.
слышишь, дую в выдолбленный пищик
арию из оперы не-нищих,
трехрублевой оперы навеки.
прикрываю веки.
я – полмира, шелуха и хрящик.
я ненастоящий.

07.04

серафиме орловой

несвятые святые
в нероссийской россии
не по-русски – нерусски
говорили со мной:

- почитай из псалтыри
- наливай по одной

незаконный оконный
на неречку-неполе
вид невидный сначала
а потом ничего

- посади его в поезд
- отбери у него:

все ножи и заточки
все тупые предметы
все взрывные устройства
все патроны-картечь

- застегни ему землю
- положи ему речь

23.04

j.k.

«напиши,» – говорит, – «на темные времена.»
мы не верили, но вот они перед нами.
мы хотели жить в неведеньи, но страна,
как паршой, покрылась темными временами.

напиши, как приходило слепым огнем,
как лепили голос, ему подбирая слово,
как летали, взявшись за руки, под окном,
доставая ключи и их убирая снова.

подойди ко мне. нас ждет, отложив трубу,
чернокожий ангел джаза, покорный ритму.
я тебя неуклюже в объятья свои сгребу,
твоего дыханья каплю, робея, выпью.

после взрыва опять весна. оседает пыль.
все что было внизу, сместилось куда-то выше.
лишь одна рука (тут облик когда-то был)
по привычке к тексту – пишет еще и пишет.

24.04

Karol

Художник, живет в Санкт-Петербурге

У мальчиков в камуфляже
Не то чтоб богатый выбор –
Или прикончат в танке,
Или за дезертирство.
В первом случае, может,
Будет пенсия маме,
Во втором-то уж точно
Один подсолнух сквозь ребра.

Мальчики в камуфляже
Смотрят с небес на землю,
Говорят убитым в обстрелах –
(На небе ссор не бывает) –
Смотри, вон там моя мама
Пошла купить макароны,
Какой-то я лох, наверно,
Не постарался, не выжил,
А то бы сейчас заработал
На кетчуп и на котлеты...

28.02

Мне нравится Танька, потому что у Таньки голос,
Мы бы с ней спели, так всех бы переорали.
А нас в школе учили, что будем летать в космос,
И не соврали, почти совсем не соврали.

Да, я плохо учился в школе назло этой вражине –
Марь Сергевне, путал время с пространством.
Только, сдается, теперь и это не важно.
Космос кончается. Долетели.
Господи, здравствуй.

28.02

Расцветает новая наша жизнь.
Одни уезжают, другие пишут «держись»,
Третьи кричат «где ты был восемь лет назад».
Я учусь смотреть этой жизни в глаза.

(Ехал князь на белом своем коне,
Ехал князь, мечтал о большой войне,
Примерял венец, умами овладевал,
Генералиссимусом еще не бывал.)

О причинах твердят мудрецы, о врагах толпа,
Но в одном едины – подорожает крупа,
А когда не станет даже и той крупы,
Помоги нам Боже не стать едой для толпы.

(А у князя война подрастает в дому,
Умилительны ручки-ножки войны ему,
Про победу он ей поет, про благую цель,
И урановых птичек сажает на колыбель.)

Повседневным кошмаром пытается стать тщета,
Нет ни старым, ни малым ни плаща, ни щита,
Бред сюжета – дорогу в каменные века
Охраняют космические войска.

(Думал князь, что взял войну сиротой,
А война семью позвала к нему на постой,
Смерть, чума и голод пахарей и солдат
Съели, а теперь на князя глядят.)

Я не знаю, что с нами будет и будет ли,
Все надежды на что-то где-то теперь вдали,
А пока в нашем доме, сдуревшем от новостей,
Брат мой, даун, читает «Евангелие для детей».

12.03

Машка живет... и слава Те, Господи, что до сих пор живет,
Может, в столичной Новоордынке – бывший город Москва,
Может, в Оттаве, где каждую зиму такой сверкающий лед,
Может быть, в Алматы, где полгода стоит сухая трава.

Может быть, в солнечном Сан-Палермо – бриз, океан, волна,
Рай рыбакам, покой старикам, детворе – золотое дно.
Машка, конечно, старая дура, но помнит – была война,
Правда, очень давно, и слава Те, Господи, что давно.

Но...

Спрятан в сумочке телефон с довоенными номерами,
Лучшее место от медсестер – надежный добрый клозет,
Машка каждый вечер звонит в Мариуполь – папе и маме,
Только связи все нет.

Связи все нет.

21.03

Мариупольская колыбельная

Спи, котик Йося, оставленный в Мариуполе,
В большом, черном доме, когда-то живом – страшно сказать.
Война и тебя сосчитала, рыженького и глупого,
Спи, маленький, спи – не мучайся больше, не открывай глаза.

Спите, мальчики и девочки, бабушки и дедушки,
Дяденьки и тетеньки, не вернувшиеся назад,
Вышедшие на минуточку из подвала, пошедшие за хлебушком,
Перечеркнутые снарядами. Спите, ангелы, не открывайте глаза.

Спите и вы, пришлые злые солдатики, мамкино горе,
Безголовое мясо казарм.

Спите крепко. Пока нету вас в этом хоре
Воющей смерти, кто-то спасется.

Не открывайте глаза, подольше не открывайте глаза.

Спите, самолеты, зенитки и танчики,
Заберите в сны механический свой азарт,
И заодно

Убаюкайте из железной коробки недоброго мальчика,
Пусть он уже никогда не откроет глаза.

27.03

Вторая мариупольская колыбельная

Ангелы ходят на цыпочках, снуют на цыпочках,
Ангелы не знают силы тяжести, притяженья земли,
Той земли, что взяла и засыпала, с головою засыпала,
Из-под которой достать не смогли.

Ангелы говорят, мы здесь волонтерами, поднебесный первый,
Хотите кофе, подлить молока?

Посмотрите, не бойтесь, – уже ни сосудов, ни нервов,
Совершенно целы ваша нога, ваша рука.

А над рукой, повыше, ну, что тут теперь поделаешь,
Не дергайте, говорят, будет больно, оно приросло,
Да, конечно, если хотите, можно не белое,
Только убрать не получится – ваше крыло.

А хотите пробный полет над райскими нивами?
Не хотите? Давайте потом, когда перестанет трясти.
Что здесь делать? Лучше всего получается быть счастливыми.
Ой, простите... простите... простите... прости... прости...

А, хотите, мы вам вырастим дерево? Настоящее дерево,
С гамаком, как у бабушки во дворе?
Покачаетесь? Кошка нет, кошка через неделю еще,
А пес через десять лет, его будут беречь.

Ну, конечно, вы не готовые, совсем не готовые,
Так ни с людьми нельзя, и ни с кем вообще,
Но хотите дерево? Оно будет как старое, хоть и новое,
И, быть может, каких-то еще знакомых вещей?

Чтобы ночь и поспать? С утра все выглядит проще.
Пригасить вам звезды? Одеяло? Может, кто-то озяб?
Ангелы оставляют дежурных и уходят рыдать в небесные рощи,
Потому что нельзя так. Ни с людьми, ни с ангелами, ни с кем нельзя.

29.03

Третья мариупольская колыбельная

А у нас во дворе есть акации, липы и горка,
Одуванчики в мае цветут – золотые, но горькие,
На акациях будут свистульки, на клумбе глицинии,
И качели на полное солнце – скрипящие, синие.
Я летаю на них и кричу так, что окна звенят.
Леська из тридцать пятой летает после меня.

Эта толстая ветка на липе – такая манящая,
Видно Леськин балкон и цветочные ящики,
Видно землю внизу далеко-вдалеке,
От липучей коры отпечатался след на щеке.
И колени, и локти изгвазданы травами сочными.
Посмотри, я сегодня нашла этот камень в песочнице,
А за домом огромный-огромный осколок стекла,
И жемчужную бусину бабушка так отдала.

В нашем тайном углу, где кудрявится тень под акацией –
Ямка, фантик, стекло – да прекрати ты толкаться,
С Леськой из тридцать пятой мы закопаны здесь – во дворе,
Как и наш прошлогодний секрет.

06.04

Послушай сказочку мою. Под небом голубым
Сотрется гарь, осядет пыль и растворится дым,
И всяк осыпавшийся дом воздвигнется опять,
И точно будет золотым, и золотым и обжитым, сам о себе сиять.

А возле дома будет сад, да что там сад – сады!
И, разумеется, зверье нездешней красоты,
Как будто не они ушли в страданиях и в золе.
Там будет Йося-кот бродить, как огнегривый лев,

Псы, черепахи, хомячки исполнены очей,
И каждый сыт, очьми блестит, и непременно чей,
Ведь там и зверь, и человек и любит, и любим.
Нет, не спеши мне говорить про Иерусалим.

В Небесный Иерусалим попасть я был бы рад,
Но эта сказочка моя про Мариуполь-град.
Небесный Мариуполь-град, прозрачные врата,
Захочешь, друг мой, или нет, но мы придем туда,
И будем нас с тобой просить впустить, где жизнь и свет.
Боюсь, другого входа в Рай в России больше нет.

12.04

Господи Боже, тревожная гложет дурь –
Как мне праздновать Пасху в этом году?
Яйца покрашу и испеку кулич –
Мертвых это не вызволит из земли,
Не досыплет непрожитых годов
Мертвым из расстрелянных городов,
Бучу, Ирпень, Мариуполь – гнев и печаль –
Не загородит красненькая свеча,
Пусть они даже все уже там с Тобой,
Люди, обреченные на убой,
Эту реальность развидеть не будет сил.
Что на самом деле хочу спросить.
Господи, Ты придешь воскреснуть за ны?
Двадцать четвертого? В день начала войны?

21.04

Павел Квартальнов

Москва

Из неоконченного цикла

Н.Н.

Вступление I. В электричке

Из тамбура пепел доносится к нам:
Дымят папиросками вдосталь.
Куряги, как вестники, – их фимиам
Откуда-то из девяностых.

И, мнится, немного, и тронется лед,
Веселая песня польется,
И Летов воскреснет, и Путин умрет,
И глупая юность вернется.

01.11.2021

Вступление II. Из Джанни Родари

Луна над Киевом,
она же
не так прекрасна, как луна
над Римом?
Самозванка даже,
луне сияньем не равна...

Но тут луна вскричала:
– Дудки!
Я не засаленный чепец!
Сияя, обхожу за сутки
Всю землю, из конца в конец.

И ни таможни,
ни границы
не запретят лучам моим
светить над Токио и Ниццей,
с Кавказа
возвращаться в Рим!

01.04.2022

<...>

III.

Шныряя, снаряды на шарике рвутся:
Там люди дерутся, и страны ебутся.
И лишь космонавту в скафандре литом
Лететь по орбите с заклеенным ртом.
05.03

<...>

X.

Чем важно жить, что не забыть, пока
Подвал, тюрьма, и мир чернее дегтя?
Что будет смерть, и ветер с ледника,
И отрастут обкусанные ногти.
20.03

XI. Старая фотография

толпой уверенной но редкой
отнюдь не царские послы
идут кто с мамой кто с соседкой
несут детей везут узлы

или доверчивость ребенка
велит идти до одного
где оборвется киноплёнка
где свет и больше ничего

но это жизнь что прорастает
сквозь смерть и демонов ее
и ни во что ее не ставит
в высокомерии своем
23.03

XII.

конечно
дойдем и до тюри в кастрюле
не спрашивай может
отлиты и пули

но эта свобода
свобода кричать
сквозь стены границы
бойницы глазницы

повешенный колокол криком качать
26.03

XIII.

ты пишешь

не волнуйся все хорошо
еще не отрубили интернет
еще работает водопровод
пока есть электричество
двадцать первый век на дворе

на дворе
деревья с оторванными руками
27.03

XVI. Москва 2022

Как узнать, он еще на площадке стоит,
Или кнопка запала?
И звонок превращается в динамит,
Слышен запах запала.

В коммунальной квартире закрыты замки.
Повернуть выключатель не хватит руки.
Шторы в пол – современная мода.

Это липа не спит. Это клен говорит.
До утра в коридоре проводка горит.
Это март наступившего года.

02.04

XVII.

Двое, болтая, проходят по саду:

– Всех расхреначили?

Так им и надо!

Пара другая проходит по саду:

– Наши постреляны?

Так им и надо!

Искоса смотрят на них трясогузки.

Глупые,

не понимают по-русски.

07.04

XIX. Пропаганда

Город в пепле лежал,

покоренный мечу,

колыбель оружейному олову.

Королева сказала:

«Я правды хочу.

Принеси говорящую голову!»

Я вернулся с мешком

и рассыпал без слов

полный груз отсеченных молчащих голов,

но, замкнув золоченые двери,

королева сказала:

«Не верю!»...

11.04

XXII.

безразличной волной
одинаково бьет
по рабочему влет
по айтишнику влет
по потерянной девочке
юная Ева
в толчее незаметно касается чрева
будто вновь узнавая
и вновь проверяя
что у черного липкого топкого дна
все друг другу чужие

но она не одна

13.04

<...>

Послесловие. Из Джанни Родари

Дневные заботы
на вторник и среду:
учиться, играть,
стол готовить к обеду,
болтать за бокалом вина.

А вечер приводит
ночные занятия:
покой крепко спящим,
любимым объятья,
мечты
для лежащих без сна.

Но есть и дела,
для которых ни в споре,
ни ночью, ни днем,
ни на суше, ни в море,
нет места.

К примеру, война.

06.04

Дмитрий Коломенский

*Родился в 1972 году в Гатчине, жил в Петербурге, сейчас
обретается в Хайфе. Автор четырех поэтических книг,
член Союза писателей Санкт-Петербурга*

У всех весна, а у нас война.
У нас войной голова полна,
И это слово на букву «вэ»
Гудит в моей голове.

У всех обед, а у нас война.
Настали гнойные времена:
Смердящий месяц, кровавый год,
Засилье чумных погод.

У всех бардак, а у нас война.
Войне не скажешь: иди ты на! –
Она врастает в мое житье,
И не обойти ее.

О чем еще говорить, о чем?
Хохочет век за моим плечом,
Клокочет пламя в моей груди –
Ни проблеска впереди.

А мне твердят, что война не здесь,
Здесь можно жить, целоваться, есть.
Но кто там чистит на горе всем
Заржавленный АКМ?

Мой сын, ты видишь святые сны.
Но ты родился в канун войны,
И мертвая тень ее крыла
На темя твое легла.

За что тебе такая беда,
Как яд, разлившаяся вовне,
И я, сгорающий от стыда
В прозрачном сухом огне?

24.02

Что там Харьков? Харькова нет.
От него остался скелет,
Череп, выбитые глазницы,
Пасть руинная. Город пуст –
Харьков-хрип это, Харьков-хруст.
Он ночами мне будет сниться.

Что там Киев? Киева нет.
Он заварен в бронежилет,
Он поглубже прибрал веселье,
Зубы сжал и глядит туда,
Где топорщит хитин орда,
Догрызая весну и зелень.

Что там Питер? И Питера нет –
Лишь водой уносимый след,
Только отсвет во мраке стынет.
Это летних ночей белок
Или выжатый жизнью Блок
Жжет костер в ледяной пустыне?

Женька съехала, съехал Марк
Жрать в Америке свой бигмак,
Съехал Влад, прикопив валюты.
А Сережа пустился в рост –
Отрастил себе шерсть и хвост,
Стал как все нормальные люди.

Бродит шобла, бряцая туш,
Средь разрушенных наших душ,
Морды скотские нам кроя. Мы
Здесь как вытопанная трава.
– Что за ямища там?

– Москва.

– Отойдите от края ямы.

22.03

Поль Корде

Петербургский поэт-романтик.

На полкрови из немцев.

С Украиной всем сердцем.

Правда бывает страшной и очень горькой.
Правда лежит в бинтах на больничной койке,
Правда горит огнем в городах и селах,
Правда в пустых прилавках, закрытых школах.
Правда вскипает гневом в ответ на подлость,
Правда пройдет сквозь ужас и безысходность,
Правда выходит грудью под ствол орудий,
Правда настигнет всех: подсудимых, судей...
Правда: мы все испортили и заплатим
Болью за боль, за копоть в разбитой хате,
Сумрак подвалов, ступени метро-убежищ,
Кровью за кровь – так хлещет, что не удержишь.
Но и у нас есть люди Земли и мира,
Те, кто не сотворяли себе кумира,
Те, кто желает света на всей планете,
Чтоб старики спокойны и живы дети...
Мы обязательно справимся. Как – не знаю.
Но этот лед растает, и страх растает.
Самое темное время – перед рассветом.
Мы соберемся, вместе найдем ответы.
Слышишь? Весна! И скоро любовь воспрянет.
Вы продержитесь, пожалуйста, в поле брани.
Каждый, как может, боритесь за мир и правду.
Это и цель, и истина, и награда.

01.03

Ольга Кручинина

Из Екатеринбурга. По специальности биолог.

Писать начала еще в университете, но надолго откладывала это занятие. Член Союза литераторов РФ с 2022 года.

Лонглистер и финалист международных конкурсов. Печаталась в толстых журналах «Юность», «Урал» и в другой периодике

Так крольчатам в гнезде говорила мать:
«Каждый волку – волк! Каждый татю – тать!
Чем ивняк учиться перегрызать –
Нападай дружок, не тушуйся!»
Так лаская кроликов перед сном,
Наполняла веточками гнездо.
«Не клыками – резцами и всем нутром –
Целься в горло, забудь о чувствах!
Каждый новый день, как последний бой!
Убегать не смей! Нападай – не стой!
Ведь гнездо – оплот, а не ты – другой!
Загрызут, потом посмеются!»
И крольчата пробовали ивняк,
Отрицая кроличий наивняк,
И скулил на луну, обезумев, враг
Предвкушая в ночи расплату.
Разбредались кролики кто куда
И светила им, боевым, звезда.
Нет страшнее кроличьего суда,
Каждый шел убивать за брата.

28.02

...не хотели не кликали той беды
не могли представить ни я ни ты
не приснится такое ночью
я стремлюсь проснуться в который раз
но кому-то страшный звучит приказ
подчиняется хоть не хочет
мое имя вложено в сотню ртов
но мой рот молчит я не знаю слов
(будто дело в волшебном слове)
мое имя замешано в этот ад
я не знаю как выпутаться как
как отмыться теперь от крови

25.02

Лица теперь поголовно покрыты глиной
Маски уже не те, что в году двадцатом.
Помнишь, когда-то небо казалось мирным –
Маскировалось невинным дождем и градом.
Нас новоязу учили еще со школы.
Вам, молодежь, под рогожею жить в новинку.
Мне за углом повстречался один знакомый,
Он, спекулянт, раздавал ходовые ссылки.
Можно забыть о трехслойной, газета стерпит,
Так постепенно к свинцу привыкает кожа.
Если глядишь – понимаешь: ничто не светит.
Просто отсвечивать нынче себе дороже.
Можно назвать обороною наступление.
А по весне где-то буки создали тени.
Можешь листать: вот букеты, коты, веселие.
Неподцензурное кончилось в воскресенье.

06.03

Стылые воды только оттаяли –
Март нелюдим, покажи свое личико.
Молча два брата Каин и Авель
Стояли над гладью, пускали блинчики.
И тут завидовать кажется нечему,
Только теперь поминай как звали.
Был ли один слишком доверчивый,
Был ли другой обиженный втайне.
Стылое небо черчено грифелем,
Стылая степь засеяна гравием.
Только вот оба они не выжили
Бывшие братья Каин и Авель.
Стылая синь распадается надвое,
Степь засыпает мелкое крошево.
Мне помянуть их обоих надо бы
Блинами прощенными, что ж тут хорошего...

09.03

Этот мир повернулся боком и сбавил резкость,
И наметились сразу все болевые точки.
Боевые точки на лестнице, у подъезда.
Вот уже мы не вместе – поодиночке.
Промолчать – так вернее, отойти не вступая в споры.
Очевидное для кого-то невероятно.
И меня караулят фамилии в телефоне,
С кем болтать было весело и приятно.
А на днях мне так вкрадчиво «Что не валишь?
Не устраивает, что же! Идите с миром!»
А мой мир задыхается от пожаращ,
Будто аттракционы с халявным тиром.
А мой мир навсегда забракован.
Совсем не годный.
Он и был колченог, и юзан, теперь подавно.
Не моя вина, что теперь не дышать свободно,
Но пока дышу, буду помнить немую правду.

27.03

Бог видно положил на этот свет.
И всем вложил горящие просvirки.
И края нет. И края больше нет.
И умершим отказывают в бирках.
Пылает Киев, тлеет Вавилон,
Я от стыда сгораю с третьим Римом.
А третий Рейх пришел пожить в мой дом
Прикинулся союзом нерушимым.
Я открываю рот – оттуда тлен.
Там угольком просvirка божья тлеет –
А помнишь как мы ждали перемен?..
Поверить хоть бы в свет в конце апреля...
03.04

и мир на ладони, и в горле ком
катится чертовым колобком,
и мир не спасется, ладонь в огне,
и танки вдали, но идут по мне,
и страху так тесно в моей груди,
а колобок все катит, катит,
и вот на него как на дважды два
накручены новые жернова,
раскручен воронкою коловрат,
и валятся в прорву, и там горят,
добро бессловесно глядит – вопит,
и зло подобиру подбирает быт,
и зло забирает себе добро,
и плавится золото, серебро,
и плавится царской хмельной водой
весь мир хороший и мир худой,
и мир наступает, и брат не рад,
и вертится в темени коловрат,
и все колобок окатил кругом,
и под конец свой разрушил дом
14.04

Феликс Максимов

Родился в 1976 году, прожил жизнь в Москве на Нижней Пресне.

Пишу буквы

Фейк

Герники не было.

Но даже если была:

Сама себя взорвала

Назло

Безвозвратно

Подпись:

Генерал Франко

Мы предлагали мир,

Трупы вышли из морга

И легли.

В глину

С противопехотной миной

Они нарочно.

Это все

раешное

понарошку.

Видишь, тот шевельнул рукой

Этот сел. Колесо

Мелет холодный грунт.

Это все Пикассо

Или ПикАссо.

Мало ли педерасов

Которые нам врут

Смотри, как собаки в клетках

Прикидываются мертвыми

Хорошие мальчики

Брось им палку

Они гавкнут.

Это теперь нарочно
Просят не передавать
Баночки с детским питанием.
Потому что нас ненавидят
Это геополитика
Грозное испытание.

Это война идей!

Сегодня в городе Гаммельне
Не осталось детей.

Флейтист опустил свирель,
Не допищал песенку.
Смотри, вон третий на лесенке
Скорчился и улыбается
Конечно, он притворяется.

Первый апрель

А пятый на остановке?
Провокация и постановка.

К чему закапываться в песок?
Связывать себе руки?
Протискиваться в водосток?
Красить ногти,
падать с велосипеда?
Это дискредитация
Великой победы
Нормальные люди
Так грубо не умирают
Они играют.

Ты бы не стал так делать,
И я бы не стал так делать
Никто бы не стал так делать.
Это все бутафория
Эйфория
Агония

Ты в школе учил историю?
И я ее не учил.
Очень скучно
Иди, смотри и молчи
Выйди в форточку
Если душно.

Выплывь на бережочек
Переключи окошко
Там, бесконечной ночью
Все мертвы понарошку
Ты тоже.
Быть может.

Стану зимним посевом,
Стану мертвой рекой,
Чтоб этот труп сел и
Пошевелил рукой.

03.04

1. Дрон

– Добрый день, док
Можно войти?
– Вэлкам.
Мы принимаем вещи.
Вы кто?

– Я – Андрон
Не боевой дрон.
Дрон-разведчик.

Байрактары смеются в баре
Хлопают по плечу:
Ты не солдат, парень
Рябчик, гуманитарий
Я молчу.

В брюхе моем бурлят
Высокие технологии
Заумные, высоколобые
Меня создавали
Мудрые
Технари
Док, я
Сам не знаю
Что у меня внутри.

Если коротко, сжато, емко:
Я заточен под видеосъемку.

Моя задача проста:
География, топография
От моста и до блокпоста.
Мне что танк,
что цветочек аленький
Зафиксировал. Все в порядке?
Возвращаемся на зарядку.

Сами видите, док, я маленький
У меня четыре винта.
И видеокамера
А кроме нее
Ни черта

Я выделяю объекты
Обвожу их квадратиком
Передаю в штаб.

Вижу собаку, пишу «дог»
Вижу дом, пишу «хаус»
Вижу лес, пишу «форест»

Речки, мельницы, крыши
Спускаюсь ниже
И вижу
вижу

вижу
В колодце звезды
и дно

Святые роботы!
Как говорил один человек,
Который вышел в окно.

– Я вас услышал, Андрон.
Изложите яснее
проблему.
Не бойтесь,
Вы вас починим.
Перепрошьем
гештальт
Как будто и не болели
Поставим новые цели
Передадим в генштаб...

– В марте этого года
Я вышел из тучи
Обычный облет
Рутина
Летел над городом Бучей
Над Яблонской улицей
(Украина)

Все четыре моих винта
Жужжали

Я увидел внизу объекты
Они не шли, не смеялись
Не стреляли, не пели,
Флагами не размахивали
Не толкали велосипеды
Тележки и чемоданы.
Не тащили за руку малых
Не завязывали шнурки.

Они лежали
Просто лежали
Как брошенные мешки

Я обвел их квадратиками
Я не знал, что написать
На квадратике мертвой женщины,
Старика,
Мертвого пса

«Корп», «боди», или еще что
вроде...
Вроде Володи
Мои фасеточные глаза
Засорились снаружи
Что я мог написать?

А потом я увидел
Как движущийся объект
Двуногий, наглый
Приставил к затылку объекта
С завязанными руками

Я упал на врага, как камень
На этого гада
Неоткалиброванной камерой
Разбил его голову.
Надвое

Так мне и надо
Я никого не спас
Не в первый раз
Но я хотя бы попробовал

Я не боевой дрон,
У меня на винтах кровь
Я смотрю только вниз

Доктор, не надо крови
Вы же люди.
В вашей природе
Каритас и гуманизм.

– Андрон, спасибо, я верю
Подождите за дверью
Вашим займусь эпикризом
Не волнуйтесь, вас вызовут.

Доктор поправил очки
Прикинулся мертвым
И написал:

Дрон
Серийный номер Андрон
Не подлежит ремонту
И должен быть устранен
Гуманно утилизирован
Пусть не будет
Разберем на запчасти
Мы топим за экологию
Мы же люди
Отчасти

Добавлю на всякий случай
Чтоб не повторять дважды:
Коллеги, так будет с каждым
Пациентом из Бучи.

05.04

2. Ягуар

Я – маленький ягуар.

А еще

У меня есть пятна

Когда есть пятна –

Все понятно

И хорошо.

Я пил воду,

Драл когтеточку,

Спал,

Ел мясо.

Сегодня ночью

Горячий ветер

Над нами грохал

Басом.

В вольер вошли трое:

Макаки-резусы

Отрицательные

Серьезные

Взрослые

Небритые

Собранные

С винтовками и сухпаем

С дымным духом свободы

Сорок третьего года

Недострелянные полицаем

Роза, Дези и Гектор

Сказали: Спокойно, паря:

Все плохо

Бросай лежанку и ветки

И выходи из клетки

И я сказал: понятно,
Сейчас, соберу пятна
Ягуар не может без пятен.

Макаки рявкнули:

– Хватит!

На выход, это не игры
Это война.

Какие к дарвину пятна?
Вышли и львы и тигры
С медведями непонятно.
Люди стреляют в нас.

– Тоже мне шишел-мышел,
Тоже мне аты-баты,
Тоже мне безобразие
Разве в вас не стреляли
Человекообразные?
Ваши братья приматы?
Это прописи, проза..

Они на меня наорали
Я, как был голый, вышел.
За Гектором, Дези, Розой.

Я потерял свои пятна
Я их хочу обратно

Пятна рассыпаны взрывом
По зоопарку Харькова
Волки, орлы и рыбы
Умирают стоя
Особенно рыбы

Страусы эму и нанду
Больше не прячут
В песок голову
Они никогда не прятали
Теперь они команданте
ПВО этого города.

Голуби и дворняги
Подают им патроны
Гражданская оборона.
В разведку пошли вороны
Тритоны, клопы, летяги

Я – маленький ягуар
Из зоопарка Фельдмана
И в это время ведьмино
Не задаю вопросов
Мне это не интересно.

Но в моей переноске
Найдется место для всех.
В ней никогда не тесно

Просьба от ягуара:

Когда мы построим
Харьков
Обратно
Прочно
И внятно
Соберите
На тротуаре

Мои пятна.

05.04

3. Девочка

*

У солдата выходной, пуговицы в ряд,
Ярче солнечного дня золотом горят.
Часовые на посту, в городе весна,
Проводи нас до ворот, товарищ старшина.

*

Хорошие девочки: Оли,
Оксаны и Вали
Ходят в школу,
Сидят на диване
Смотрят свинку Пеппу
Буратино и Пеппи.
Феечек Винкс
Хорошие девочки
Не смотрят вниз
Хорошие девочки пьют молоко
Рисуют ко...

...Тика

ко

...Ровку

Принцесс

В коронах

И кринолинах

Хорошие девочки

Поголовно

Лилии и

Невинны.

Хорошие девочки

Не лежат в подвале

Голые с заклеенными скотчем глазами

Не вызывают культурный шок

Нагишом

С цензурной мозаикой

Квадратиками

Между ногами

Хорошие девочки тянут руку
Отвечают урок
Помнят свое имя.
Я свое давно потерял
Между другими.

Я нехорошая девочка
И ты нехорошая девочка
Мы все нехорошая девочка
Эффект Си-Эн-Эн.
В городе Эн.

*

Идет солдат по городу, по незнакомой улице,
И от улыбок девичьих вся улица светла.
Не обижайтесь, девушки, но для солдата – главное,
Чтобы его далекая, любимая ждала.

*

Когда он умер, этот солдат
Он был не виноват
Настолько светел и чист
Что его без очереди тиснул в рай
Ангел саксофонист
Онанист на доверии
Отпер райские двери
Ему тоже хотелось
Трофейный фен
Унитаз и стиралку
Ангел очень старался.
В раю солдата-насильника
Десятилетней девочки
Поставили на колени
Связали его запястья
Белой, как небо, лентой.

К нему привели девочку
Ее глаза были завязаны
Уже не скотчем
А влажным кружевом,
Который сплели феи
Феи это умеют.

*

А солдат попьет кваску, купит эскимо,
Никуда не торопясь, выйдет из кино.
Карусель его помчит, музыкой звеня,
И в запасе у него останется полдня.

*

Девочка была голая.
Ей дали камень
И сказали: убей его,
Рви зубами.
Он с тобой это сделал
Лишил тебя рук и губ

Камон, бейба,
Крепко вдарь,
Боженька с неба
Смотрит тебя
В прайм-тайм

Нехорошая девочка
Из Бучи, Ирпеня
Все выплакала
Бросила камень
Села на корточки
В рыхлом
Райском снегу
Закрыла лицо руками

– Я его не могу.

05.04

Похороны кукушки

Старушка
Испекла ржаную кукушку
Завернула печеный кукиш
В старый свитер.

Ватрушку теперь не купишь:
Враг у ворот.

Старуха
Зевнула,
Перекрестила рот.
Пошла на цвинтар.

Встаньте осколочные
Разбудите повешенных.
Встаньте, повешенные,
Разбудите застреленных
Встаньте, застреленные,
Разбудите сожженных.
Встаньте, сожженные,
Разбудите зверем поеденных.
Встаньте, зверем поеденные,
Разбудите безыменных.

От кого остался хоть червь
Хоть позвонок, хоть челюсть
Хоть чертов палец.
Безымянные спят
Три тысячи пять ночей.
Заспались.

Старухи ржавой клюка
Била в холмики и ограды
В талую землю рядом.
Плыли над миром и градом
Полетные облака.

– Олёна Неупокоёна
Из Быковни.
Ищу стучу, узнать хочу.
– Що?
– Когда война кончится?
– Когда зацветет верба.
Во вторник.
– Нет. Я тебе не верю.
– Плохо. Иди к Тойво
Из Сандармоха.

– Тойво из Сандармоха
Ищу, стучу, узнать хочу.
– Mikä?
– Когда война кончится?
– Ночью в апреле.
– Нет, я тебе не верю.
– Плохо. Пошла ты
К Назару. Он в Куропатах.

– Назар из Куропатов,
Ищу, стучу, узнать хочу.
– Што?
– Когда война кончится?
– Когда огнестрельное с колющим
Расплавят в металл обратно.
Всех оплачут и опознают
От человека до зверя
Слезами лютыми.
– Нет, я тебе не верю.
– Плохо. Иди к Николаю
Из Бутово.
Он знает.

– Николай из Бутово,
– Что?
– Когда война кончится?
– Когда дети выбросят корочки
птицам. И съедят мякиш.
Когда воздадут убийцам
Меру за меру.
Когда безопасны будут
Подъезд, подвал и вокзал.
– Николай, я тебе не верю.

– Передайте, пожалуйста, Вере
На Мамкином кладбище
Четвертая яма Карлага,
Я не сдался, я не подписал!

Старушка устала шляться
По погостам.
На перекрестке
Чумацкого шляха
Похоронила кукушку
В колее танковой.

Испекла пирожок
Из ничего
Из всего
Замешала на молоке
Убитой рыжей коровы
И поднесла оккупанту:
Кушай, сынок.

На здоровье.

10.04

Страшилки

Девочка, девочка,
Гроб на колесиках
Едет по твоей улице.
Брысь в подвал поскорее,
Нет подвала – за батарею,
Под плинтус, в почтовый ящик,
Гроб ищет тебя и обрящет.

Государственный, настоящий
Тигр, Тигр светло горящий
В глубине полночной чащи.

На груди у гроба орденские планки
Позади трущобы – впереди Таганка
И Ваганько
Во!

Бегут, бегут по стенке
Зеленые глаза
Они девочку задушат
За За За

Красная рука лезет из пятна
На стене
Ищет ощупью шею
Во сне

Мама пошла на работу
В субботу
На сутки
Военнообязанная
Вернулась без рук
Без ног,
Без головы
Один торс.
Села рассказывать сказку
Про «жил-был волк да пес»
Девочка вышла на улицу
Свет в подъезде потух
Маму – черную курицу
Затоптал красный петух

Девочка, девочка, хватит
Что Донбасс, что Домбай
Вышел из– под кровати
Добрый пыльный Бабай.

Женя,
Бабушка,
Лёка
Дядя Вася и
Дядя Лёша
Савичева Мама
Осталась одна Таня

Гроб на колесиках
Вывозит гражданских
Из-под обстрела.

Ночной
Челночник.

Красная рука
С одесского маяка
Обеспечивает ПВО
Указывает цели.

Бабай, Бука и Желтые Шторы
Работают, мониторят
Гуманитарные коридоры.

Девочка, девочка,
Гроб на колесиках
Едет по твоей улице
Выйди, простоволосая,
Как первомайка, дачница
С ядерным чемоданчиком
Успей на последний рейс.

Девочка, девочка,
Мы приехали
Мы на месте.
Мы вместе.
Мы здесь.

06.05

Слава Малахов

*Креативный директор и поэт, автор группы
«Дореволюционный Советчикъ»*

На желтой бумаге печати времени.
Годы идут, продвигаясь с боями.
А родина-мать снова беременна
Самыми лучшими сыновьями.

Из ее лона выходят строем.
Стройные.
Глаз небесная синь.
Им уготовано стать героями.
Во веки веков.
Аминь.

Им с малолетки
играть в рулетку
русскую: круть да верть.
Смертная скука
на лестничной клетке.
Из развлечений: смерть.

Тем, кто метит до рая
шкура не дорога.
Герои не умирают?
Пропаганда врага.
Цели – это пустое.
Смысл движенья – путь.
Строем идут герои,
Ну, а куда – не суть.

Вслед железной рукою
Машет суровая мать.
Мрачно идут герои
Красочно умирать.

Под крылом замполитов
В вечное ничего.

Нахуй они нужны-то,
Если не для того?

Герой не умерший считается трусом.
Что, не мужик? Зассал?
Когда бы в России распяли Иисуса,
Он бы не воскресал.

Жалок герой, как анахронизм,
Если не похоронен.
Это какой-то постгероизм,
Какая-то пост-ирония.

Живому герою снится
аромат пралине
из дружеской ягодицы,
прожаренной на броне
и брызнувший на ресницы
товарища мозжечок.
Он не умеет гордиться
подвигом, дурачок.

Живой он расскажет, как бросили
Гореть его заживо в пламени.
А мертвого кто его спросит?

Он же памятник.

Мокрая хмурь.
Пьяная хмарь.
Юная дурь.
Божия тварь.
Серая Тверь.
Сизая твердь.
Грустная пердь.
Русская смерть.

2020–24.02.2022

Колеса поезда,
едущего с войны,
стучали: «под-дых,
под-дых, под-дых,
под-дых»
Колеса поезда,
едущего с войны,
стучали: «во-ды, во-ды,
во-ды, во-ды»

Стучали: как-быть,
как-быть, как-быть.
Стучали: дол-бить,
до-быть, до-бить.
Стучали: хваль-бы,
паль-бы, моль-бы.
Стучали: гро-бы,
гро-бы, гро-бы.

Колеса поезда,
едущего с войны,
стучат не «та-там, та-там».
Та давно не там.
Колеса поезда,
едущего с войны
стучат о его делах
небесным ментам.

Эти колеса гудят,
тяжелы, больны,
как голова у едущего с войны.
Едущий пьет угрюмо.
Смиривши дух
едущий смотрит, думает
о тех двух,
что о делах своих говорят вслух
и колеса для них стучат запросто:
чух-чух-чух.

А над губой белобрысого
пух-пух-пух.
А его дева – красоточка
Ух-ух-ух.

Как она спит, прижавшись к его плечу.
Как он ее целует под
Чух-чух-чух.

Господи, думает едущий,
я прошу
лишь об одном,
если слышишь меня сквозь шум:
пусть хоть порою, недолго и
чуть-чуть-чуть
эти колеса стучат для меня просто
чух-чух-чух.
Просто как раньше стучат для меня
чух-чух-чух
Как и для них, для меня стучат
чух-чух-чух
Как и для всех, для меня стучат
чух-чух-чух.

Было бы это чудесней всех
чуд-чуд-чуд.
Не оставайся, эй, Бог, ко мне
глух-глух-глух.
Я понимаю, что зол я и
глуп-глуп-глуп,
но если можно, пожалуйста,
чур-чур-чур,
стук их опять будет радостным
«чух-чух-чух»
Ведь для тебя это сущая
чушь-чушь-чушь.
Просто пускай они снова стучат тихо
чух-чух-чух.

Просто пускай они снова лишь
чух-чух-чух.

Хоть иногда, ну, пожалуйста, на чуть-чуть.
12.03

– Каин, где брат твой Авель?

– Откуда, Боже,
знать это мне? Где-то ходит.
Ты спросишь тоже...
Он только лишь по рождению
дан мне братом,
а так я ему не сторож, не соглядатай.

– Каин, где брат твой Авель?
Сказал мне ветер –
он с головою пробитой лежит в кювете.
Видели звезды ночные, цветы и птицы:
шел ты назад домой в его плащанице.

– Господи, ветер носит пустые слухи.
Я за всю жизнь не обидел и малой мухи.
Как же ты можешь верить цветам и звездам?
Это же, прости Господи, несерьезно.
Они явно заинтересованы в этом вбросе.
Все не так однозначно в этом вопросе:
Авель устал и прилег отдохнуть на камне.
А плащаницу по-братски он Отдал сам мне.

– Каин, где брат твой Авель?
Известны Богу
все наперед причины
и все итоги,
все, что смертных ведет
тернистой тропею.
Каин, ведь брат твой Авель
убит тобою.

– Господи, да, виноват,
мои сдали нервы.
Но хитрый брат
мог напасть на меня первым.
Господи, это был лишь
удар в упреждение.
Я покажу, как готовил он нападение.

Он был с рождения
очень опасный сосед.
И вообще, Господи,
где ты был восемь лет?
Я тебе тоже молюсь,
соблюдая заветы.
Ему почему это все,
а мне все вот это?
Господи, почему глаза твои
гневом полные?
Господи, зачем тебе эта
страшная молния?
Господи, у меня это, дети, жена.
Господи, погоди, а может не на...

18.04

Эпоху застоя
сменила эпоха отстоя.
Бежать – ну такое.
И не бежать – ну такое.
Коль нам погибать –
я сделаю это с боем.
Коль всем умирать –
я сделаю это стоя.

14.04

Елена Мамонтова

Екатеринбург. Пишет стихи и прозу для детей, переводит английские книжки на русский язык. Любит игровые, веселые рифмы, но после 24 февраля 2022 года рифмы получаются совсем другими

Как так могло случиться?

Когда пошло на слом?

Дай, мама, схорониться,

Накрой меня крылом,

Найди такие лазы,

Чтобы...

А мама: «Цыц!

Айда клепать фугасы

Убойных гаубиц!»

И я кусаю губы,

Проглатывая вой.

Трубит мне во все трубы

Завод пороховой.

26.02

Мама протерла раму,

Чтобы настало лето.

В дом пригласила мама

Луч золотого света,

Чтобы в луче сверкала

Прыткая стрекоза.

Мама, оставь раму.

Мама, протри глаза!

20.03

Нет, не будет любви.
Ты меня извини.
У меня продолжаются трудные дни.
Из меня извергается смрадная кровь.
Так какая, к собачьим чертям, тут любовь?
И при чем тут собаки?
И черти при чем?
Разговор ни о чем.
И дела ни о чем.
Я молчу ни о чем.
И кричу ни о чем.
Не толкай меня в спину
Горячим плечом.
Нет, не будет любви.
Ты меня извини.
У меня не кончаются
Трудные дни.

07.03

Абонент недоступен

На вашем счете недостаточно средств
Для разговора с Богом.
Бог выключил телефон
Или временно недоступен.
Оставьте сообщение на автоответчик,
Вы тридцатимиллионный в очереди.
Очереди пока небольшие,
Еще сто десять миллионов не в курсе,
Что все операторы заняты
Специальной операцией.
Попробуйте пере...
Обрыв связи.
Обрыв.

18.03

Моей собаке

Привет, моя собака!
Чего ты так грустна?
Тебя, наверно, тоже
Ужалила война?
Украдкой укусила
Когда ты шла домой?
И, может, заразила
Коричневой чумой?
За что – тебе неясно,
Неясно, почему.
Такое неподвластно
Собачьему уму.
Иди ко мне, собака.
Я так тебя люблю!
Уткнусь в тебя от мрака
И тоже заскулю.

19.04

Пасха

Христос воскрес. Люди не воскресе.
Они остались в Буче и Одессе,
Ирпене, Волновахе, Бородянке.
Не слушаешь? Ты в домике? Ты в танке?
Тебе все эти «фейки» надоели?
Да кто теперь не в танке, в самом деле?
Кого волнуют люди Волновахи,
Когда такие санкции и страхи,
Инфляция, своих проблем до кучи?
Кому есть дело до какой-то Бучи,
Одессы, Мариуполя, Ирпеня?
Восходит ночь на древние ступени.
Взлетает в небеса за птицей птица.
Но как господь посмотрит в эти лица
И что ответит этим взглядам, если
Христос воскрес, а люди не воскресли?

24.04

Письмо палачу

«Внимание, дети! Мы пишем письмо палачу».
«Вы шутите, Марья Петровна?» «Нет, я не шучу!
Старайтесь. Кто хочет, еще нарисуйте картину –
Ну там электрический стул, эшафот, гильотину
И эту, с веревками...» «Виселицу?» «Да, Попков!
Мне очень приятно, что ты не совсем бестолков».
Попков посерьезнел. Нахмурился так по-мужски!
И начал писать, как положено, с красной строки:
«Приветствую вас, незнакомый, великий палач!
Пусть вас не смущает какой-нибудь жалобный плач,
Пусть не дрожит судьбоносная ваша рука,
Не гложут сомнения и не съедает тоска.
Пусть будет веревка крепка и заточен топор.
Пусть будет усладой для ваших ушей приговор.
Конечно же, вам тяжело и не сахар ваш труд –
Но приговоренные сами собой не умрут!
Спасибо за силу. Надеемся только на вас!»
Тут Марья Петровна сказала: «Внимание, класс!
Работы на стол, встали в пары, идем на обед.
По случаю нам обещали наборы конфет».
А письма летят к адресату как стая грачей,
Ведь нужно поддерживать в трудные дни палачей.

23.05

Платон Матинин

Генералу небесного воинства Х.
Я молюсь из глубинки в море бедлама:
Я сейчас как луковая шелуха,
Я как будто мертв, но имею сраму,
Дай на Пасху мне яйца, не для греха –
Написать Х и В на фасаде храма.

14.03

Рвануло вдали – похоже,
В районе электростанции.
Стекла задумались с дрожью:
«Вылететь или остаться?»

Поле, грачи, зигзаги
На обугленных танках:
«Саврасов иль Верещагин?
Вылететь или остаться?»

Перед листом А1
Редактор застыл в Останкино,
Белее арктических льдин:
«Вылететь или остаться?»

Олег с кукухой вдвоем
Стоят в глубокой прострации.
Думают о своем:
«Вылететь или остаться?»

27.03

Игорь устроил «перепись»:

- Друзья, напишите, где вы?
  - Тульская область, Черепеть.
  - Восемь лет под Женовой.
  - В Москве.
  - В Братиславе.
  - В Ницце.
  - В Лобне, и вряд ли вырвусь.
  - Выписали из больницы,
Помните коронавирус?
  - В Одессе.
  - В Тбилиси.
  - В Констанце.
  - Ждем паспорта в Ереване.
  - Никак не могу собраться,
Лежу и реву на диване.
  - Не смейтесь, но в Эмиратах:
Были дешевле билеты.
  - Дома под Прагой.
  - В Карпатах.
А дома нашего нету.
  - В Кракове.
  - В Хайфе.
  - В Рахове,
Скоро границу проедем.
- А Аня сказала:
- Я в ахуе.
- И все согласились:
- Соседи!..

22.03

Подоконник – прекрасное место для встреч:
Детская комната, вид на бескрайний простор.
Собрались тут герои, чтоб сон твой сберечь,
И неслышный ведут меж собой разговор.

Не пропустит царевна-лягушка стрелу,
И грозит «вертушкам» копьём Дон Кихот,
Кот ученый в дозоре, а в самом углу
Чинит Карлсону двигатель кот Бегемот.

Дамблдор произносит заклятие «Нокс»,
Три мушкетера с гасконцем стоят, как стена,
Саня Григорьев всю ночь прикрывает норд-ост,
С зонтиком острым Лукойе, ему не до сна.

Если форточку Ходор сдержал головой,
Если юный Сэнд-Бэггинс осколки поймал,
Если утром ты встал из постели живой, –
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

03.04

Рота сдавала в багаж
Айфон,
Сарафан,
Трикотаж,
Сундук,
Ноутбук,
Автокресло...
А плазма в танк не пролезла.

05.04

По затопленным рельсам
(Где-то прорвало плотину)
Поезд проходит раз в день
И только в одну сторону.
Девочка в поезд садится,
В вагоне одни лишь тени.
Они постепенно сходят,
Девочка едет в даль.
На станцию Дно Болота
Прибытие поздней ночью.
Заброшенная платформа,
Горит одинокий фонарь.
Рифмы пока неточные,
И зритель еще надеется,
Зрителю хочется верить,
Что вот ну совсем немного
И разойдутся тучи.
Но раздается голос:
Закрываются двери,
Следующая станция
Буча.

04.04

Пастор, увы, никогда не работал в IT,
Визы не будет, на лыжах придется идти,
Шлаг улыбается, Штирлицу же не до смеха.

Гельмут сдает младенца радистке Кэт
И выходит на улицу на одиночный пикет,
Пули свистят, но он – немец, куда ему ехать.

07.04

Москва. Все почти как всегда. Светит солнце.
На билборде, где раньше был шкаф из Икеи,
Написано:

«Это место сдается».

Город на тысячу километров южнее.
Билборд, снарядом у шкафа выбита дверца.
А місто?
Воно не здається.

11.04

Ветер, туман и снег.
Где-то в республике Коми.
«Не бойтесь стука в окно – это СДЭК,
Вам посылка от мужа, пункт отправления Гомель».

Стиральной машиной жена
Довольна, одна лишь обида:
Каждое утро она достает со дна
Маленький белый платок с именем «Фрида».

12.04

Сидя за очень длинным столом,
Царь говорил с генералом.
Первый – за время его истеклом,
Второй – за потным забралом.

Главнокомандующий вопрошал
О танках, ракетах и прочем.
Забрало свое протирал генерал,
Слышал он тоже не очень.

Последний вопрос был: «А как там сейчас
В – ой! – на Украине?»

...С такого
предлога
и началась
Та, что идет и поныне.

18.04

Михаил Немцев

Родился в 1980 году в Сибири

«Сила через радость»

Дмитрию Королёву

1.

Новые поколения россиян
поедут отдыхать на море
в освобожденный Жданов (бывш. Мариуполь)
так же как до них многие поколения –
в Туапсе
(что в переводе с адыгского означает «двуречье»).

2.

Давайте говорить о геноциде!
Давайте уже поговорим и о геноциде.
Не желаете
говорить о геноциде?
Давайте тогда, о чем там модно
разговаривать этой весной: о Стамбуле
(Константинополе), об Ереване...

3.

Говорят, любой человек хоть в чем-нибудь прав.
Ну что же, читаю трактат одного людоеда
о философии Достоевского – и, знаете, кое в чем
прямо-таки не могу с ним не согласиться.

4.

Если не сообщать о потерях
любая война победоносна.
Противник уже истекает кровью, и танки
наши танки
так и рвутся вперед!

5.

Есть и такая реальность, в которой потери, это трагедия, это недоразумение, это неизбежность, это психологическая операция, это не ты и не я. В общем, их нет.

6.

Радость вернется, когда мы все это забудем.
То будет радость обретаемой вновь невинности.
Уж чего-чего, а невинность
у нас никогда никогда
не отнимет.

апрель 2022

Особые фотографии оттуда –
окровавленные игрушки

вот лошадка вот пистолет наган вот деревянный домик
ими уже не будут играть
они подойдут для музея

потом
они заговорят
и скажут
свои слова

эта лошадка та обезьянка тот слоник
назовут имена
имена

08.04

Александра Неронова

Композитор, режиссер, художник-график, живу в Москве

Пусть я завтра проснусь – и не будет войны.
Никакой.

Только тонкое кружево юных берез над рекой,
На высокой горе – деревянная церковь.
Рассвет.

А войны никакой,
Никакой – понимаете! – нет.

Будет просто обычная жизнь.
Города и огни.

Светло-бежевый март.

Золотые воскресные дни.

Где-то в высях негромкий и мирный летит самолет,
И парнишка с цветами подругу на площади ждет,

И афиша кино разноцветным сияет огнем,
И старик в телогрейке любит рыжим конем,
И на крыше, как черная тень, проявляется кот,
И бандура играет,
И тихо жалейка поет...

Будут яркие платья, и море, и смех, и мечта,
Будут встречи счастливых влюбленных на гребне моста,
Будут бабушки с внуками, кофе, друзья и дела,
Будет киевский торт в середине большого стола,

Будет все.

Расставанья и встречи,

Дороги и сны...

...Я проснуться хочу,

Чтобы не было больше войны.

27.02

Ждешь новостей.

Пожары.

Топот солдатских ног.

Мир, безысходно старый,

Режется, как пирог.

Сплетни и страхи лезут

В душу, в работу, в дом...

...Кто-то в людей – железом,

Кто-то в людей – огнем...

Вечность почти что рядом,

Кровью на мостовой...

Рыщешь по строчкам взглядом:

«Слава богам, живой...»

Пристально смотрят шпалы

Из-под седой травы.

«Не нарывайся, малый,

Как бы чего не вы...»

Давишь в себе иуду,

Латы растишь внутри...

Я нарываться – буду,

Черт меня подери!

Голову не застудишь?

Лучше без головы?

Ты нарываться – будешь.

Впрочем, увы, увы...

Ради обычных будней,

Ради садов в цвету,

Мы нарываться – будем!

Мы нарываться – будем!

Мы нарываться – будем!

Пофиг на кляп во рту.

Тонут в кровавой каше

Ноты, шаги, слова...

...Жаль, что в ответ не скажут:

«Слава богам – жива».

24.02

Скоморошина

Черный, черный, черный звон,
Срежем липу,
Спилим клен,
Срубим ель,
Взорвем сосну...
Это, брат, не про войну.

Красный, красный, красный знак –
Не для форсу –
Просто так.
Кто шуршит? Пойду взгляну...
Это, брат, не про войну...
Серый домик в три трубы,
Лес не тратим на гробы.
Просто канем в тишину...
Это, брат, не про войну.

Синий, синий, синий глаз –
Спи, мальчонка, про запас.
Я сегодня не засну –
Это, брат, не про войну.

Белой краской – пол-лица:
Слушай сказку до конца:
Плачет желтая луна,
Кровь струится из окна,
Вишня корчится в огне,
Скачет саван на коне,
Скулы голодом свело,
Губы солью обмело.

То не птица, то не зверь,
То не морок льется в дверь –
Скоморох поет в плену...
Это, брат...
Это, брат...
Это, брат...

17.03

Вот они – интересные времена.
Временами – стучат.
В тишине.
Со дна.
Там, где сваи ржавеют,
Гниют столпы –
Стучачи не выводятся.
Как клопы.

Слышишь эту морзянку?
Она везде:
В мутных взглядах прохожих,
В пыли,
В воде,
В телевизоре брызжет слюной, визжа,
Осуждает любые «зарубежа»,
Ходит, сжав подозрительно
Узкий рот,
Провоцирует,
Кается
И орет,
Закрывает глаза на чужую смерть –
Это просто враги.
Не жалеть.
Не сметь.

Вот тебе направление на курс иуд –
Постигай, недотепа, пока дают,
Дома сядь поудобнее и стучи...
Не согласен?
На выход.
Сдавай ключи.

Тараканы стучат и стучат грачи,
Зайцы, белки, медведи и косачи,
Почтальоны, чиновники, и врачи,
Продавцы и банкиры...
И ты стучи.

Будь как рыба, блюдущая тишину.
Постучи – и замри.
Не гони волну.
Не трясись, как припадочный, не халтурь.
Ничего.
Автозаки повыбьют дурь.
Не проваливай ритм!
И не путай строй!
..Вот на премию купишь багет с икрой,
Дочке платье, сынишке – велосипед.
Кто сказал «не хочу»?
Это что за «нет»?

Мы живем в интересные времена,
Им, дружочек, не скажешь: «Пошли вы на!..»
Совесть крякнет... но все же подпишет пакт.

...Меццо-форте.
Три четверти.
Пятый такт.

06.04

Господи, забери меня отсюда,
С этой земли, с этой плоскости, с этой реальности,
Господи, я никого не могу защитить,
А криком никому не поможешь.

Господи, я думала, что смогу быть сильной,
Отогнать любую беду, усмирить любую тревогу,
Справиться с ядерной бомбой, если это понадобится.
Господи, забери меня отсюда – я не справляюсь.

Господи, забери меня отсюда,
Чтобы там, наверху, у меня было больше возможностей –
И тогда я сделаю то, что хотела бы сделать:
Воскрешу погибших,
Заставлю разрушающих устыдиться,
Восстановлю каждое здание, каждое дерево, каждую душу,
Примирию враждующих...
А если надо – убью тех, кто призывает убивать.

Господи, забери меня отсюда:
Я всего лишь одинокий человек,
Который не смог даже собственную жизнь выстроить нормально,
Который не всегда справлялся даже с собственной болью,
Который не всегда мог защитить даже самых близких,
Что уж там говорить обо всем мире?

Господи, забери меня отсюда!
Или дай мне больше сил, Господи,
Дай мне больше веры в себя, в свое право изменить этот мир,
Чтобы в нем не погибали дети,
Не рушились дома,
Не враждовали люди...

Господи, я попробую еще раз,
И еще раз и еще,
Пока могу хотя бы встать.
Если ты даешь мне право жить –
Значит, и право перестраивать мир даешь тоже.

Значит, буду сажать деревья,
Значит, буду исцелять души,
Значит, буду говорить, петь, любить, утешать,
Плакать и смеяться вместе с теми,
Кому гораздо хуже, чем мне,
Буду делать все, что могу и больше, чем могу.
Прости за минуту слабости и уныния –
Это ненадолго,
Поверь.

22.04

Качается фонарь в проеме,
Грустить и помнить нет причин.
Все хорошо на свете, кроме...
А впрочем, лучше промолчим.

Скользнувший блик уносит ветер,
Стекают листья по стене.
Все хорошо на белом свете,
Когда бы не...
Когда бы не.

Пора учитывать расходы,
Не лгать себе, не жить внутри.
Как было славно эти годы...
Как больно, черт их побери!

Висит фонарь в тисках проема,
Аккордеон звучит в саду.
Не помню улицы
И дома.
И ничего
Уже
Не жду.

13.04

Зачем ты рождаешь, Мария, в такие дни?
Не время для радости, Боже тебя храни!
В крови захлебнутся и звуки, и семена,
Какая там радость, когда на дворе война?

Зачем ты рождаешь, Мария, в пыли, в дыму,
Какую ты жизнь подаришь, зачем, кому?
Был дом – разбомбили, был город – и больше нет...
Подумай –
Как маленький выживет на войне?

Зачем ты рождаешь, Мария, под лязг и гром,
Быть может, мы даже до завтра не доживем!
Удар за ударом – с какой они стороны?
Кем вырастет сын, рожденный в цепях войны?

Она улыбается.
Горше улыбки нет.
Она пленяет сына.
Грядет рассвет.
«Он выживет, вырастет...» – слезы туманят взгляд,
Как триста,
Семьсот,
Как две тысячи лет назад.

Багровое зарево мечется между крыш.
Все ближе снаряды...
Удачи тебе, малыш!
Быть может, хоть нынче тебя обойдет беда.
...Мария поет колыбельную.
Как всегда.

23.04

Сергей Николаев

Родился 26 июля 1966 года в Ленинграде. В 1985 году окончил строительный техникум. Служил в армии, работал рабочим на стройках, в экспедициях, на заводе. После 1991 года был дворником, продавцом, курьером, сторожем, рекламным и торговым агентом. Пять лет жил в маленьком таежном поселке. Занимался в студиях А.С. Кушнера и А.Г. Машевского. В 2000 году вышла книга стихов «Свидетельство о бедности», в 2009 «Непрочное небо», в 2014 «Никто не виноват», в 2020 «Между сосной и звездой». Публикации в журналах «Звезда», «Арион», «Петрополь», «Новый журнал», «Крещатик», «Аврора», «Знамя», в коллективных сборниках и в интернете. Сейчас живет в городе Гатчина Ленинградской области

О, родина, какой меня отравой
ты опоила в северном краю?
Твоей Победы стыдной и кровавой
я ни за что весной не воспою.
Пока горит Ирпень и Киев плачет,
твоей солгавшей Пасхи куличи
я ненавижу – как же мне иначе,
когда в подвале девочка кричит?

Твои солдаты, черные от гари,
с нее сорвали платье, а потом...
Уже я видел где-то эти хари,
и под кирзовым крепким сапогом
я корчился, раздавленный. Но это,
о, родина, не ты была! Смотри,
мы доживем однажды до рассвета,
две дурочки, две ласковых сестры.

23.04

Пуля – дура. Она всегда прилетает в голову,
не спрашивает, за Украину ты или нет.
Солдатня гогочет: – Хули, готов клиент!
А потом тебя, окровавленного и голого,
зарывают в сырую землю.

Ты, что не достанется никому.
Потому что Бог не создавал установки «Град»,
потому что киевский хлопчик не виноват –
ты просто его прикрывал. Ты же знал: вину
искупить невозможно.

Спи спокойно,
брат.

07.03

– Мама, они нас убьют? – Спи, доча, спи.
– Мама, война закончится? – Закончится, потерпи.
– А когда мы выйдем наружу, увидим небо, деревья, да?
– Спи, доча. В небе ангелы и звезда...
– Нет никакой звезды. Там только страшные самолеты.
Мама, что же ты плачешь? Не надо, что ты...

А еще через тридцать дней, как она и сказала,
под грудой бетона, битого кирпича, искореженного металла
обнаружили дверь, железную дверь в подвал.
Только стылый ветер на развалинах немощно подвывал,
когда выносили черные трупы, и кто-то выдохнул: – Холокост...

А в небе звезды сияли (наверное, много звезд),
и одна сказала своей золотой товарке:
– Видишь эту мертвую девочку? Сделаем ей подарки:
вырастим вишни, яблони, рассадим на ветках птиц,
и в этом саду не будет ни фанатиков, ни убийц –
только небо, и облака, и девочка, у которой четыре сына...

Господи, где же ты?..

Украина...

11.04

Дарина Никонова (Сычан)

Москва

Мальчик играет в мячик.
К солнцу его бросает,
Мальчик играет в мячик,
Забот он других не знает.

Мальчик, послушай, мальчик,
Ты знаешь, что жизнь значит?
Что тебе этот мячик?
Ты уже вырос, мальчик.

Мальчик, послушай, мальчик,
Скоро война начнется.
Мальчик играет в мячик,
Мальчик звонко смеется.

Мальчик, послушай, мальчик,
Скоро пойдут колонны,
Скоро под сапогами
Исчезнет покров зеленый.

Мальчик, послушай, мальчик,
Скоро взорвется небо,
И страх до всех доберется,
Кто будет, кто жил, кто не был.

Мальчик, послушай, мальчик,
Что тебе это мячик?
Мальчик, беги, спасайся,
Ты еще молод, мальчик.

Или вставай к знаменам,
Нечего праздновать труса.
Темные дни начнутся,
Светлые – не вернутся.

Мальчик, ты слышишь, мальчик?
– Слышу, конечно, слышу.
Мальчик бросает мячик.
...Мяч улетает на крышу...

Ребенок-Смерть рисует небосвод.
По небу солнце желтое ползет.
Ползет, раскинув желтые лучи.
Они остры и очень горячи.

Ребенок-Смерть рисует облака.
В них спрятан дождь, но дождик спит пока.
Плывут по небу рыбы-облака,
Под солнцем растворяются бока.

Ребенок-Смерть рисует луг в цветах
И рыжего счастливого кота.
Его усы похожи на лучи.
Ну разве что не очень горячи.

Вот над рисунком собралась родня:
– В кого такой? Уж точно – не в меня!
Такого не видали мы вовек!
Неужто наш ребенок – человек?!

Ребенок-Смерть не знает, что сказать.
Ему охота жизнь рисовать.

24.02

Невозможно справиться с горем и бессилием.
Больше нету рая для моей России.
Больше рая нету, мира больше нет.
Где мы были, спросите, долгих восемь лет.

Нам поправить нечего,
Не о чем просить.
От утра до вечера
Постараться жить.

Делать, то, что делается,
Не терять лицо.
Ждать, что перемелется
Абсолютно все.

12.04

Письмо

Мама, привет! Я поела и в шапке,
Сейчас это как-то неважно, в целом.
На каждого нынче – особая папка.
Каждый из нас живет под прицелом.

Мы держимся как-то с котами и папой,
На карте «***» еще сколько-то денег.
Да, я поела, мама, я в шапке.
Но я теперь никому не верю.

Да, мама, да. Я ругаюсь матом –
Ведь слов нормальных уже не хватает.
Рвет поводок прирученный атом.
Что будет с нами – никто не знает.

А на деревьях набухли почки,
Вот-вот весна, и они проснутся.
Моя подруга бежала ночью –
И вряд ли сможет назад вернуться.

От нас отвернулись везде в Европе.
И даже ковид отозвал свои штаммы.
Мы в жопе, мама. В глубокой жопе.
Но я поела. И в шапке, мама.

06.03

Памяти Мариуполя

Наш дом сгорел и разворочен двор.
Откуда птицы смерти прилетели?
Но почему-то живы до сих пор
Окрашенные в красное качели.

Они спасенье: лодка или плот,
А может, это нынче наш ковчег.
Смотри, на них качается-плывет
В момент затишья смелый человек.

Он смотрит в небо. В небе цвета нет,
Как выпили его за две недели.
И по ночам не виден в окнах свет...
...Но живы, живы красные качели.

Здесь океаном плещется беда,
Отчаяние разверзлось, как пучина.
Плывет корабль красный в никуда.
Но он – для жизни веская причина.

Когда-нибудь, всему наперекор,
Залечит раны и повеселеет
Здесь каждый дом и каждый старый двор –
И да, конечно, – красные качели.

24.03

Жизнь не перестает...

Вот – одуванчик. Подорожник – вот.
На них плиту бетонную кладет,
Чтоб извести их точно и навек,
Создание, чье имя – человек.

Вот одуванчик. Подорожник – вот.
Вершок погиб, а корешок живет.
Он под плитой уже который год.
Но ищет выход. Вглубь и вширь растет.

Вот одуванчик, подорожник – вот.
Сквозь трещины в бетоне прорастет
Листок целебный, венчик золотой.
Они живут. И живы мы с тобой.

Вот – одуванчик. Подорожник – вот.
Любовь есть жизнь. И не перестает.

25.03

Когда закончится безумие и мы
Как из болезни, выйдем из войны,
Она еще нам долго будет сниться.

Мы будем просыпаться на заре
И тени на паркете, на ковре,
На нас уставят сумрачные лица.

Мы будем в них смотреть
И видеть смерть.
Не спрятаться, не отвернуться, не закрыться.

Мы будем звать на помощь и потеть.
И плакать, и беспомощно хотеть,
Чтоб это все скорей смогло забыться.

И как-то ночью подойдет к нам тень,
Раскинув пасмурные руки, словно крылья.
...И вдруг обнимет нас.
И станет день.
И станет Свет.
И станет Тьма бессильна.

Тогда закончится безумие
И мы как из болезни, выйдем из войны.

28.04

Джамиль Нилов

*Санкт-Петербург. Поэт, культуртрегер, организатор
Чемпионата поэзии имени В.В. Маяковского*

Мой коллега, тучный мужчина лет пятидесяти, каждый день на обеде включает футбол на планшете.

Он не использует гарнитуру и на фоне ревущей толпы в один голос кричит с комментатором:

Гол!

Го-о-ол!

Го-о-о-о-ол!

Так, что выплевывает кусочки котлеты на стол.

Стол за собой он, кстати, не протирает.

Его не смущает, что в одной команде только защитники, в другой – нападающие.

Его не смущает, что у вратаря соперника связаны руки за спиной.

Его не смущает, что вратарь мертв, как и все игроки.

Каждый день он кричит: 5:0

Каждый день он кричит: 10:0

Каждый день он кричит: 410:0

Котлетных плевков все больше, ими усеян весь стол.

Он давится и громко кашляет.

Но не в силах нажать на паузу и увидеть, что вместо мяча через поле летит голова его сына.

05.04

Алексей Олейников

Учитель, писатель, поэт; город Москва

Держи ум свой в аде и не отчаивайся
Держи ум свой в аде и не отчаивайся
Держи ум свой в аде и не отчаивайся
И тебе не придется раскаиваться

Я держу ум в аде и не отчаиваюсь
Мы держим ум свой в аде и не отчаиваемся
Они держат свой ум в аде и не отчаиваются
И похоже, нам это нравится

24.02

В шкафу пылился старый френч
Немодного покроя
И вот в кармане у него
Вдруг завелось живое
Из перхоти и табака
Чернил и мочевины
Вдруг зародилась она
О моль герцеговины!
Ах этот френч, военный френч
Он повидал немало
В один рукав лилось вино
В другом костей навалом
И вот, бока свои раздув
И крыльями махая
Летала моль и все жрала
Жрала, не уставая
И шерсть, и хлопок, тюль и газ
и нефть, и полимеры
Жрала леса, жрала поля
Сжирала все без меры
Жрала и детей, и стариков,
И стыд, и честь, и разум
Пока не хлопнули ее
Одним ударом, сразу

07.03

Бог очень слаб.
Он вовсе не всемогущ.
Раньше он был таким,
пылал среди райских кущ.
Но теперь он слабее
в семь миллиардов раз.
С каждым рождением Бог
растворяется в нас.
И каждый раз, когда
человека убивают
В нем умирает бог
Понимаете, умирает?
Бог есть любовь
живущих к живым.
Цветам, животным, птицам.
Бог есть некий дым
поровну распределенный
между всеми людьми.
Если спросите, где он
– он с теми, кто гоним.
Кто, задыхаясь от астмы
под бомбами сжался в углу.
Кто обнимает ребенка,
свою покидая страну.
Со старушкой, которую в тачке
спасают от братской любви.
С ребенком, который плачет,
вымазанный в крови.
А когда вы убьете бога
каждую его частицу.
Поднимется к небу дьявол
и даст вам причаститься.
Здравствуй, здравствуй хозяин,
скажете вы, ликуя
И он вам свое протянет
копыто для поцелуя.

07.03

В моем кармане значок Украины
Он колет сквозь ткань в районе сердца
В моем кармане значок Украины
И мне никуда от него не деться

Пью утром кофе с Украиной
И сказки читаю на ночь детям
И эти ночи такие длинные
Таких не бывало еще на свете

И в каждом куске черного хлеба
И в каждом глотке воды и чая
Я вижу, как режут ракеты небо
Как чей-то дом уже догорает

Со мною едет Украина
В метро, качаясь полусонно
И тихим вечером Украина
Идет кормить синиц с балкона

И дует ветер с Москвы и Пскова
Гудит у пушек в хищных жерлах
Я сыплю крошки снова и снова
Синицы поют, что ще не вмерла

08.03

- 1 Многие украинцы ненавидят всех россиян и желают им смерти и горя.
- 2 И болезни.
- 3 И мучительной жизни их детям.
- 4 Нищеты, распада страны, пожизненного унижения.
- 5 И еще смерти, вдогонку.
- 6 А у моего младшего сына теплая ладошка, он уверен, что Украина победит и он боится засыпать в темноте.
- 7 Многие украинские дети боятся намного больше.
- 8 Некоторые из них уже никогда не проснутся.
- 9 Некоторые из них до конца жизни останутся инвалидами.
- 10 У моего старшего сына аутизм и он каждый день меня спрашивает, когда эта война закончится.
- 11 Тысячи украинских детей с ментальными диагнозами и без диагнозов задают такой же вопрос своим родителям.
- 12 Прогрессивные и добрые люди всего мира шлют в Фейсбуке проклятия всем людям с российскими паспортами.
- 13 Будете вы прокляты, вы породили Путина, пишут они.
- Будьте вы прокляты, вы поддержали войну
- Будьте вы прокляты, вы не вышли протестовать и не сожгли Кремль.
- 14 Дыхание детей похоже на ночное море.
- 15 Или ветер.
- 16 Россия должна быть уничтожена.
- 17 Русская культура себя исчерпала
- 18 Коты нашли в коридоре карандаш и гоняют его.
- 18 Украина займет место России и будет центром Европы.
- 19 Ты россиянин и ты виновен.
- 20 Ты русский и ты дважды виновен.
- 21 Ты москвич и ты виновен трижды.
- 22 Ты мужчина, и ты вообще виновен, но это уже вишенка на торте твоей вины.
- 23 Ну и что, что не выбирал, не голосовал, протестовал, ты здесь, передо мной в интернете щас ответишь за все.
- 24 Российские солдаты убивают украинцев.
- 25 Украинцы убивают российских солдат.
- 26 Некоторые из их жен и матерей не понимают, за что их убили.
- 27 Но соглашаются, что начальству виднее и воевать надо дальше, чтоб не зря.

28 Тех. кто не соглашается, не так слышно.
29 Зеленые ленточки не остановят пули.
30 Я чищу зубы и смотрю в глаза убийцы.
31 Но я никого не убивал
32 Коты топочут, как стадо слонов.
33 Завтра опять будут бомбить Мариуполь.
27.03

подуй на фашизм
и он пройдет
уже не болит
уже не жжет

подуй на людей
они уйдут
как пепел, как тень,
уже не тут

подуй на страну
она горит
свечой на ветру
дрожит, дрожит

подуй на глаза
на губы, на
детские пальцы
и имена

подуй на траву
на первый лист
на белый цвет
и птичий свист

подуй на собак
и на котов
подуй на себя
и будь готов

24.03

Забирай, Россия, своих сыновей
На убой их послали без затей
На убой послали и они пошли
Леонид, Иван, Айрат, Али

Забирай, Россия, своих сыновей
Веет ветер черный с седых полей
Где пшеница и рожь должны расти
Пацаны лежат, им нет двадцати

Забирай Россия, своих сыновей
Обгоревших, страшных, смолы черней
Кто из них «за родину» кричал,
когда бился лбом в горячий металл?

Забирай Россия, своих сыновей
Вот они – Равиль, Рустам, Андрей
Посмотри, лежат, колени поджав
Они умерли, чтобы Путин был прав

Они умерли, чтобы триколор
Над Крещатиком бился, рвал простор
Они умерли не за грош-пятак
Они умерли даром, просто так

Забирай Россия, своих сыновей
Свою землю их телами засеи
Пусть из них не зубы, а васильки
Прорастут весной у реки

Забирай Россия, своих сыновей
Позабывших ненужных больных детей
От тайги до самых британских морей
Этой армии не было подлеи

30.03

Говорю на zlanguage
давит кадык
распирает горло
с непривык
непривит я к корню
чужд мораль
не пойму никак –
апрель, февраль?
все слепилось вместе
затекло в глаза
хищный клекот, зуд
суетливых zzzza
постановы, вбросы, живой щит
за ушами хрящик аж трещит
как на вкус, наверно, речь сладка
посмотрите, у трупа
шевелит рука
приглашаем на фабрику гнилых слов
на отливку звонких чугунных лбов
если скажет родина будь готов
если скажет родина жги котов
если скажет родина бей кротов
если скажет родина хором ртов
упадет мне в руки, коряв и дик
мой родной окровавленный злозык
06.04

К субботе
Благодатный огонь
заготовленный в небесах
крутился в контуре накопителя.
Ангел сидел на часах
смотрел, как движется
обратный отчет.
Еще немного и пламя
к земле потечет.
Ангел вбивает координаты –
Кувуклия, Господень Гроб.
Но тут же стирает адрес,
вводит несколько строк,
не предусмотренных протоколом,
не разрешенных свыше.
Ангел повышает давление,
и видит – огонь дышит.
Глядит на него синеглазо
и тянется руками.
Прозрачное пламя сжато
до алмазной грани.
Ангел снимает пломбы.
Пламени благое слово
падает в катакомбы
под Ново-Огарево.
22.04

К Пасхе наши войска заняли оставленный ад.
Город Дит дымился, разбит, раздавлен, распят
на гаубице корчился какой-то слепой бес.
Черту на лбу начертили, конечно,
Христос Воскрес.

Воинство наше не щадит бесовские дома.
Камень, железо, бетон, кирпич, смола
перемешались, сместились границы тел,
смысл этого места утрачен, дух его отлетел.

Вырванные хребты домов, нагое бетонное ню,
город похож на каменную кашу, глиняную квашню.
Чудом уцелевший смеситель висит на стене.
Кто умывает руки на этой войне?

Райское войско катит по пыльным дорогам ада
наш механик грызет плитку чертова шоколада...

...помню, вошли в пригород, встали в вишневом саду
знаешь, они здесь неплохо устроились, в этом аду

Сладко спалось, им, бесам, на белых-то простынях.
Сладко жилось проклятым, не помнившим божий страх.

Всем, позабывшим про сильную руку Отца
мы даровали огонь и жаркую плоть свинца.

В детском саду Пеклышко
нет ни единого стеклышка.
От пекарни Геенна
остались одни только стены.
А в салоне Лилит
одна чертовка лежит.
Кажется, будто спит.
И у нее ничего,
совсем ничего
не болит.

Мы заходили в дворы и стреляли собак,
вскрывали подвалы, выгоняли мирняк.
Женщин, детей, стариков, всех этих чертяк.
И объясняли, что мы же не просто так.

Что наша весть благая, что мы принесли свет.
Смерть отступает, ей места здесь больше нет.
Смерть, скуля, заползает в свою нору.
Мы у нее выиграли эту игру.

Дьявол молчит, когда говорят райские пушки...
Плакал бесенок маленький, прижимая игрушку,
плакал, слеза текла, обжигая щеку.
Потерпи, мы научим ангельскому языку.

Мы объясним, кого и как надо любить.
Вечером начал горящий дождь моросить.
Танки пахтали жирный тугой чертозем.
Маршем мы шли на соединенье с Христом.

А рожь пылала вокруг негасимым огнем.

24.04

Сергей Плотов

Поэт, драматург, сценарист. Москва

Помню, с утра была овсянка. И кофеек.
Была сигаретка, прогулка с собакой была.
Заплатил за квартиру. После обеда прилег.
Потом решал вопросы, делал дела.

Потом планировал отпуск – море и кайф.
Говорил с заказчиком – определились с ценой.
Начал рассказ. Еще махнул кофейка.
Договорился с другом встретиться в выходной.

Перед сном смотрел на улицу из окна
И юбилейное обдумывал торжество.
Что еще?..

Помню – завтра была война.
А послезавтра не было ничего.

14.02

Горизонт закрывает дым и просвета нет.
В партитуре беды не предусмотрена кода.
Грустный Бродский пишет письмо генералу Z,
Но генерал не читает писем врагов народа.

Генерал водит пальцем по пеплу крапленых карт.
Он врос в свою ставку, будто бы в грядку овощ.
Два последних союзника жизни – инсульт и инфаркт –
Увы, не спешат пока приходить на помощь.

Генерал уверен – ему помогает Марс.
Полки маршируют, приказов не понимая.
И бесконечно тянется месяц март,
Не даря надежды, но и не отнимая.

06.03

Был Андрюха бухнуть не дурак,
Спорил с тещей, болел за «Спартак»
И заначку имел от жены...
Это было еще до войны.

Таня сбросить мечтала кило,
Чтобы к лету влезать в то, что шло,
Но срывалась и ела блины...
Это было еще до войны.

Льву Семенычу семьдесят пять.
В десять вечера брел он в кровать
И смотрел неприличные сны...
Это было еще до войны.

Глеб исследовал фазы луны.
Кот дурел с приближеньем весны.
Оле нравились все пацаны.
Бомж Василий лежал у стены.
Крики чаек и шелест волны,
Набегающей на валуны...
Звуки лопнувшей где-то струны...
Много было всего до войны.

03.03

– Я никогда не выстрелю в человека!..
– А ипотека?
– Ну разве что ипотека.

11.03

А он такой: «Там это... ждут пацаны».
А она такая: «Ну, если ждут, то беги».
А он такой: «Увидимся после войны?»
А она такая: «Ага. Себя береги».

А он такой: «Я постараюсь, мась».
А она такая: «Хотя бы ради меня».
А он такой: «Позвоню, если будет связь».
А она такая: «Пусть кончится эта фигня».

А он такой: «Ну чо, типа, будешь ждать?»
А она такая: «Куда тебя черт несет?»
А он такой: «Да ладно, прорвемся, блядь...»
Но она-то сердцем чувствует – вот и все...
07.03

Спец...

Слушай, барак,
Новый великий указ:
Здесь не бардак,
Здесь спец-порядок у нас.

Пусть над золой
Ворон встает на крыло –
Это не зло.
Это у нас спец-добро.

Хныкать не смей!
Что б ни случилось – держись!
Это не смерть.
Это, товарищ, спец-жизнь.
24.03

А чем завершается Родина?..
Не рамкой в аэропорту,
А хором придурков юродивых,
Истошно орущих: «Ату!».

А может она завершается
Усердным трудом стукачей,
Строчащих доносы на улицах,
Что названы в честь палачей.

Так чем завершается Родина?..
Привычным бесстыдным враньем,
Разбойничьей песней застольною,
Которую с детства поем.

А может она завершается
Сознанием, что ты – имярек
И время стоит – руки за спину –
Шаг влево, шаг вправо – побег.

Вот чем завершается Родина –
Презрением холопов к тому,
Кто выйти из строя осмелился,
Что их неподвластно уму.

А также она завершается
Тем страхом, что держит в тисках,
Тиранов тяжелою поступью
И кровью на их сапогах...
Вот так завершается Родина...

16.04

Последний парад

Что ответим мы детям,
Если спросят они
Про безумные эти,
Окаянные дни?

Кинохроники кадры –
Перед фильмом журнал.
Не смотрели бы, кабы
Не открытый финал.

Подтянувши брючата,
Оттопырив зады,
Маршируют брусчаткой
Мародеров ряды.

Марш все длится и длится...
И вокруг по весне
Все бессмысленней лица,
А кольцо все тесней.

Благо, песни задорны.
Благо, мысли просты...
Города, дом за домом,
Остаются пусты.

Надпись: «Jedem das Seine»
Так и рвется туда,
Где «не все однозначно».
Все. Для всех. Навсегда.

06.04

Мария Ремизова

Литературный критик, писатель, переводчик. Автор трех книг: «Только текст. Постсоветская проза и ее отражение в литературной критике», «Пудинг из промокашки. Хиппи как они есть» и «Веселое время. Мифологические корни контркультуры». Родилась и живет в Москве

Вот дом,
Который разрушил Джек.

А это те из жильцов, что остались,
Которые в темном подвале спасались
В доме,
Который разрушил Джек.

А это веселая птица-синица,
Которая больше не веселится.
В доме,
Который разрушил Джек.

Вот кот,
Который пугается взрывов и плачет,
И не понимает, что все это значит,
В доме,
Который разрушил Джек.

Вот пес без хвоста,
Без глаз, головы, живота и хребта.
Возможно, в раю он увидит Христа
В доме,
Который разрушил Джек.

А это корова безрогая,
Мычит и мычит, горемыка убогая.
И каплями кровь с молоком на дорогу
К дому,
Который разрушил Джек.

А это старушка, седая и строгая,
Старушка не видит корову безрогую,
Не видит убитого пса без хвоста,
Не видит орущего дико кота,
Не видит умолкшую птицу синицу,
Не видит того, что в подвале творится
В доме,
Который разрушил Джек.

Она как-то криво припала к крыльцу.
И муха ползет у нее по лицу.

25.03

Ах ты, девочка чумазая,
Где ж ты руки так измазала?
Синенькая юбочка,
Белая коса,
Нижняя оборочка –
Красным полоса.
Глупо ухмыляешься
Черепом без губ.
Низко наклоняешься,
Прибирая труп.
Да очнись же, вымой тело.
Нет войне. Займись любовью.
Белый-белый, синий, белый.
Небо. Снег. И капли крови.

29.03

Мария Самохина

Родилась и всю жизнь живет в Москве. Филолог, редактор (и то, и другое – на всю голову), мама и котомاما (заводчик мейн-кунов). Запойный читатель с почти сорокалетним стажем. Немного – автор-прозаик (соавтор и персонаж книги А. Топалова «Сказки мертвых»), еще меньше – поэт. Словотворчеством занимается на уровне дилетанта и, как правило, чтобы не сойти с ума от окружающей действительности. Свое отношение к происходящему в мире открыто проявляет в стихах, включенных в этот сборник

Живи, как жила, – стучись в закрытые двери,
Зови, как звала, – вдруг откроют, впустят, поверят?
Что учить твоей дочери – молитвы или «ити, ни, сан»?
Три- или биколор – каждый решает сам.

Делай, как делала, – и все равно будет мало.
Все, во что верила, – война пришла и сломала.
Рыдай, как рыдала, – все плачут на пепелищах,
Даже мертвые не молчат – если их отыщут.

Пиши, как писала, – стихи с веселым надрывом.
Тем, кто читает, – неважно, что некрасиво.
Пусть дети видят, как ты живешь и веришь...
Дай им, что сможешь. Все равно потом пожалеешь.

06.04

Рашелькина колыбельная

Прекрасной Марине Комаркевич

Мам, дети уснули – да, долго не засыпали.
Спят и большая, и маленькая, и ты от компа оторвись.
Да я тебе говорю, мы им в пять глоток мурчали!
Мам, третий час ночи, давай уже в душ и ложись.

Мам, ты, главное, помни, мы тут, мы рядом, мы близко.
Ну хочешь, мы все уроним, а ты нам дашь нагоняй?
Зато отвлечешься... Миски? Мам, опять ты про миски!..
Ну ладно, если тебе так легче, то наполняй.

Мам, посмотри – живот. Его можно гладить.
Можно почесывать, а можно в него порыдать...
Ну что ж поделать, нам с этой войной не сладить,
Мы уж как можем... Давай уже ляжем поспать?

Так, мы ее теряем... Рыжий, греми посудой!
Серый, топчи подушку, черная – помогай!
Черно-белый, мурчи и бодайся, я тоже буду!
Мам, выключай все нахрен, я сказала, давай!

Мам, от твоих терзаний нигде никому не легче.
Глянь лучше в окно – там луна, серебряный мяч...
Кончится ночь, будет утро, и день, и вечер...
Мам, вот живот. Уткнись – и поплачь, поплачь...

30.03

Текущее предпасхальное

Господи, как мы Тебя, наверное, заколебали!
Каждый Твой день – напали-убили-отняли...
Как Ты нас терпишь еще, Господи ты мой Боже?
Как же Тебя от Твоих детей не корежит?

Господи, Господи, нам же не измениться!
Нам даже кровью Твоей никогда уже не отмыться...
Мы ежегодно празднуем Рождество и Пасху Господню,
А в промежутках, Господи... что мы творим сегодня!

Господи, Ты дал нам право самим выбирать себе долю –
Мучиться или радоваться, воля или неволя...
Кто-то воспользуется, кто-то – нет, не сумеет.
А кто-то решит, что в Твоих глазах он – равнее...

Господи, мы пребываем в якобы Твоем страхе –
Этому очень способствуют земные тюрьмы и плахи.
И казалось бы, Господи, – не согреси, и воздастся!
Однако ж грешим, как можем, и продолжаем бояться.

Господи, может, хватит? Явись уже и наваляй нам!
Нас расседи по углам – и открой Свой замысел тайный!
Тебя уже распинали, вечности Ты не лишишься...
Но иногда мне кажется, что Ты нас тоже боишься.

23.04

Светлана Севрикова

Родилась в селе Андреевка Бердянского района в Украине, с 1991 года живу в России. Обе страны для меня – родные, как отец и мать, обе – родины. Стихи пишу с детства.

В 2007 окончила Литинститут. Ни в каких союзах писателей не состою, но активно публикуюсь в интернете и с удовольствием общаюсь с читателями

Где февраль называют лютым,
Потому что он вправду лют,
В эти дни зацветает лютик.
(Я, наверное, однолюб)

Как иголку влечет магнитик,
Лютик – нервов щекочет сталь:
...Там апрель называют – квитнем!
Март – березнем, и травнем – май...

Лютый, березень, квитень, травень...
Год – две тыщи двадцать второй.
Что ж ты делаешь, сверхдержава,
С бедным лютиком и со мной?!

2017–2022

Адольф – пейзажист, рисующий мир акварелью.
Иосиф – поэт, рифмует весну и луну.
Терзает сосед с ревущей за стенкою дрелью.
Давайте его призовем соблюдать тишину.
Разбудит детей, уснувших в кроватках и люльках!
Уставших от наших нотаций, советов и каш.
Иосиф – легко срифмует сосульку и пульку.
Адольф без проблем на палитре смешает гуашь.
Вовсю вдохновясь (все выше, и выше, и выше),
Малюет Адольф свои сумасшедшие сны.
И Йося стихи такие хорошие пишет!
И только сосед раздражает и хочет войны.
Но вдруг на ветру полотна знамен встрепенутся.
Работай, сосед. Наши дети уже не проснутся.

01.03

Вот и мы под прицелом вечности.
Скоро бездна прошепчет: Пли!
Мы – свидетели? Нет! Ответчики.
Допустили. Не ответили.
Слепли. Глохли. Молчали в тряпочку.
Жали грязных ладоней липь.
Сын, целованный мамой в пяточку!
Страшно думать, во что ты влип!
В кирзачовых солдатских валенках,
Гимнастерочке полевой...
Милый, маленький мальчик маменькин!
Умоляю: вернись домой!
Здесь качели, турник, песочница,
Сладкий воздух и блажь весны.
А война никогда не кончится...
Впрочем, нет никакой войны!
Ни войны... Ни стыда... Ни совести...
(Дай мне силушки, Божья мать,
Ртом зашитым, осипшим голосом,
Брëх собачий переорать!)

02.03

В Зловещем шорохе газет
Опять – ни слова о войне.
А наши батальоны «Z»
Шагают по чужой земле,
И озаряют небеса
Дрожащим сполохом ракет,
Не глядя правнукам в глаза.

Спасибодедузапобед...

Опять ни слова про войну.
Не «Нет войне!», а «нетвойны».
Ждала Украина весну,
А вместо марта – входим Мы! –
Несем надежду и добро...
И где вы были восемь лет?!
Коты и дети спят в метро.

Спасибодедузапобед...

Текут ручьи, летят грачи,
Подходит время посевной!
Из автозаков – москвичи
Зовут соколиков домой.
Ушел – восторженный как слон,
Вернется горестен и сед.
Спасибодедузапобед...

СпасибодедуЗапобед...

03.03

Мне говорить с тобою не о чем.
Кругом ГУЛАГ, а Крым не наш.
Все остальное – это мелочи.
Мечты, иллюзии, мираж.

Не те дары у бога кланчили,
Молясь святым навеселе.
Лежат и смотрят в небо мальчики
Не на родной своей земле.

Вдали от очага и пристани,
Зайдя за самый света край,
Лежат и смотрят в небо пристально,
В котором им обещан рай.

Мы рассказать им не изволили,
Что бога нет и смысла нет
Бросаться из огня да в полымя,
И умирать в расцвете лет.

Что жизнь – свята, а смерть не лечится.
И кровь людская – не вода.
Лежат и смотрят в небо вечное,
Как вечная твоя беда,
Многострадальное Отечество,
Особый путь, жестокий бой...
Тела и судьбы покалечены...
А Крым не твой, не твой, не твой.

17.03

Равноденствие! Значит скоро
Станет зелено и бело.
Даже серый российский город
И украинское село
Запестрят суетой проталин,
Частоколом дорожных шпал.
Каин, Каин, где брат твой, Авель?
На которого ты напал?!

И потянутся вереницы
Утомленных войной колонн.
Колокольчики медуницы,
Молочай, лебеда, паслен...
Степь, дубрава, осинник, рамень...
Мальва, примула, зверобой...
Каин, Каин, где брат твой, Авель?! –
Отовсюду наперебой...

20.03

Щепка

Реветь тебе, заламывая руки,
За смертный грех сторицею платя,
Кормилица, обрекшая на муки
Неправдой опоенное дитя...

Гореть в аду, кровавыми слезами
Гасить огонь под чертовым котлом...
Когда внесет за пазухою камень
Твой блудный сын в его предавший дом.

Ни жив, ни мертв. Убивший и убитый.
Войдет и молча встанет над душой.
Все позади. Но вы еще не квиты.
И приговор суда не оглашен.

Моя любовь что крохотная щепка,
Но может быть, она тебя спасет,
Когда солдат, как ветреная девка,
Сюда войну в подоле принесет.

19.04

Наталия Сивохина

Живет в Санкт-Петербурге, закончила Литературный институт им. Горького в 2009 году, публиковалась в различных сборниках и альманахах. Автор книги «24 стихотворения» (издательство In Werden). Директор Санкт-Петербургского ПЕН-клуба

Вы можете думать, что заткнули нам рот.
Что означает голос, кто он такой – народ?
Хлюпики, необученные воевать
Не то что ваши убийцы. Ать, два, ать.
Они овладели искусством этим вполне.
В цель без промаха бьющие, по горло в войне.
Хлоп по детской коляске, смотри и учись, солдат.
Хлоп по каждому дому, умноженное стократ.
Даже если дерьмо назвать миндалем,
Легче ли в нем закусывать кровью, пеплом, углем?
Спецоперация смерти, глядите, бывший студент,
Менеджер, продавщица, мальчик с охапкой лент:
Знаете, в чем ужас этой войны?
Потом они всем расскажут – это делали мы.
Реально ли пешеходу остановить товарняк?
Милая Анна Каренина, путеводный ты знак.
На льду, на водосточной трубе, на стене:
Мы оставляем последнее: нет войне!

07.03

Алле Николаевой

Горе – она рыдает, – над нами горе,
Смерть наступает и на земле и в море.
Смерть от снаряда, смерть без кусочка хлеба,
Дом разорен, в дыму колесница Феба.

Ей отвечают – копья быстры как ветер.
Бабонька, только битвы планету вертят.
Ты бы, овца, домой возвращалась к мужу,
Шить и растить детишек, готовить ужин.

Только зачем я вижу, как пали стены,
Что тебе, о Парис, до чужой Елены?
Что мне, жене, до вашей проклятой брани?
Коршуны там, над пашнями, утром ранним.

Хлещет война с экрана, живые раны,
Видишь, войска тирана идут в туманы?
Это лепешка с примесью кориандра.
Это вино – напейся теперь, Кассандра.

Солнце снега растопит, в огонь бросая.
Каждое время родит своего героя.
Девочка сумасшедшая и босая,
Что же ты плачешь на улицах своей Трои?

09.03

Колдунья выходит в полночь к развилке лесных дорог.
На месте убитых полчищ затеплится костерок.
В густое прошепчет варево ее побелевший рот
Проклятие государево, молитву наоборот:
«Бездонна черная яма – оплавленные края:
От ненависти и срама да сгинет душа твоя.
Ни дома, ни на привале над пропастью голубой,
Чтоб спать они не давали – загубленные тобой».
Луна поплывет над веткой и снова уйдет во мглу.
Но ведьма отыщет щепку и бросит, воткнув иглу.
Прольет свое зелье наземь, посмотрит из-под руки:
Плывут по набухшей грязи болотные огоньки.

А царь, просыпаясь с криком, все ждет своих палачей,
Но колокол безъязыкий и город давно ничей.
И поле не плодородит, чернея от воронья.
И мертвые скулы сводит от ужаса бытия.

16.03

Щурясь, одернул китель, тихо так говорит:
«Здравствуйте». Тут указка падает как болид.
Два ближайших полкана кинутся поднимать.
«Какие новости с фронта? Правда? Твою-то мать».
Лазер скользит по карте, взрытым ее местам.
«Тут отступили в марте, после бомбили там,
Вот на столе последний список наших потерь.
Отставить. Вольно. Садитесь, ладно, чего теперь.
Разговорали обувь: бездари, господа».
Ох, на стене мерцают звездочки-города.
Вслушаешься – смолкает тоненький детский плач.
Молча кивнут, внимая: каждый из нас палач.
Главный морщится: «Ладно. Сам пойду доложу».
Слышно, ходит охрана по нижнему этажу.
А дождевые капли падают в водосток.
И генерал погладит простреленный свой висок.
Это как знак: штабные один за другим встают,
Деревья больше не вырастут, птицы не запоют.
«Забудьте, чему учились, но думайте о враге».
Дверь закрывает младший – с биркою на ноге.

27.03

Роскомнадзор запрещает слово, но не войну.
Юнец ложится на землю – бритой башкою в грязь.
Палит наугад сквозь мутную пелену
То ли слез, то ли пота. Что же она за мразь.

Мы проиграем – а значит, в списки вносится мир.
Серый квадрат «не найден». Айтишник слегка поддат.
Шарится по шкафам опустевших квартир
Голодное войско, теряющее солдат.

Мир вообще не заметил, когда же его внесли
В экстремистский реестр и вешает на мосту
Цитату из Брехта, буквы дрожат вдали,
Наряд приезжает: а сфотай простынку ту.

Аккуратно снимают – Вась, принимай вещдок.
Все, опоздали, смылся, давай поживее, ну.
Печально глядят на сонный свой городок.
Шепчут, садясь в машину «Только б не на войну».

01.04

Знайте, это была блокада.
– Ты откуда? Из Ленинграда,
Он порою казался сном.
А подстацию, метроном –
Как мы в мае цветы носили,
Помнишь? Нынче одно бессилье.
– Что за свастика? – спросит дед.
– Президентская буква зет.
У загаженного музея:
Собираются ротозеи –
– Вы куда?
– Да куда угодно,
Вы боитесь, а мы свободны.
Тень с лопатой и тень с ведром,
Мама с санками, дом с костром.
– Вы отныне нам не Отчизна.
И ушли по дороге жизни.

05.04

- Ну и что будет дальше?
- Да все, что хочешь. Служба, командировки, телеэфиры.
- В силу когда вступает?
- Хоть с этой ночи. Купишь в рассрочку новенькую квартиру. Да и невесте тачку получше надо. Ну, приступай к работе, иди к мечте.
- Спасибо вам.
- Не о чем. В общем, я буду рядом. Вот твоя карта с кодом. До часа Ч.

Я на посту, дорога на Мариуполь. Выходят трое с поднятыми руками. Доля секунды: кажется – прячут знамя. Знаете, ихнее. Очередь, лужи, трупы. В доме, где частный сектор, потом такое. Если бы сразу знал, то ушел в начале. Было нас много. Страшно они кричали. Звук до сих пор... И веет всегда тоскою.

Детки во сне приходят – дай хлеба, дядя. Нет, положи туда, где осталась мама. Я закрываю глаза и иду не глядя. Ветер все хлопает той перебитой рамой. Цацки послал домой, когда вышел случай. Кольца и серьги, пара комбинезонов. Перед глазами опять то Ирпень, то Буча. Как обещал, звонил – абонент вне зоны.

Ночью однажды вынет свои беруши. Вглядится во тьму: Некто расселся в кресле.

– Ты не сказал, как жить-то теперь, послушай, что же молчал про днище такое если...

Тот зловеще хохочет – мороз по коже. Смех его звенит из всех измерений.

– Ты продал душу, мудак.

– А осталось что же?

– Память. Она поболит какое-то время.

03.04

Любови Сумм

Толстой заходит степенно: здоровствуйте всем.
Сколько нас тут? Да в просторной какой квартире!
Подайте сухарик. Нет, мяса совсем не ем.
Вот мой плакат: «Самое грязное дело в мире».

Тут Маяковский берет бутылку с водой:
Стакан – страшное оружие, не то что слово!
Подлить вам немного? Кривится: как на убой,
Вышел вот, прочитал про поручика Петрова.

– Потихе там, – шлем заглядывает в салон.
Некрасов вздыхает – а табачку не будет?

– За что вас?

– «Внимая...»

– Однако, юмор. Смотрите, он –

И надпись мелкими. За это сегодня судят.

– Что именно?

– Как же. «Ты нам не государь»,

Но тут подбежали эти... Мордовороты.

Одному говорю – попробуй только ударь.

Да я всей душой, Алексан Сергеевич, что ты...

Некрасов хмыкает:

– Гоголя нет давно. Спорим, «Страшная месть» или веки Виевы?

Пушкин сглатывает и цедит, глядя в окно:

– Только узнал. Наш Гоголь убит под Киевом.

03.04

Взгляни, о ангел, на дом, неясно чем разоренный.

– Кем вы были в этой войне? – Пятой колонной.

– Что вы делали? Знамена не целовали,

Что-то складывали, не с теми маршировали.

Оставляли цветное: «Люся. Милый, не убивай»,

И быстро садились в автобус или в трамвай.

– Чего хотели? Да трудно сказать об этом

Не сдохнуть, не сесть, там как-нибудь дотянуть до лета,

Мы, видишь, не столько люди, сколько ночные тени,

Учим детей считать и знать имена растений,

За новостями лезем раз в день, но не чаще,

Что-то читали про ищущий да обрящет.

Где бы ты ни был, время играть на одной струне.

Счастья уже уехавшим, мужества тем, кто не.

11.04

Враг собирает армию, армию, армию.

Дети уходят в Нарнию, Нарнию, Нарнию.

Спрячешься в шкаф – там лаз с фонарем в лесу.

Тело оставишь здесь, но врачи его не спасут.

Замерзает время, больше не ведая лета,

Безутешно рыдают фавны, ломая флейты.

Оплакивая маленькие шаги.

Доверчивые улыбки в самом сердце пурги.

Вот шапочки смешные и плюшевые игрушки,

Потайные тетрадки и ручные зверюшки –

К самому небу тянущиеся следы.

Оно рухнуло, но все пошли по лучу звезды.

Над руинами – где ни хрущовки, ни сталинки.

И большие взяли на руки самых маленьких.

Только внизу темнела долина смерти.

Если Ты есть, то пожалуйста, выйди встретить их.

24.04

– Около дома с не тем горшком –
Бросишь машину, пойдешь пешком,
В лавку напротив зайди дичком:
Явка давно провалена.
Видишь, студенты идут во двор –
Следуй за ними и будь хитер,
Типа не слушаешь разговор,
Рыбки достанешь вяленой.

Девочка с ценниками в руке,
Мальчик с голубкой на рюкзаке,
С ними еще одна налегке,
С белой красивой розою.

– Если упустишь – пошлю на фронт,
Нет, я тебя не беру на понт,
Вот телеграмм и аккаунт вот,
Почта dubak_berozoviy.

Старый разведчик ушел в запой,
Вместо него теперь мент простой:

– Броник на фюрере как влитой –
Вот он дает, Куваев-то.
А на девятое – слышишь, брат,
Будет, сказали они, парад.
Шиш им на площади (тихий мат,
Дальше связь обрывается).

– Если столкнешься, скажи – сосед.

В белом окне зажигают свет,
Вышла в телегу радистка Кэт,
Пишет под ником «Ранночка».
Эшник не знает своей судьбы,
Родина встретит свои гробы,
Пьяные руки ее слабы.
«Ты не звони мне, мамочка».

19.04

И по слову царя искали они младенцев,
Целились кому в голову, кому в сердце.
Говорили друг дружке – кончим, а там суббота.
Что творите, ироды? Такая у нас работа.

Нам сказали – смотрите, чтобы мужского пола.
Поперлись в храм, затем обыскали школу.
Отрывали от мамки плачущего ребенка.
– Парень там или девка? Кто будет смотреть в пеленку?

– А поди ошиблись, и даром что всюду рыщем?
– Не дрейфь, вояка, к тридцати трем отыщем!
Наступает праздник, готовься-ка к пьянке, рота,
Вон вернулись с последнего вылета самолеты.

Выставляйте пузырь, ребята – тела из стали!
По рюмкам, чин по чину, яйца достали.
– Сколько лет мы с тобой кровавую глину месим?
– А не помню, брателло, так долго... Давай, воскресе!

23.04

Мимо хижин и зарослей молодого орешника
Они идут, и взрослый насвистывает чуть слышно:
Запомни, самое страшное – убить пересмешника.
Мы все вчера пропустили, но так и вышло.

А зачем – удивляются люди – ну для чего тебе,
Беречь их, смешных, на разные голоса поющих?
Понимаешь – скажет Глазастик – не важнее прочего,
Мир так велик, но попробуй-ка сам озвучь их.

Эти сказки, эти тайны, детям одним известные.
Кто их спросит у края, что танками перепахан?
Не ложь ли ползет в эфир во все каналы окрестные,
Где город лежит одной огромною плахой?

Потом все смолкнет, они выйдут из погребя темного
Ну, как будто бы выбрались после шторма на берег.
Пап – она щурится – ведь ты вокруг пальца обвел меня?
Птица выжила, но в это никто не верит.

29.04

Вот армия Чингисхана, но лошади ни в какую
Им в городе этом странно, встают на дыбы, бунтуют.
Солдаты Наполеона оборваны и небриты.
Месье, где мои патроны? И дробно стучат копыта.
Ладони взметнулись к небу, едины, что твой хорал.
А что за крючок нелепый на знамени, генерал?

Последние вроде живы, но еле ползут по следу.
Что празднуем, а, служивый? Какую-то там победу.
И каждый как будто в дреме, в какой-то больной истоме.
Но вспомнит ли кто о доме, шагая в такой колонне?
За нашу победу, братья – за это тепло сердец!
Распахивая объятия, фальшиво хрипит певец.

И выйдет из строя мертвых какой-то потертый китель:
Я каждой идущей роты учитель и победитель.
Орел, что парит над нами, храни и мосты, и порты!
Так пусть же взметнется пламя и ах... призовет Четвертый.
Зашикали за спиною – уймите-ка старика.
Как быстро подходят двое, пихая его в бока.

И солнце косит багрово, скрываясь за облаками,
И каждое злое слово подхвачено дураками.
И пламя за ними тлеет, и страх на лице как маска,
И всякое знамя реет над шапкой, пилоткой, каской.
Планируется закончить парад в середине дня.
Для зрителей там и прочих у Вечного, бля, огня.

Откуда-то тянет дымом, потом налетает ветер,
И канут в него как в тину все те, кого нет на свете.
Уныло звучат куранты. Вот техники длинный ряд.
Растерянные курсанты с контрактниками стоят.
У них на пути суровы, на внуков плюют живых –
Убийц из двадцать второго – солдаты сороковых.

26.04

Кто налегке собрался? Выбило в окнах стекла.

Что у вас там? Потери. А в рюкзаке? Беда.

Там в переноске звери, светит дорога блекло.

– Мама, куда мы едем?

– Маленький, в никуда.

Где у них документы? В доме уже сгоревшем.

Взяли они с собою кошек и пустоту,

Чем-то закутать парня. Обувь, лекарства, вещи –

Скарб они бросят сразу в кучу на том мосту.

Там впереди Тбилиси, Иматра или Таллин.

Номер от волонтера выведен на руке.

Нюхают кошки двери, мрак незнакомых спален,

Чучелко из соломы в маленьком кулаке.

Мальчик-то знает правду – как оно там с войною:

Съежится и растает. Ибо у гаража

Воинство травяное выстроилось стеною,

Пламя клинков зеленых крепко в руках держа.

01.05

Бабушки не хотят быть памятниками. Им нужно, чтобы не убивали, чтобы собачек не трогали. Не обижали деток, прячущихся в подвале. Живут они завтрашней переменою. Идут, заворачиваясь в знамя, захватчики аплодируют «Они с нами». Пластиковая кукла встанет под надпись «Победа», две девы в детсадовских бантах честны как рупор. Хлопцы придут, спасая бабу и деда, и в то село, и в истерзанный Мариуполь. Старики в тепле, а что с собачками-то тогда? С надписи падают буквы, оставив слово «Беда». Как в мультике, помните, в детстве его смотрели? Песиков вывезут в Харьков, дома сгорели. Это смешно и грустно: такое странное чувство. Молох не спит и лепит себе кумира, получится вроде статуи у сортира. Родина ухмыляется окровавленным ртом. Она не в себе, но это поймут потом.

05.05

Ой, на ветру холодном дрожит осина.
Папа держался стойко, оплакав сына.
Он написал, что знает и всем гордится,
В этот момент в окно постучала птица.
Миг – и пропала: «Стой же, куда летишь?
В лязге металла – море. «Ты где, малыш»?

Как безразличны контуры колоколен.
В церкви блажат: «Гордитесь, погиб как воин».
«Батюшка, нет, он был корабельным коком
В шапочке белой, взял да ушел до срока» .
О, напоивший ядом эту страну,
Вот для чего ты начал зимой войну?

И повелел бомбить города и села?
«Сына, пора, вставай, собирайся в школу».
Папе пришлет бумагу прокуратура.
Матери шикнут в ухо: «Потише, дура».
«Солнце. Стоишь, готовишь весь день еду.
Громкий хлопок, и вот мы горим в аду».

Кровь под водою, кровь заливает землю.
«Мамочка», – он кричит, но она не внимлет.
«Жизнь почернела, не верим, что будет лето».
Папа все понял и жжет у пухто портреты.

«Где же мой мальчик? В море ли он, на небе ли»?
Люди в погонах скажут, что его не было.

06.05

А ловил как мог: в заскорузлой его горсти
Оказались ветер, который не унести,
И зеленый ливень, и птичий затем хорал.
Сколько весен свои сокровища собирал?
Человек, которого мир тогда не поймал,
Спрыгнул с темной ладони, будучи стар и мал.
«Ничего от тебя», – ворчал он, – «Не надо мне».
Как причал покидая свет, уходя вовне.
Мир сказал ему: «Погоди же, я догоню,
Эту землю в цвету и хаты предам огню».
Изобрел он снаряды, бомбы, а все зазря:
После дыма за дальним лесом взошла заря.
И давнишний позор припомнив, скрипя с трудом,
Мир ощерился и прицелился в старый дом.
Что искал, ты болезный? Скрипку, часы, сундук,
Или книгу, в которой песни про все вокруг?
Люди спрячут, пока бушует в ночи война,
Эту память, что после будет на всех одна.
Кровля рухнула, только стены стоят пока.
Бродит ветер – да не находит он старика.

11.05

– Кто там?

(Нет, это почта. Вода. Соседка).

– Часто заходят гости?

– Да в общем редко.

Мой пес не любит чужих, заходясь от лая.

Могу сказать, что я его понимаю.

– Страшно?

– Вот дочь пугается привидения.

– Ясно. Имя. Фамилия. Отчество. Год рождения. Вы против войны?

– Да, против войны.

– Почему?

– Снились плохие сны. Терпеть не могу страданий, смертей.

Особенно жалко стариков и детей. С февраля не душа, а сплошная рана. Правда, господин майор, это странно? Все остальное стало почти смешно. Жизнь превратилась то ли в цирк, то ли в г*но. Что там бормочет ваша забавная рация? Дайте послушать. Точно, дискредитация.

17.05

Обнимемся? Голод не город – плач,
Раз правнук одним, то другим палач,
Но Авеля нет, только дом пустой
Надгробной стоит плитой.

О разве я сторож – скажи, скажи,
Стеляя, шагая сквозь рубежи,
Где прячешься? Что же ты, к черту, брат,
Незванным гостям не рад?

Не там ли осталось его «потом» –
Ногою, не найденной под бинтом,
Ребенком без пищи, смертельным сном?
Заткнись уже, метроном.

Раз хам не смолчит, пока мир стоит.
И стерпит могила нездешний стыд –
То плюнет герой в твой безумный рой:
Уволь, отвернись, зарой.

Не смей его именем сеять смерть
А выстрелил – не на что тут смотреть.
Где брат твой, где брат твой, где брат твой, где?
В колодезной спит воде.

24.05

Оля Скорлупкина

Поэт, редактор. Родилась и живет в Петербурге, по образованию филолог. Ведет сообщество «Орден Кромешных Поэтов», организует поэтический фестиваль имени Бориса Поплавского. Стихи публиковались на сайтах «Полутона», «45-я параллель», «Год литературы» и в «Независимой газете» (Exlibris), эссе и рецензии – в Ното Legens и Literramure

Господи это не я
марта второго дня
это кто-то другой
видевший видео с женщиной
с оторванной ниже колена левой ногой
броневтомобиль у детских качелей
снаряд, приземлившийся на балкон
неужели все происходит на самом деле
уже неделю
с кровью идет ледяное Твое молоко
заревое прямо за силуэтом храма
черный густой необъятный дым
задержанным по эту сторону
наносят увечья и не дают воды
я узнала, что есть город Щастя
в день, когда счастье
перестало существовать
оно покатилося словно оторванная голова
но не лишай любви
Господи
ОСТАНОВИ
02.03

Страшно
За поэта из Кировограда
За поэта из Киева
За поэтессу из Киева
За поэтессу из Харькова
За поэтку во Львове

Страшно за всех, кто в подвалах и на перронах
Страшно, что не дотянуться своей любовью
Страшно, что рухнула /моя оборона

Солнечный зайчик незрячего мира/
Страшно, что он оказался настолько незрячим
/С начальством будь скромным и смирным/
/И недруги все заплачут/

Страшно в знакомых глазах увидеть пару запертых окон
Заклеенных на бесконечный холодный сезон
Между рамами ватный полуистлевший кокон
/На то особый режим на то особый резон/

Страшно, что могут избить, оттащить за волосы
Страшно сказать и молча давишься голосом
Который за это не был отдан ни разу
Страшно, что парня отпиздили так, что контактная линза
Вошла в белок его глаза

Страшно, что могут дать десять-пятнадцать суток
А то и больше
Страшно, что можно так потерять рассудок
А то и больше

Автозамена настаивает «работу»
(Это еще с локдауна, по дефолту)

Страшно, что будет дефолт и идти собирать бутылки
Страшно, когда называют бендеро-фашистской подстилкой
За слова о надежде на прекращение бойни
Страшно, что будем разлучены с тобой мы

Страшно, что бабка видела из окна, что мы делаем
А в этом доме и в мирное время стучат консержу
Страшно: листаешь а дальше страницы белые
Осыпается мир по пикселю не удержишь

/Страх выходить за дверь
Страх выражать свой страх/

Страх достигает предельных значений
Известных нам измерительных шкал не хватает

И в этот самый миг
Смотри:

Он пропадает

09.03

слово, которое нельзя называть
вспарывает картину мира
полыхающим лезвием
ослепительным глитчем

его смертоносный луч
освещает значения старых знаков
находившиеся в тени

так вот что такое на самом деле
«можем повторить»

так вот что такое на самом деле
«у кого правда, тот и сильнее»

так вот что такое на самом деле
«пусть мертвые хоронят своих мертвецов»

я разбитый бинокль с маленькой светосилой
но я наострю всю свою пропускную способность

но я буду стараться собрать крошечной весной
как можно больше света

18.03

мама спускалась в подвал
мама пила из лужи
на костре во дворе приготовила суп
мама Мария

мама осталась без хлеба
и без лекарства
без электричества и воды
без обогрева

город Марии во тьме без света
и тьма объяла

под завалами
видела как белеет тело соседки
мама Мария

маме не дали выйти
маму самую убили

мама теперь под детской площадкой
в неоттаявшей темноте под корнями качелей
когда-то ярко и громко
возносивших в самое небо
ее чудесного сына

крест
мамы Марии
сделан из пары тоненьких реек

убийцы
мамы Марии
сказали, будто ее убили
родные дети
30.03

Цикл «Ненужные книги»

1994, 1941, 2022

в год, когда я научилась читать
штурмовали Грозный

в год, когда училась чтению бабушка
началась Блокада

сейчас, когда снова
разгорелись пять звездочек (*****)
читать обучается мой племянник
крестник

он здорово помогал, когда бабушка умирала
двухлетний, показывал, как открыть
дверцу стиральной машины
и где у них порошок
тогда еще молча
(да и слова были не нужны)

сейчас
покупаю ему в подарок
спелые сладкие книжки
чтобы читать по слогам про забавных животных

в самом начале дети
не читают газет
не читают статей в интернете
не читают бегущих строк
пропагандистские материалы
и прочее взрослое мертвое

оно здесь не властно
оно сомкнет свои кольца гораздо позже
читают: «получилась каша
то-то горе наше»
смеются

убегай, строка
далеко-далеко
со всеми своими
острыми цифрами и пулевыми
отверстиями нулей, из которых сочится
наше горе и горе чужое

никогда, ты слышишь
не возвращайся

30.03

Тамила

могла сделать больше.

Ни одного кота

Я сегодня одна гуляла там,
Где мы с тобой обычно
Ходили.

Били церковные колокола.
Странно, я их будто услышала
Впервые.

Девушка сказала: «Будет сложно
Вывезти в Ереван собаку, нужны
Прививки».

Тут такая весна,
С холодным ветром и жарким
Солнцем.

В сумке я несла
Твою «Белую гвардию»
На память.

А в нашем любимом котокафе
Сидели грустные люди

И я не увидела ни одного кота.

19.03, входит в цикл «Птицы»

Маки

Иди по рыхлому полю невыросших маков
Черному от пролитой крови.

Смотри на чужие страдания сонно,
Гадай по снимкам из космоса

Это фейк,
А может, твой рухнувший мир
Лежит трупом истерзанной женщины.
Ты знаешь ответ – и готовишься
В душе получить подтверждение.

Поспорь
О крахе культуры отмененной безвинно,
Вбей гвоздь в ладони последний.
Не принимай чужих извинений
И не говори соболезную

Укрой
чужую беду знакомым сюжетом,
Старые срачи припомни все.
Кто продал в забытом богом году
Почти наступившую ПРБ.

Скажи
Кто виноват, забыв про Что делать,
Ругаться приятней, чем действовать.
Мы будем делить не ответственность,
Но вину за чужое вторжение.

Реши
Главный вопрос – и отправляйся поспать
Взрастит общий сон разума новых чудовищ.
Баюкают взгляды с экрана нас
И старые страшные сказки.

Пока
Мы спим – и видим ужасные сны.
Буча ужасным живет.
Мы спим – наркотическим маковым сном.
Усопшие проросли маками.

Юля Фридман

*Я думала, что живу в Москве, но 18 апреля мы с двумя
сыновьями улетели в Израиль и приехали в Реховот. У меня
есть друзья и знакомые, которые раньше были русскими
поэтами, а теперь стали украинскими или марсианскими.
Некоторые из них стали, кроме того, украинскими солдатами.
Я хочу, чтобы они вернулись живыми*

Февраль, но зима, бя,
Обещает быть длинной.
Я русский корабль, а
Ты остров Змеиный.

Я мощью пьяный,
Я в эйфории,
Топот тимпанов,
Лепет валькирий.

Сила на моей стороне, бя,
Твоим женам плакать,
Почему же ты идешь в небо,
А я иду на хуй?

Мы победили,
Он уничтожен.
Где справедливость,
Господи Боже?

И позывные
Этой обиды
Стонут, больные,
Горькие видом:

Мы вам не фраера,
С нами шутить не нужно,
У нашего фюрера
Есть супероружие,

Ангельскую братву
Может свести на нет
Яростный гиперзвук
Его крылатых ракет!

Надобно нам гарантий
На бесконечный срок,
Дай же твой знак нам!
– Русский корабль?–
Говорит Бог. –
Иди на хуй.

25.02

Новая эпоха для нас с тобой,
Учителя истории уходят в запой,
Женщины ищут в списках мертвые имена,
Слово «нет» и слово «война»
Запрещены к употреблению
По законам военного положения.

Но учитель риторики, с утра зашедший за водкой,
Уверяет нас, что эпоха будет короткой,
Смотрит в даль, рассуждая о том,
Завершится она табакеркой или шарфом,
Или ядерный гриб направит удар заката –
И с тоской упирается взглядом в стекло стакана.

Сна ни в одном глазу, светло здесь или темно,
На той стороне зрачка гуляют огни пожара,
Хотя взрывов в Москве давно уже не бывало,
Разве только закат опять стучится в окно,
Знаешь, как хозяйка сегодня ждала гостей,
Семья из Харькова, мама, папа и малыши,
Накрывала на стол, ей звонят, говорят: не спеши,
Их накрыло огнем – и так странно стоять в пустоте.

02.03

Когда мы прошли гей-парадом по Красной Площади,
ОМОН, отдавая нам честь, трижды щелкнул забралом,
Чиновники жались друг к другу на запах, на ощупь,
Никто не хотел признаваться, что был натуралом.

Ах, денатурализация шла по плану!
Мы не знали жалости, обнажая коленки
Толстомордых, пузатых, от сладкого ужаса пьяных,
Обрывал перепонки отчаянный крик Матвиенко.

А потом оказалось, нас сбила с пути пропаганда,
Мы напрасно стреляли и жгли, мы невинных карали,
По трехцветным знаменам напрасно прошли гей-парадом:
Это ложь, что в Кремле власть прибрали к рукам натуралы.

09.03

Качество у звука безобразное,
Прыгают колонки на столе:
«Граждане, Отечество в опасности,
Наши танки на чужой земле!»

Наши танки, наша артиллерия,
Наш солдат сквозь визоры глядит,
Городские вены и артерии
Наша авиация бомбит.

Не приходит сон, а если все-таки
На изнанке смерти забытье,
Наши мертвые, из нашей крови сотканы,
Шепчут нам проклятие свое,

И, с полей кровавых не пришедшие
Восемьдесят лет тому назад,
Белыми тактическими шершнями
К нашим танкам с криками летят.

14.03

Рабинович каждое утро покупает газету,
Типографская краска опять содержит свинец
(Пуля стоит тысячи слов) – на первой странице нету,
На второй надои коров, опорос свиной,
Вздригнешь, протрешь глаза: в закатных ростках костра
Родина-мать стоит на берегу Днепра.

Каждый день мы отступаем назад во времени
Туда, где в окопах растет буряк с трещиной от лопаты,
Нас ускоряет назад обратное трение,
Календари шелестят густой листвой виновато,
Но одна дата, февраль, четыре часа
Не отстаёт, а вместе с нами ползёт назад.

Помогите нам демонтировать эту машину времени!
Что в ней заело, за что она зацепилась,
Машинист, проводник, Анна Аркадьевна Каренина,
Остановите поезд, сделайте милость,
Эти живые, в крови и сразу мертвые лица –
Отмотайте назад, дайте им снова родиться!

У Рабиновича чешется нос, но нет свободной руки,
Двое полицейских его держат под локотки,
Дома ждут дети, неумолима полиция –
Но и сама косит глаз на передовицу:
Серым по серому, между свинцовых строк,
Может, проявится в рамочке некролог.

12.03

Когда мы освободили Украину от нацистов,
Финляндию от собакоголовых, Польшу от марсиан,
Земля зацвела кокаиновым цветом душистым
И каждый танкист был магическим воздухом пьян.

В Литве окопались улитки с планетной системы
Холодной и красной звезды ипсилон Андромеды:
Скрывались на листьях салата и прочих растений,
Пришлось разбомбить все в лепешку, ведь выхода нету,

Эстонию тоже снесли с политической карты,
Поскольку в ней подняли головы ихтиозавры,
Адепты кровавого культа богини Астарты,
Приплывшие к нам по орбите от альфа Центавры.

И в Латвии мы не оставили признаков жизни,
А что было делать, ведь Запад нам выкрутил руки:
Он там расплодил вредоносно микроорганизмы,
Согласно сигналам экспертов от криптонауки.

И вот все народы свободны, нам пишут из рая,
И звери, и птицы, и разные меньшие твари,
Москва простирается в мире от края до края,
От смерча до смерча песчаного в Новой Сахаре.

23.03

Люди, как сиды, ушли под землю,
Пишут нам из подвалов, что им не страшно,
Им не страшно, а мы дрожим и не знаем,
Вдруг их найдут сегодня наши ракеты,
Как болят их суставы, как холодно в том подвале,
Кончится вода, как найти ее и вернуться,
Как застать тех, кого оставил внизу, живыми,
Как им страшно – так, что уже не страшно.

Но так странно слышать, что здесь говорят снаружи –
А представь, как о людях судачили злые духи?
Молодые кикиморы в чавкающем болоте
Находили людей недобрыми и злопамятными,
Неблагодарными (осушающими болота).
Чертенята вспоминали, как их обманул Балда:
Вор и бродяга, ни совести, ни стыда.

Реальность на нашей стороне истончается,
Радиоволны делают свое дело,
Трудно понять, днями или ночами,
Серо или черно то, что бывало белым.

Время становится вязким, как родное болото,
С манными кочками, берегами кисельными.
Если отнимешь память, дай нам, пускай голодным,
Детям не делать зла и не питаться людьми.

27.03

– Мушкетеры, мама! Четверо мушкетеров,
Не задевая выщерблин, выезжают на площадь!
У Портоса рукав блестящий, а плащ потертый,
У д'Артаньяна желтая лошадь,

Бледен, как смерть, Атос – наверное, ранен,
Думаю, что рука его холодна,
Арамис, ясный как месяц, плывет дворами...
– Маленький, отойди от окна.

– Если я отойду, мама, то не увижу,
Как на лезвие белой птицей садится луч,
Как на мостовой вздрагивает булыжник,
Как взлетает шпага, похожая на иглу!

– Мальчик, здесь не Париж, отходи, пока цел,
Разобьется стекло, когда начнется обстрел,
Спрячемся в ванной, нет, лучше пойдем в подвал,
Ты еще мал и ни разу не умирал.

Мальчик, жалея маму, дает ей руку,
Задевает в низких проемах притолоку головой
(Мама очень спешит), удар его сносит в угол,
Голос сирены тусклый и неживой.

Стекло разбито, но осколки не долетели,
Щебень и стеклянная крошка в постели,
Звуковая аппаратура разбита в хлам,
Мушкетеры смотрят и видят: кругом бедлам.

– Мор, – говорит всадник, белый, как полотно, –
Как там мальчишка? – Подбрось в амбар хлеба, Глад, –
Улыбается Мор. – Не командуй, чай, не парад, –
Говорит Война, заглядывая в окно.

29.03

– А потом позвонили газели...

Накануне апрельской капли

Телефоны шалют, выдают голоса за гудки,

Неизвестно откуда внезапные ловят звонки.

Абонент говорит, он не знает, он жив или умер,

Только стало теплее, и снега уже не натопишь,

Он ослеп и оглох, и качает под полом, как в трюме,

Солнце сбилось с пути, в этот вечер огонь на востоке,

«А убитых мы, – говорит, – хоронили в центральном парке,

Ведь теперь от снарядов и рытвины есть, и овраги

Там на месте аллей – и просторно, и мертвым не жарко,

Узнавали своих, составляли реестр на бумаге,

А меня не узнают, и сам я себя не узнаю,

Было имя – прошло, а любимую звали Верушей,

Сорок лет спали рядом, но странное сделалось с нами:

Я зарыл ее в землю, а сам оставался снаружи,

А меня не задело, хотя я стоял в двух шагах,

Дунул ветер с востока, и Вера упала со стула,

Захотела позвать меня, только дрожала щека,

Имя булькало в горле и в легочной мгле потонуло».

Телефон весь дрожит, словно он простудился, продрог –

Я волнуясь, позвольте, ведь где-нибудь есть документ,

Под обломками мебели имя найдет абонент –

Снова ветер с востока, и в трубке короткий гудок.

30.03

В подземных озерах под Красной Площадью
Подводные лодки выравнивают носы,
Мимо радаров проходят ощупью
Вдоль разделительной полосы.

Это Парад Перманентной Победы!
Мы всем вломили, и гнутся шведы,
Меря и чудь, ляхи и друг степей,
Пушкин-арап, скопец, звездочет, еврей, –
Военнопленные, очи потупя долу,
Строем проходят. С трибуны их жгут глаголом.

Движутся танки, прицепом везут самолеты,
Светят с крыла звезды воздушных побед,
Следом идут колонны нашей пехоты,
Как леопарды на водопой, след в след,

Настает черед химического оружия,
Какого еще не видывала Москва,
Вихрем заверчены, облачны и завьюжены,
Маршируют отравляющие вещества,
Боевые непобедимые элементали
В форме колонны смерчей проходят далее.

Ядерные боеголовки! Могли ли мечтать об этом
Посетители, прошедшие по билетам?
Едут с ракетами нового поколения,
Распространяя бодрящее излучение.

Этот Парад – увидеть и умереть!
Темнеет в глазах и кружится голова,
В праздничных фейерверках лежит Москва,
Спасская Башня уже начала гореть.
Следом, едва начавшись, проходит май,
Завершает шествие ядерная зима.

03.04

Апрель зимний месяц, и все-таки снег растает,
Короче, еще немного, и будет все заебись,
Земля расцветет, улыбками и цветами
Родина встретит насильников и убийц,

Мстительных или просто трусливых,
Просто безбашенных, черт им и тот не брат,
Будет цвести ослепительно белым слива,
Как та невеста, которой – молчу, комбат,

Наших товарищей мы не помним по именам,
Знаем одно – им под землей не хуже,
Ад – тоже родина, будет и там весна,
Будет кого нагнуть, отодрать к тому же,

Я скажу тебе правду, а ты на ус намотай:
Что иностранцу ад, для нашего брата рай,
Если мы ловим пулю и падаем, холодея,
Нам не нужна другая теодицея.

Но иногда, давя сапогом валежник,
Чувствуешь, что земля становится слишком нежной,
Крестишься, вспоминаешь Святогора-богатыря,
Будто вот-вот, и не сможет подошву держать земля,

Как чужая женщина рвется под целым взводом,
Как проседает крыша под артобстрел,
Словно небесный ангел хочет прикрыть кого-то,
По серебристым перьям скользит прицел.

08.04

Алла Черкасская

Из Москвы

(Механизм)

А может быть, это фейки?
А может быть, это байки?
Не может быть в этом веке
И в этом месте атаки!

А может, не так серьезно?
А может, не так масштабно?
А может быть, эти слезы –
Не слезы – вода хотя бы?

А может быть, заслужили?
А может быть, поделом им?
А может, неверно жили?
А может, мы им напомним?

Да, точно, – все так, как надо!
Да, точно, – все в нашей власти!
И снова мир стал понятным!
О боже, какое счастье.

11.03

А я вот даже не знаю, будет ли лето.
Нет, в смысле сезона, наступит, ну а вообще?
Не факт, что у бога готова на него смета –
Уж слишком много более важных вещей.

А может, после весны мы к зиме обратно
Направимся по накатанной бодрой рысцой,
И елки в фальшивых игрушках протянут к нам лапы
И ласково примут в колючих объятий кольцо.

03.04

А. уехал на войну,
Б. – в свободную страну,
В. от горя заболела,
Г. в участке посидела
(А могли упечь в тюрьму),
Д. купила новый чайник,
Е. надолго замолчала,
Ж. гуляет каждый день,
З. сражается в Фейсбуке,
И. заламывает руки,
Й. заламывают руки,
К. пошевелиться лень,
Л. запасся провиантом,
М. бесстрашьем и талантом,
И глаголом жжет сердца,
Н. решила отрицать
Объективную (?) реальность,
О. с прицелом на виральность
Постит новости опять,
П., напротив, – только кошек,
Р. запутался немножко,
С. запуталась совсем,
Т. расклеила листовки,
У. твердит про забастовки,
Ф. – про биржевые сводки,
Х. взрывоопасных тем
Избегает, Ц. рыдает,
Ч. несчастным помогает,
Ш. былое вспоминает,
Щ. старается хоть как
Сохранить назло помехам
Свой рассудок (без успеха),
Э. – финансы (без успеха),
Ю. – все дружбы (без успеха),
Я(.) – хоть что-то (без успеха).
Всех их накрывает мрак.

04.03

Пойдем погуляем, мой друг, на бульвар –
Ведь все-таки солнце, ведь все-таки март.
Давай хоть чуть-чуть тусоваться.
Но, так как покоя уже не сыскать
И с нами под ручку пройдет тоска,
То будем мы с ней тосковаться.
Большую тосковку уже не собрать,
Поскольку повадились все уезжать,
Но можно и тройкой – нестрашно.
А после в кафе, но там тоже внезапно
в кофе слеза и в какао слеза,
И плохо, что даже не наша.

20.03

Есть разные мысли, но ясно одно:
Наш поезд приходит на станцию «Дно».
Для тех, кто почетче, порезче, кто ищет
Восторгов перверсных, есть станция «Днище».
Там будет и удаль, и ярость, и пыл,
Там радость войны, а тут тихо и тыл.
Тут мирно ссыхаются шпалы, а рельсы
Спокойно ржавеют. Тут будет покой.
Тут будет уместно спеть песню про крейсер
И час, когда утро встает над рекой.
Тут вечная пристань и вечный прикол.
Чего не смеешься? Хотя бы посмейся.

17.04

Ростислав Ярцев

Родился в 1997 году в Троицке Челябинской области. Выпускник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2021 год). Преподаватель литературы, поэт. Стихи и публицистика появлялись в журналах «Крещатик», «Кварта» и в других изданиях. В 2021 году в издательстве «ЛитГОСТ» вышла дебютная книга стихов «Нерасторонный праздник»

вагнера вагнера хор александрова вой
автора автора вынесут вместе с тобой
будет бурлящая длящая память квашня
рыла непаханой паствы пахана фашня
дрыхнуть победная красным концертом пьяна
первая в смерти последняя в мире страна
встанет из гроба и заново песню споет
что ничего никого никогда не спасет
09.03

глубже копни – сроешь гэбни лет на семьсот
в нашей семье спят снегири но голосит урод
что ни урод – самый родной
каждый порос травой
и говорит как инвалид не через рот
а через все
это вот все
тоже народ
сдохни со мной
сделайся мной
бункерный крот
этой весной станешь несвой
смерть тебя проклянет
25.03

спи ревека ты одна
светит полная луна
перепачкавшая пол
оборвавшая подол

спи ревека не реви
у тебя душа в крови
у тебя из раны свет
ты жива а смерти нет

собери себя еще
голова нога плечо
было тело стало прах
спи ревека это так

это черная весна
и кровава и мясна
и гнива и пьяна
спи ревека ночь темна

19.04

провоняла падалью и гарью
по миру измаялась агарью
понесла оплеванная всеми
музыки непаханое семя
родила за кованою дверью
под бомбежками в подвале
музыки не схваченная тема
вышивает воздух мандельштама
лязгает по ветру шостакович
пляшет у помойки адамович
да сидит у примуса надежда
где моя пуховая одежда
где твоя неласковая помощь

20.04

Голоса со всего мира

Ананастя

*Живу то ли в Риге, то ли в Питере, сама не понимаю, где,
зато обнаружила, что вся моя жизнь вмещается в три чемодана
и несколько профилей в социальных сетях. Правильнее будет
сказать, что я живу в социальных сетях и в мире буковок*

кто умом кто за границу
едем-едем всей страной
аты-баты застрелиться
аты-баты кто со мной

аты-баты в глазик вилка
или раз и в жопе соль
аты-баты вам посылка
ропись тут груз два ноль ноль

аты-баты снег из ваты
шито-крыто ноги сбиты
эй ребята мы защита
что несешь да не трещи ты

едет контур едет крыша
тройка-русь березки ломит
наостряем штык да лыжи
и в красавицу суоми

много впереди красавиц
не пропустим ни одной
кто не с нами те зассали
срой а лучше яму рой

аты-баты ямка крестик
аты-баты без креста
в белом венчике невеста
дуло к сердцу штык у рта
05.04

Будет весна. Живая и ярая.
Мох, сосна, живица и ягоды.
Будем мы. Цветастые, яркие,
Полупарусы, полуякори,
Полухиппи и полупанки,
Недопесни, стихи-подранки,
Полузрелые, полу кислые.
Стисни пальцы мне, крепче стисни.
Обійми мене, обійми мене,
Эти камни не станут минами.
Обійми мене, обійми.
Просто, черт возьми, позвони.

29.03

Пасхальные яйца похожи на пули,
Кулич на гильзу.
Нищих духом не держим, пусть их
Бегут в Египет.

Им не понять, как прекрасен огонь.
Им – опасно.
В стоптанных берцах, в алой фелони
Красная пасха

Двигается в мир на рыжем коне
Из рыжего леса,
В благоговейной застыл тишине
Храм из железа.

Войско в храме бога войны.
Ряды – плотные.
Аще бог с нами, кто же на ны?
Сын плотника?

19.04

Ольга Беньяминов

Я родом из Воронежа, по образованию математик-программист. С 2000 года живу в Иерусалиме. Работаю в мемориале Яд-ва-Шем, архив, отдел конверсий. Учусь рисовать, занимаюсь воздушной акробатикой. Никогда нигде не публиковалась

У меня лежит на ладони мирный украинский кораблик.
У него борта – словно солнце, парус – что небесные дали.
Это – талисман и надежда, это мой бумажный журавлик,
Да, совсем как тот, в Хиросиме, о котором в детстве читали.

Мирный украинский кораблик, хрупкий, невесомый, стеклянный.
Точно бриллианты-алмазы, бусинки на солнце сверкают.
Ты еще стоишь у причала, ты пока что цел, как ни странно.
Но вот-вот отправишься в пекло, потому что доля такая.

Тут сирены хрипнут от воя. Сколько длиться аду, ну сколько?
Каждый день – как век. Нет, как вечность. Сколько – до апреля, до мая?
Миг еще – и ты разлетишься грудой желто-синих осколков...
Мирный украинский кораблик гордо паруса поднимает.

Ты плыви в открытое море, ты лети в открытое небо.
Черт возьми, открытое небо... Ты его закроешь собою.
Средь руин и черного дыма кружат хлопья черного снега.
Дети умирают в подвалах. Папа не вернулся из боя.

Призраки летают толпою. Кто-то здесь погиб безымянным.
Улицы ли, парки ли, клумбы – все приют для братской могилы.
Как непросто быть оберегом, как непросто быть талисманом.
Крошечный стеклянный кораблик, этот груз тебе не под силу.

Только ты киваешь – да ладно! Как-нибудь смогу, вот поспорим!
Ты ж меня сплела желто-синим, я остановлю, хоть полметра...
Мирный украинский кораблик, ты лети-плыви небом-морем,
И везде – семь футов под килем, и всегда – попутного ветра!

27.03

И весна – не весна, и апрель – не апрель, а так...
Потеpleет немного, и снова – снега да вьюги.
Ветер воет, как стая голодных ничьих собак,
И по дому гуляет холодный сырой сквозняк,
И тревожные слухи блуждают по всей округе.

У Раисы Матвеевны жизнь-то совсем не мед.
Батарея не греет, лишь теплится еле-еле.
И рассада никак не взойдет, и не тает лед,
И ночами то снятся кошмары, то сон нейдет.
Говорят, это кара Господня – зима в апреле.

У соседки Раисиной жизнь тяжелей вдвойне.
Сын сидит на игле, а родная его сестрица
Бродит ночью по улицам, и на любой стене
Пишет красною краскою лозунги «Нет войне!»
Все одна и одна. А самой-то уже под тридцать.

Говорит: «К нам теперь никогда не придет весна.
Мы здесь прокляты все, и сугробам лежать до лета.
Ты пойми, тетя Рая, там правда идет война!
В этом наша вина, и моя, и твоя вина...»
Ишь чего начиталась, дуреха, в своих тырнетах.

Говорит: «Тетя Рая, поверь, их бомбят всерьез».
Но Раиса Матвеевна только махнет рукою –
Да какие бомбежки? То фейки, и весь вопрос.
Двадцать первый уж век на дворе, ну ей-богу, брось.
Успокойся сама и соседей оставь в покое.

Все Америка, запад. Врагов-то у нас – не счесть.
И еще понаехали с разного Чуркестана...
Но Раиса Матвеевна верит, что в мире есть
Справедливость, достоинство, правда, добро и честь...
Ну конечно же, есть. В телевизоре врать не станут.

Та соседская дочка, поди ж ты, с гнильцой внутри.
Ни приветов, ни здравств, и ходит чернее тучи.
Фотографии тычет под нос и кричит: «Смотри!
Ты представь, если б это творилось у нас, в Твери?!»
А в последние дни все твердит о какой-то Буче.

Но Раиса Матвеевна скажет себе: «Не верь!
Видно, девка пьяна, иль попутал ее нечистый».
И она поскорей за собою захлопнет дверь,
Только крикнет вдогонку: «При чем здесь наш город Тверь?
Тут все наши, свои, а у них там кругом фашисты».

Про фашистов понятно любому, их бей-круши.
А с соседскою дочкой как быть? Ох, не жди ответа...
Но Раиса Матвеевна скажет себе: «Пиши!
Это все для спасенья ее и твоей души!
Вот, глядишь, и растают снега, и наступит лето».

В полумраке призывно мерцает родной экран.
Да, бывало и хуже, но как-то живем, не ропщем.
В этих ихних тырнетах все только брехня да срам,
Там раздолье им всем – проходимцам, лгунам, ворам...
Телевизор-то все же надежней. Понятней. Проще.

Прежде письма писали чернилами, от руки.
А теперь по-другому... Ох, как это все мудрено.
На экране устало топорщатся три строки.
Дураки мы, как видно... А может быть, старики.
Эх, позвать бы соседскую дочь, как во время оно.

Вот она засыпает, и видит кошмарный сон –
Рядом слышатся взрывы, и жутко сирены воют,
Тянет гарью, и горем, и смертью со всех сторон,
И за дверью соседскою слышится слабый стон –
Там, должно быть, остались трое. А может, двое.

И она, задыхаясь от дыма, сбегает вниз.
Стены рушатся, крыша трещит, и дрожат ступени.
И летит, кувыркаясь, горящий чужой карниз.
Но Раиса Матвеевна скажет себе: «Проснись!»
И она просыпается... Но не в Твери. В Ирпене.

22.04

Григорий Беркович

Родился в Харькове, с 1999 года живу в Дюссельдорфе.

Медбрат в доме для престарелых

Они говорят: «Нормально! Но лучше бы было – лучше!»

А я отвечаю: «Буча». И вновь повторяю: «Буча».

Они говорят: «Да брось ты! Мы просто совсем другие!»

А я отвечаю «Киев». И вновь повторяю: «Киев».

Они говорят: «Прохладно... Пока что. Но будет жарко!»

А я отвечаю: «Харьков». И вновь повторяю: «Харьков».

Они говорят: «Печально... Был раньше такой разумный!»

В ответ им: «Ирпень с Изюмом». И снова: «Ирпень с Изюмом...»

Они говорят: «Ты грубый! Сошедший с ума и грубый!»

А я им про Мариуполь. И снова про Мариуполь.

Они мне: «Оставь! Довольно! Нам это неинтересно!»

А я говорю: «Одесса». Молчу и опять: «Одесса».

Они говорят: «Он сбрендил! Он пьян и лыка не вяжет!»

А я вздыхаю: «Ну, что же... Война», – вздыхаю. – «Война же...»

04.04

Псевдо

Пасхальное. Трехмесячной Кире

Не до бога, не до войны нам:

куличи печем, яйца красим.

Пропитаемся духом винным...

и восстанем из грязи в князи.

Разговеемся, не постившись,

разопьемся до пьяной рвоты...

и, воспряв до небес и выше,

мы запишемся в патриоты.

Нам не в сердце чужие беды,

под глазами у нас не сыро...

Бог воскрес – он умеет это.

Бог воскрес... Но воскрес без Кире.

24.04

Лена Берсон

*Родилась в Омске. Окончила факультет журналистики МГУ,
в 1991–1996 годах была соредактором газеты «Шарманичик»
при Театре музыки и поэзии Елены Камбуровой.*

*Стихи публиковались в журналах «Арион», «Иерусалимский
журнал», «Этажи», «Новый мир» и в других изданиях.*

*С 1999 года живет в Израиле,
работает новостным редактором*

Перекрести или перечеркни нас,
Вычеркни как номерок на обоях.
Мы никогда не вернемся в Чернигов,
Чтоб никому не напомнить о боли.

К теткам по маминой, кажется, линии:
Смуглой Марусе и светленькой Лилии,
Дом их в тенях кружевных и салфетках,
Где по утрам петухи нас бесили.
Нет ни Маруси, ни Лили сто лет как,
Знать бы тогда, что такое бессилье.
Чтобы они навсегда позабыли:
Кто мы такие, откуда, кем были.

Чтобы забыли нас, кто мы такие,
Речь нашу, вспухшую в горле как дрожжи.
Мы не вернемся ни в Харьков, ни в Киев,
Ни в Запорожье.

О расточительный как Дроссельмайер
Киев с подарками в каждом кармане,
С тесным прощанием, как перед смертью,
Будто листвою, осыпаемый медью.
Жизнь уязвима под курточкой куцей.
Что я могу для нее?
Не вернуться.

28.02

Бабушка из Мелитополя,
Бабушка из Мариуполя.
Хорошо, что обе вовремя,
Хорошо, что обе умерли.

В сорок первом, ранней осенью,
По реке клейменных, меченых,
Как одна бежала, господи,
С тяжким пузом восьмимесячным,

Как другая – вместе с девочкой
По земле еще не выжженной
Перла тачку самодельную
Со свекровью обездвиженной.

Ничего-то им не сделается.
Пусть гуляют под оливами.
Спасшие себя и деточек,
Уцелевшие, счастливые.

Пусть сквозь изгородь небесную
Нас не ищут (внуки? дети ли?).
Мы ни бе ни ме не беженцы,
Понятые и свидетели.

16.03

В темнейшие, темнеменьшие времена,
Все то, что ты можешь думать: война, война.
Все то, что ты можешь делать... да ни хрена.

На случай обстрела – полезней мешок с песком,
Чем тело мое с коснеющим языком,
Который уже не мелет ни на каком.

Родимая речь, все та же (не та, не та),
Роднит нас не больше пены у края рта,
Наличия пальцев, наличия живота.

Привычная, присосавшаяся как клещ,
Ты лучше бы стала невнятная немтыречь,
Чем биться в ушах: стреляй, убивай, калечь.

Шуршала бы ты не громче золы в костре,
Дождя по оконной бреши, дверной дыре,
Травы на сожженном во имя твое дворе.

02.04

Живое не станет взрывать живое.
Безжалостно заживо жечь живое.
Когда мы увидимся? Бог с тобою,
Мы больше уже никогда теперь.

Ты спросишь: «Ну как там?», услышу – Харьков.
«Что с тем ли, что с той ли?», скажу – Гостомель.
Ты скажешь, что время идет на убыль,
Что столько не видеться – это глупо,
А я – «Мариуполь» тебе отвечу.
А я – Мариуполь.

Живое не будет пытаться живое.
Терзать, заставляя умирать живое.
«Приедешь, я праздничный стол накрою,
Всей правды не знаем ни я, ни ты».

Но правда, пока ты ее не знаешь,
Глаза выворачивает – мол, на, ешь,
И, стиснув ладонью песок и землю,
Кровавый куличик толкает в зенки:
Живых, что ли, ищешь? Живых-то здесь нет.
Никто не воскреснет.

Как хлебные крошки, что тряпкой смел ты,
Живых разметало по воле мертвых.
Мы живы не Пасхой – ее кануном,
Не светом, а тем, что почти ослепли.
И первая травка, и снег последний
Уже ни к чему нам.

13.04

Ольга Божкова

*Редактор портала новостей Израиля, живет в Хайфе.
Долгое время публиковалась в сети под псевдонимом
«Дом Астрели». Издала два своих сборника*

Про Веру Петровну

Вере Петровне за пятьдесят
сотрудница Почты России
Вера Петровна не из удачливых
или красивых
сортирует посылки, тягает тюки отправлений –
грузчики запили
ноют больные колени
дочь – мать-одиночка, внуки, ноль алиментов
закупаются на оптовке с просроченным ассортиментом
варят кашу из топора выкраивают мелким на мандарины
чай с дачным вареньем, бутеры с маргарином
мама у Веры Петровны теряет тихонечко разум
вот – была громкой и бойкой, и словно съежилась разом
путает лица, теряет ключи, грязи не замечает,
сын ее, брат Веры Петровны, вовсе не навещает
занят, дела-дела, но приглядывает за наследством,
старая дачка, квартира с метро по соседству
а еще есть соседка, бабулька за 90 со стареньким шпцем.
Вера Петровна заходит то с мазью для поясницы,
то молока прикупить, то сварить незатейливый ужин
капли для Чапика в уши, да вытереть стыдные лужи
скоро весна – огород, прополка, картошка
может удастся поправить забор, за зиму отложили немножко
может и нет, у Егорки опять обострение, снова лекарства, больницы
Вера Петровна нахохлившись как усталая птица
пытается всех их крыльями заслонить от беды и холодного мрака
а потом кто-то в черном смотрит с экранов и объявляет атаку

Строку подхватывает **Светлана Синякина**

из Нью-Йорка – педагог, мама четверых детей, автор сказок и развивающих детских книжек:

А там, где подсолнухи всходят
Из земли, в которой смешалась кровь с надеждами,
Сидит другая Вера Петровна,
В обнимку с дочкой и внуками на узлах с одеждою.
И темно Вере Петровне, и боязно в подвале уж ночь которую,
И сирены то вопят, то молкнут,
И больная мать на узлах стонет за шторою.
И забыты в ужасе и поясница, и больные колени,
А Егорка с температурой уже который день тихонько бредит.
Чапик спит и дергает лапами у полупустого, с мутной водой, бака,
А Вера Петровна нахохлившись, как усталая птица, пытается всех
крыльями заслонить от беды и холодного мрака.
А кто-то в черном взглядом управляет войсками,
Пытаясь двух одинаковых женщин сделать врагами.

20.04

Мария Васильева

Филадельфия, США

Люди ждали весны – а пришла война.
Наступили стадные времена...
Здесь кричат: «Война, а пошла б ты на!»
Там кричат: «Эгей, веселей, страна!»

Только я уже не кричу –
Я просто знаю, чего хочу.

Тишина внутри – боль моя.
Эта кровь вовне – боль моя.

Но пока еще не кричу,
Лишь дожидаться тебя хочу.

Я тебя ждала, но пришла война.
Я была с тобой. Я опять одна.
От внезапных слез облегченья нет.
Только это не бред.

Нет.

12.03

Я всегда писала о любви –
Это было крайней точкой мира:
Жить, любить, надеяться и ждать.
Было.

Что могла еще я написать?!
Школа, двор, родителей квартира.
О себе немного рассказать.
Было.

Ничего не знала о войне,
Никогда не покидая тыла.
Остается только вспоминать.
Было.

16.03

Очень стыдно смотреть на свет,
Подставлять лучам правый бок.
Он прожил восемнадцать лет,
Он учился спускать курок.

Очень стыдно растить цветы.
Я, весна, тебя не хочу!
Ты украла его мечты,
Приравняв его к палачу.

Очень стыдно в постели спать,
Очень стыдно смотреть на свет...
Очень стыдно растить цветы?..
А его и в живых уж нет.

16.03

accentato, adagio

Это – другая жизнь.
Прежней уже не будет.
Новые рубежи.
Новые сны. И люди.
Новый пейзаж в окне...
Эх... домик через дорогу.

Как бы хотелось мне – сейчас –
Нового – по-не-мно-гу.

Только не жди... (Не ври!)
Прошлого быть не может.
Нет ничего (смотри!)
Прежнего. Лишь похоже.

Кажется. Но не то.
Верится. Но напрасно.
Это
ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Разве
тебе
не ясно?

24.03

Александр Габриэль

Поэт, родившийся в Минске, трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018 годы), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор шести книг. С 1997 года живет в пригороде Бостона (США), работает тестировщиком программного обеспечения

...и жизнь сдает воображенью
за пядью пядь.
И время начало движенье
куда-то вспять.
Наверно, силу ломит сила
из века в век.
Но только что так тихо было –
покой и снег.
И длились, длились сон и небыль,
был лес ветвист...
Теперь взамен в холодном небе –
металла свист.
Залита чем-то красным карта.
Дрожит земля
на незаметной грани марта
и февраля.
Куда ты делся, голос свыше? –
простыл и след.
В глаза взглянуть бы тем, кто пишет,
что смерти нет.
25.02

Харьков

В краю, где пока что морозно с утра,
где, играми занят,
притихшую серую плоскость двора
луч солнца взрезает;
в краю, где полно поэтических тем,
где грезится слово,
и там, где не может, не может совсем
случиться плохого;
в краю, где ползет ручейков круговерть,
со змейками схожа –
там люди упали на черную твердь
сожженной кожей.
Вот так и приходит последний предел
без помпы и фальши...
И кровь отползает от стынувших тел
все дальше и дальше.

04.03

«Как дела?» – ты спросил. Отвечаю: «Да как-то так...»

Да и как же ответишь в наших глухих местах?

А в иных палестинах, я слышал, еще и хуже.

Относительно счастлив (избушка, друзья, гармоны),
научился за десять минут разводить огонь,
особливо когда выпадает какой-то ужин.

Сын мой старший, тот с первого камня влет,
не успеешь и пикнуть, бегущего зайца бьет.

Правда, часто на месте ест, не дождавшись жарки.

После смерти жены я, конечно, взгрустнул слегка.

Ночью ноет и чешется третья моя рука.

Впрочем, это фигня. Прости мне мои помарки.

Ежевика у нас как арбуз, прям сойти с ума –
на сюрпризы сподобилась ядерная зима.

Ну, спасибо на том. Какие-то витамины.

Но зато на войне мы предстали во всей красе.

На других континентах, я слышал, подошли все –
отработал всю нашу доблестный атом мирный.

Оттого и скажу тебе честно, едрит-гибрид,
что законная гордость во мне костерком горит
за традиции наших отцов, за народ мой древний.
Будь, дружище, здоров! Да и мне тут нельзя болеть.
Заболевших убьют и съедят. Это важно, ведь
нужно досыта есть порою родной деревне.

Завершаю письмишко. Глаза разъедает тьмой.
Прилетит скоро голубь двуглавый почтовый мой,
одиночный свидетель нашей с тобой беседы...
Ну, пошел я. Услышал, как кличут меня. Пора.
Вся деревня моя собирается у костра
и поет, и поет сквозь слезы про День Победы.

10.03

Они над Украиной гасят свет
и города бомбят в припадках злобы...
А мы им – демонстрации в ответ,
стихи, пикеты, подписи, флешмобы.

Ах, до чего же грандиозен вес
сравнений наших! Мол, Судеты, Данциг...
Они ж в ответ шарахают в АЭС
и, ухмыляясь, лупят по гражданским.

В них стойкая уверенность в себе,
червяк сомнений души им не гложет,
ведь Галилей признался в ФСБ:
Земля вертеться, в принципе, не может.

Они раскрасят небо нам углем –
красавцы, гуманисты, уберменши...
Вновь в Украину мы одежду шлем,
лекарства шлем и просто деньги шлем...
А украинцев – меньше,
меньше,
меньше.

14.03

Привычно воздух свеж в помойной яме.
Будь бдителен, не трать лишних слов.
Как Нильс падет, отравленный гусями,
поведай, Сельма нам Концлагерлеф.

А гордость за страну – как жар под кожей.
И впредь мы будем вместе, я и ты!
Рогожинской укрытые рогожей,
ракеты спят. В них спизжены болты.

Мы разведем руками злые тучи.
Звучи с высот, архангелов хорал!
В приталенной шинели от Шойгуччи
ведет нас в бой отважный генерал.

Фашисты всюду – в Англии и в Чили.
Пусть каркает зловеще воронье,
но ведь не зря, не зря нас научили,
как принимать чужое за свое!

Горят дома, и люди, и левкой,
лежат в воронках и роман, и стих...
Поскольку ведь искусство есть такое –
бить по своим и не сдавать своих.

Вострепещи, Америка с Европой,
на камень наш у них нашла коса...

И Русский мир из дымного окопа
блатную фикса щерит в небеса.

21.03

Есть Бог или нету? Поди-ка измерь
по мерке нестрогой.
Но ломится демон в закрытую дверь
воздушной тревогой.
Верховный, рехнувшись, сменяет штурвал
на голос орудий.
Пытаются спрятаться в темный подвал
от нелюдей люди.
И тянется черная страшная нить
тоски негасимой...
Ты смог, Мариуполь, в мозгу заменить
Сонгми с Хиросимой.
Разбиты, обрушены в мусор и чад
бетонные плиты.
А музы... Конечно же, музы молчат,
поскольку убиты.
Могли напевать бы свои до-ре-ми
покоя во имя...
Но – нет. Замолчали. Остались с людьми.
И умерли с ними.

23.03

Когда в стране отрублен интернет,
и за плакат, в котором слово «Нет!» –
удар по почкам и билет на нары,
когда запас ракет важнее всего,
а теледиктор, резвый и нестарый,
готов дрочить на комплекс ПВО,

и каждый день, с какой ни встань ноги,
кругом враги, кругом одни враги,
что норовят отнять и покуситься,
когда важнее прогресса марш-броски,
когда страна березового ситца
на белый свет очертила клыки,

когда от страха даже ветер стих,
а триллион нейронов мозговых
готов привычно жрать бурду все ту же,
когда в стране – блатной закон двора,
и разрезает и жару, и стужу
безумный, исступленный крик: «Ура!»,

когда такой огонь да волчья прыть,
и «Всех порвем!», и «Можем повторить!»,
что дым идет от мартовских проталин,
победа – в двух шагах. Она близка!..

И во дворе сидит, согнувшись, Каин,
кровь Авеля смывая со штыка.

28.03

С растерянным смятением в груди,
с невысказанным горестным вопросом
седой старик Европы посреди
стоит под небом мартовским белесым,
исполненным предчувствия грозы...

Старик молчит. Его звезда погасла.
Проходит сквозь него чужой язык,
как финка сквозь растопленное масло.
С ним рядом сумка: свитер да носки,
потрепанная связка старых фото –
резон для оглушительной тоски,
пригодной для ступенек эшафота.
Ведь ни понять, ни осознать нельзя,
и каждый шаг – как будто в полудреме...
Вчера был дом, соседи и друзья,
а что сейчас, чужого неба кроме?!
Старик устал. Он стал вчерашним днем.
Он неподвижный манекен витринный...
Но бьется в нем, набатно бьется в нем
растерзанное сердце Украины.

01.04

То ли дождь, то ли снежные хлопья,
карты путает март-интриган.
Отчего ты глядишь исподлобья,
семилетний седой мальчуган?
В сколах стекол оконная рама,
сиротлив неприкаянный лес...
Мир, в котором есть папа и мама,
точно был, но внезапно исчез.
Дом соседский – осевший, скрипучий –
в обгоревшей стоит пустоте...
Говорят: всякий выживший в Буче
сможет выжить отныне везде.
Врос пейзажем в весеннюю слякоть
и уже никогда не умрет
мальчуган, разучившийся плакать
и смеяться на годы вперед,
он глядит на Вселенную немо,
прах и пепел под сердцем храня,
и швыряет в бесстрастное небо
самолетики Судного Дня.

19.04

Алина Гаджиева

*Я психотерапевтка, живу в Варне больше шести лет
с моей семьей, кошками, улитками и собакой. Из России мы
уехали после 2014 года; от войны, как видим, уехать не смогли.
Я волонтеру по возможности, говорю с очень разными людьми;
когда другого выхода нет – пишу*

дева Мария
бредет по снегу
обходит тела
не придерживав подола
белоснежное плавится
в серое черное красное
тяжелеет
намокает
волочится

дева Мария
глядит себе под ноги
слепыми очами
еле плетется
шепчет
ну сколько же можно

дева Мария
не может
остановить
остановиться
может только
остаться
здесь.
27.02

Господи,
когда ты уже устанешь
от невыученных уроков,
несделанных домашних заданий,
бесконечного повторения пройденного материала,
когда ты уже ударишь
окровавленной ладонью по парте,
когда ты уже скажешь:
незачет, отчисление, поздно учиться плавать,
вода уже у ваших дверей,
школьный год закончен,
я в отпуск, а вы как знаете,
второго года не будет.

Господь
не отвечает,
спит над тетрадами,
марает кровью косую линейку, крупную клетку,
пишет во сне
план следующего урока.

24.04

Иосиф Гальперин

Родился в 1950 году, с 2014 года живет в Болгарии. Стихи переведены на болгарский, английский, французский и итальянский языки. В разных странах вышло десять книг стихов и девять книг прозы. Лауреат первой премии конкурса «Писатель года 2015» Российского союза писателей, первая премия на Международном фестивале «Созвездие духовности» (Киев, 2019). Первое место на конкурсе поэтов-эмигрантов «Эмигрантский вектор» фестиваля «Эмигрантская лира – 2020». Лауреат первой Чеховской премии (2017). Член правления Международного союза писателей им. св.св. Кирилла и Мефодия

Мама, это не я!

Ворзель, Ирпень, Пуща-Водица,
а в нашей буче, боевой, кипучей –
и того пуще...
Нет, не водица.
Мамиными ушами слышу,
как шумит кровь послевоенных девчонок,
с которыми она ходила колядовать
из Бучи в Ирпень,
шумит в сердцах их детей,
спрятавшихся в подвале в Буче
от бомб, прилетевших с моей стороны,
из моей страны
в год, из-за нее военный.
Мама, это не я!
Я не заваривал бучу,
я не заваливал Бучу,
ее улицы среди сосен,
трупами танков и солдат.
Мама, это не вода.
Мама, они больше не будут.
Их не должно быть никогда.

Мысленно бродя по кладбищу
друзей и знакомых
думаешь, кому повезло больше:
тем, кто умер до февраля двадцатого
и не узнал новый всемирный смысл
слова «корона»,
или тем, кто не дожил до февраля двадцать второго
и не узнал новый позорный смысл
слова «война».

Свет опять на западе

1.

Давайте не будем о тех, кто уже далеко
за линией фронта, кто зол, отвратителен, глуп.
Оплачем своих, обогреем своих пареньков,
защитников наших горящих квартир и халуп.
Все наши они, потому что воюют за нас.
Младенцев, рожениц, старушек и образ людской
спасают от стаи стальной, от шакалов без глаз,
от плоти безмозглой, завывшей предсмертной тоской.

2.

Людоед, людоед, отпусти наших детушек!
Ну-ка, деточки, хором: отпусти, президент!

3.

Свет опять на западе,
там, где не заходит зарево.
Это сполохи горящего завтра.
Ракета, пришедшая с Черного моря,
накрыла город тьмой с востока.

18–29.03

Марина Гершенович

Родилась в Новосибирске. Близкие и дальние родственники родом из разных мест: Грузия, Польша, Кавказ, Россия, Крым, Сибирь. По профессии педагог внешкольного детского досуга.

С 1998 года живет в Германии, в Дюссельдорфе. Переводит на русский язык немецкую и английскую поэзию. Член содружества русскоязычных литераторов Германии, почетный гость Александрийской библиотеки. В 1995 году вышла первая книжка стихов «Разговоры на распутье», в 2002 году — вторая, под названием «В поисках ангела», в дальнейшем она была издана и на немецком языке

Милый друг мой, рвется там, где тонко.

Рвется все, снаружи и внутри.

Вместо дома круглая воронка.

Вот она на снимке, посмотри.

В той воронке, словно в черной чашке,

крошево бетона и земли,

а под ним – жильцы многоэтажки.

И они себя не сберегли.

Время вспять кручу в уме, и эти

мысли бессознательны, как бред:

люди были живы, с ними дети,

и варился на плите обед.

Все колдую тихо «крабле, крибле,

эйн, цвей, дрей» – не подымая век.

Ты не видел, как они погибли.

Друг мой, ты счастливый человек.

26.03

Говорила начальнику мать:
– Сыновей не отдам воевать!
Будут лучше сидеть под замком.
Уходи, гражданин военком,
не трясись перед носом повесткой,
у меня завтра встреча с невесткой...

Отвечает начальник мамаше:
– Кто бы спрашивал мнение ваше.
Годны все, у кого паспорта,
обойдетесь без лишнего рта.
Мы пошлем им на метр погонный
гимнастерки, шинельки, портки.
Деньги выделил фонд пенсионный,
те, что вам получать не с руки.

Говорила начальнику мать:
– Не пойдут сыновья убивать.
Я же их для любви воспитала,
а не для кирзачей и металла,
и не для «калаша» со штыком.
Уходи, гражданин военком...

Отвечает начальник мамаше:
– Кто бы спрашивал мнение ваше!
Если завтра – в поход, если завтра – война?
Кем же будет гордиться страна?
Ты о чем только думаешь, блять,
если надо, пойдут убивать!

Вот такой непростой диалог
вместе слушали дьявол и Бог.
А меж ними, пока суть да дело,
мать двоих сыновей каменела.
Не как Лотова баба, столбом,
а иначе – руками и лбом
упираясь в проем своей хаты,
не пуская мальчишек в солдаты.

И еще, между споров и спорцев:
не бывает с ружьем миротворцев.
Слышишь, птичка на веточке бает:
«Не бывает таких, не бывает...»

24.02

Красная Шапочка

С нею мы встречаемся, но редко.
Разный график выхода в народ.
Кто она? Она моя соседка.
Ниже этажом одна живет.
Знаю, что вдова, пенсионерка.
Пенсия приличная? Вранье.
Вязаная шапка-маломерка
украшает голову ее,
красная, как мак или калина,
кто бы знал, кто шапку ей связал;
вот она – «*’nen schönen Tag, Marina*»–
побрела с корзинкой на вокзал
пирожки раздать приезжим детям,
и бормочет то, что мне вчера
говорила: мол, конечно, встретим,
как нам жить на свете без добра,
без сердечных слов обыкновенных?
Вот же волки, ах, да что слова,
воля бы моя, я всех военных
враз бы порубила на дрова.
Вот такой сюжет у нашей сказки.
Шарль Перро об этом не сказал.
Беженцы, войска, вакцины, маски,
пирожки в корзинке на вокзал...

16.03

А мой дражайший друг уехал жить на дачу.
Там холодно еще, но тихо и светло.
Я, думая о нем, то вскрикну, то заплачу,
и каждый новый день стал хрупким как стекло.
Не бойся, говорит, есть каша, хлеб и свекла,
нам с папой не впервой, мы жили не бог весть,
нет, денег нам не шли, а выбитые стекла
когда-нибудь потом заменим, время есть.
А время против нас, стрельба дает отдачу
по слабому плечу, по сильному плечу.
Так и живу теперь: то вскрикну, то заплачу,
то много говорю, то снова замолчу.

23.03

Все, что мне дали, оно без износа:
рама, педали, руль и колеса.
Вот и катись, мол, пока не поддали,
шли свои письма в дальние дали.
Всё без износа: руль и колеса,
рама, педали. Душа не из стали.
Пусть ее ржавчина и не разъела,
рвут ее кравчие, взявшись за дело,
варят полову, дым коромыслом,
чуждые слову, сусло над смыслом.
Я удираю на велосипеде.
Слева соседи, справа соседи.
Что же там воет, где только что пело?
Мчись же, не стой, трехколесный мой вело...

30.03

Не могу без сладкого, а нету.
Вспомнилось, как много лет назад
в киноленте девочке конфету
подарил молоденький солдат.
Фильм послевоенный, кадр финальный,
девочка под тусклым фонарем,
старый монохром документальный,
и сюжет, застывшим янтарем,
в памяти моей давно хранится:
улицы, домов нестройный ряд,
стайки горожан, простые лица,
и глаза, что в камеру глядят.
Трудятся, завалы разбирая,
правят мостовые и мосты,
только что Вторая мировая,
скорчившись, откинула хвосты.
Вновь кручу тот фильм, в плену иллюзий
возвращаюсь сквозь тоску и стрем
к той одной, древнейшей из инклюзий –
к девочке под тусклым фонарем.
А она жует свою конфету,
что вернулась к ней, минуя тлен,
из руки солдатской.
Ты ли это?
Ты ли там стоишь, Лили Марлен?

29.03

Потемнев лицом, устав от мата,
в общем, справедливого, с душой,
обниму растерянного брата:
– Тихо, тихо, ты уже большой.
Говорит, стуча зубами дробно:
– Как же с нами так, пойми же ты,
все ведь было, вроде бы, беззлобно –
ленточки, пилотки, и понты.
А теперь истерика да тризна,
кровь, кутья, и выбелен висок.
Ты люби, люби меня, отчизна,
слышишь, я твой тонкий колосок.

27.03

Я умерла еще тогда, когда была ребенком.
Когда сосед играл в войну и убивал собак.
Когда в подъезд к нам смерть пришла и моего котенка
швырнула в лестничный пролет, затем – в помойный бак.
Я умерла еще тогда, когда играли дети
В советских правильных солдат и в пойманных врагов.
Мне видеть много довелось, еще на этом свете,
торчащих из-под всех оков хвостов, копыт, рогов.
Вы вновь явились показать дымящиеся груды
останков рухнувших домов, обугленных людей.
Но я давно уже ушла на небеса отсюда.
Туда, где ангелы поют и нет гнилых идей.
Мне незачем уже смотреть на ваши лбы и чресла,
на руки в шерсти и в крови, и в перьях; нет зверей –
страшнее, чем весь род людской. И нет, я не воскресла.
Я ваших снов ночной кошмар и призрак пустырей.
Мне здесь работы на века: оплакивать утрату,
живые души собирать, сопровождая в рай.
И нет мне жизни среди вас. А за такую плату
все будет зря, хоть двести раз, хоть триста умирай.

08.04

Если страшно, тоскливо и зябко,
грязный след убирай за собой.
Видишь, тащит по улице бабка
банку с краской? Акрил голубой.
Съехал шарф и болтается маска
на резинке под нижней губой.
И плевать ей, что черная краска
подешевле ее, голубой.
Принесет, к животу прижимая,
банку эту (так смог бы любой)
на порог – да и ткнет, как немая,
пальцем в надпись, читай: «голубой».
И встряхнув эту краску до пены,
лихо выкрутит крышку с резьбой.
И покрасит унылые стены
тесной спальни в цвет голубой.
«Жизнь как сажа бела» – прямо в ухо
крикнешь ей. – «Всюду мор и разбой».
Но упрямая тащит старуха
банку с краской – опять с голубой!

11.04

Письмо из бутылки

Ни вас, ни их, себя самих, ты знаешь, не боятся
те самые, которые безумные на треть:
художники, философы, поэты и паяцы,
и музыканты – все они готовы умереть.
Не раз уже их, пьяненьких, за лацканы хватали
и душу вытрясти из них грозились не шутя.
Но что с убогого возьмешь, когда в далекой дали
то воет он, как дикий зверь, то плачет, как дитя.
Не верь, не бойся, не проси – всего лишь три запрета
для тех, кто знает жизнь в лицо и смерти пол-лица.
Они исходят не извне, а изнутри, и это
дает им право быть собой с начала до конца.
«Люби меня как я тебя» написано в тетради.
Порви ее, сожги ее, и положи всех в ряд
ничком у ямы на краю, и вновь – да бога ради! –
воскреснут. Музыка, слова и мысли не горят.

05.04

Линор Горалик

Родилась в 1975 году в городе Днепр.

Поэтесса, писательница, художница.

Автор около 20 книг стихов и прозы, среди которых

«Все, способные дышать дыхание», «Короче:», «Имени такого-то»,

«Устное народное творчество обитателей сектора М1»,

«Всенощная зверь», ряд детских книг. Создатель и главный

редактор ROAR // Russian Oppositional Arts Review

(«Вестника оппозиционной русскоязычной культуры»)

март

входит хирург с поднятыми руками

разорванное бомбой сердце матфея

разорванное ужасом сердце андрея

схемы триажа неисповедимы

де ти було вісім років тому – шепчет сердце матфея

захлебываясь последней кровью

и замолкает

билось в автозаке – шепчет сердце андрея

захлебываясь последней кровью

и замолкает

хирург в отчаянии опускает руки

господь раскрывает объятия

15.03

Александр Дельфинов

Родился в 1971 году в Москве. Поэт, журналист, spoken word artist. Участвовал в создании реггей-группы «Джа Дивижн» (Москва, 1990), арт-группы ПГ (Москва, 1998), свободной культурной платформы PANDA (Берлин, 2009). Участник и победитель различных поэтри-слэмов. Автор семи поэтических книг, аудиосборника «Концерт в Сокольниках» («Отделение Выход», 2019) и книги рассказов «Сокровенная Чура» (Москва, 2021); тексты публиковались в многочисленных бумажных и онлайн-журналах. Живет в Берлине и Бонне

«Да, – говорила она. –
Да, деточки мои,
Вот сейчас пролетит,
Вот сейчас пролетит и затихнет,
Не пугайтесь, ничего страшного,
Мама с вами, мама с вами,
Ничего страшного».
Она успокаивала их и говорила,
Говорила, говорила, говорила,
Говорила,
Словно не замечая,
Что они
Уже
Не могли ответить.
06.04

«Нет войне!» – говорили мы, но война не кончалась,
А наоборот, разгоралась, становилась сильнее,
Ужас и Отчуждение шли по следам за ней,
А нас становилось все меньше, пока почти не осталось,
И я помню пустынную площадь, и дождь, и слякоть,
Я выглядывал в щель занавески и видел в моем окне,
Как маленький человечек с плакатиком «Нет войне!»
Стоит там один, и от страха хотелось плакать.
Я боялся начальника, вдруг уволит меня с работы,
Боялся удара дубинкой и чувства, когда никто ты,
Боялся соседей, что будут шипеть мне вслед,
Боялся потери достоинства (которого уже нет),
Боялся вообще просто так – каждый мой вздох был жуток,
Боялся уехать в СИЗО на пятнадцать суток,
Боялся людей в униформе (чуть позже – любых людей),
Боялся, что дети в школе будут чистить моих детей,
Боялся, что в дверь постучат в пять утра, закричав: «Открывай
нам, сука!»
Боялся любого стука (чуть позже – любого звука),
Боялся своей собаки, боялся собственного кота,
Боялся, что не смогу перестать бояться уже никогда,
Боялся того, кто грызет изнутри (сам себе больше всех ты страшен)
Боялся насмешек и улюлюканья от прохожих граждан,
Боялся войны, вдруг придет и мне отомстит она,
Боялся жены, вдруг скажет: «А я – за войну!» (в результате ушла
жена),
Боялся, пока был с тобой и когда сам с собой остался,
Да я еще не родился, а только боялся, боялся, боялся,
И подглядывал в щель занавески и видел в моем окне,
Как маленький человечек с плакатиком «Нет войне!»
Стоит там один, а к нему уже бегут полицейские.
Я-то при чем тут? Что тут поделать мне?
Уж я-то за мир во всем мире, что же тут сделать мне?
ЧТО ЖЕ ТУТ СДЕЛАТЬ МНЕ?

25.02

Говорят, мир спасет любовь да ангелы горнии,
Мол, узри лучшее в ближних, как в себе самом,
Но лето любви закончилось в Калифорнии
В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом.
Говорят, расти твой сад, и добро в сердце твоём
Прорастет цветами невиданной красоты,
Но никто не учил, что делать, если горит твой дом,
И сад растоптан, и все, что есть – только ты,
Точнее, даже не ты, а какие-то ошметки тлена есть,
А кроме этого – право на ненависть.

Твое право ненавидеть стрелявших в твоих детей
И проявлявших при этом творческую прыть,
Твое право ненавидеть непрошенных гостей,
Именно ненавидеть, а не любить.
Твое право не подставлять щеки в ответ на удар,
Твое право от ярости на стену лезть,
Твое право жечь врага и радоваться, чуя жар,
Твое право на ненависть.

Говорят, говорят, говорят, а потом прилетает ракета – взрыв! –
и дома горят.
Говорят, говорят, говорят, а потом слова заканчиваются, вместо
слов за снарядом летит снаряд.
Говорят, говорят, говорят, можно даже сказать – конкретно пиздят.
Говорят, говорят, говорят, а потом в твой город приходит отряд
Вражеских солдат, и начинается ад,
О котором почему-то молчат, молчат, молчат,
И только когда люди убиты, растоптан сад,
И нельзя историю повернуть назад,
Все вокруг опять говорят, говорят, говорят,
А все отравлено, сам воздух – яд,
И больше нет ничего, чему в сломанном мире замена есть,
А есть только одно – право на ненависть.

Твое право ненавидеть империю и ее солдат,
Несущих не свободу, а оккупацию,
Твое право ненавидеть их вождя и его рыбий взгляд,
И всю Российскую Федерацию,
Твое право на оборону, право на отпор,
Твое право в небе и на земле на месть,
Твое право, не использованное до сих пор –
Твое право на ненависть.

Говорят, мир спасет любовь да ангелы горнии,
Мол, узри лучшее в ближних, как в себе самом,
Но лето любви закончилось в Калифорнии
В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом.

17.04

«Ветерок был свеж в предрассветный час,
Ровный строй наш радовал глаз,
И когда «Вперед!» прозвучал приказ,
Улыбался каждый из нас.
И взревел мотор, потянулась гарь,
Газу дай да по трассе жарь!
Хлебом-солью встречайте вы нас, как встарь,
А врагов никогда не жаль.
Красота кругом наяву – не сон,
В небе вспышек ракетных сонм,
Слышу грохот танковых я колонн,
И меня возбуждает он!
Подлетим стремительно, победим,
Братьев наших освободим,
И боец останется невредим,
А враги превратятся в дым.
Отчего же вздрогнула вдруг дорога,
Объясните мне, ради Бога,
Все горит, и я ору от ожога,
А проехали так немного...»

И сквозь дыры в жирном черном дыму
Красный ангел спустился тогда к нему
И шепнул: «Объясню тебе, что к чему,
Только ты не суди уж строго.
Ветерок был свеж в предрассветный час,
Ровный строй ваш радовал глаз,
И когда «Вперед!» прозвучал приказ,
Улыбался каждый из вас.
Перешли границу вы, дураки,
Только точка в конце строки
Ждет всегда, мозги свои напруги –
Это вы здесь теперь враги,
Так что танк заехал твой не туда,
Не вернешься ты никогда,
Утекает кровь твоя, как вода,
Угасает души звезда».
Началась и кончилась тут дорога,
Отдал жизнь юнец раньше срока,
А кто дал приказ, тот сидит далеко,
Да в глазах его поволока,
Но сквозь стены и крышу в его дому
Красный ангел однажды войдет к нему
И – вперед! вперед! – унесет во тьму,
Где ни запада, ни востока,
Только тьма и холод, и лед, и тьма,
Чтобы вечно он там сходил с ума.

27.02

Олег Дозморов

Родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филфак и аспирантуру Уральского государственного университета, а также факультет журналистики МГУ. Работал преподавателем и журналистом в Екатеринбурге и в Москве. С начала девяностых регулярно публикуется в «толстых» литературных журналах. Автор шести книг стихотворений, лауреат «Русской премии» (2012) и премии «Московский счет». Сейчас живет себе потихоньку в Лондоне

Так вот какой фигачил холодок
сквозь дыры в заднике смешного балагана,
так вот о чем предупреждает Блок
и тайно жаждет, только нам туманно,

так вот о чем вопил другой пиит,
и звездный ужас рассекал на части
и мир, и свет, и дом, где стол накрыт,
пока мы байки слушали в подкасте,

и пили в чашках глиняных улонг,
и подзывали вновь официанта,
и кто так и не выучил урок
художника, поэта, музыканта,

кто думал, что циничное верней,
что все имеет цену и тем крепко,
теперь летит, как маленькая щепка,
среди миров, пространства, звезд, огней.

25.03

– Что ты видишь во взоре моем,
в этом утреннем взоре-позоре?

– Я в нем вижу глубокое горе
с умирающим в поле полком.

Самолет разгонялся смелее,
парашют распахнул небеса,
пели неуставное старлеи,
закрывали перчаткой глаза.

Плыли «ИЛы», как странные рыбы,
человечью метали икру,
и снимала легко недосыпы
мысль последняя: я не умру.

Потому что нас подняли рано,
прочитали пред строем укор
и дорогами телеэкрана
повели на ненужный позор.

И никто никогда не узнает
о далеком неслышном огне
и о том, где теперь пролетает
призывник в ослепительном сне.

Почему обгоревшие руки
развернули в пространстве страну,
попросили у родины муки,
отпустили в предсердье струну.

Только тот, кто обнялся с землицей,
понимает, что будет потом,
и его голубая петлица
затеряется в небе сыром.

13.03

Телезритель с рыбьими глазами,
был бы я тобой,
под неласковыми небесами
легковерный, злой.

Может, я в хороших детских книгах
больше прочитал
или в пионерских наших играх
хлыздил, не стрелял?

Или интеллектом страшной мощи
проникаю зло?
Нет, дружище, все предельно проще:
тупо повезло.

01.04

Спросили мы у тишины:
почему ему все ок?
Тишина в ответ: широк
и не чувствует вины.

Хочет стать все шире, шире,
самый он широкий в мире,
рекордсмен по высоте,
долготе и широте.

И на этом основании
бьет на расстоянии.
Плюс всемирная отзывчивость
и наивная забывчивость.

И теперь он одинок
и ему все ок.

05.04

Из Киевской области
вот пришли эти фотки.

Смерть, увы, совершенно
не боится щекотки.

Незнакомое дерево
и тела у развалин.
Кто они – это делали?
Ведь не Гитлер, не Сталин.

Я б сказал, что не люди.
Даже стало бы легче.
Получился бы шутер.
Нет, увы – человече.

Что-то в нашей культуре
есть, какой-то звук, отзвук.
В русской литературе
есть неvozдух и воздух.

Нам отмаливать это,
разгребать эти кучи.
Вот весна, за ней лето.

Вот этот Гостомель.
Вот эта Буча.

03.04

Я тоже в танчики играл,
и ластик у дружка украл –
мягчайший «Кохинор»,
и пил в студенчестве «Агдам»,
который на слабо – та-дам! –
из гастронома спер.

Я не пошел служить в стройбат
не потому, что был богат,
со связями, отец,
нет, просто из последних сил
четверку чудом получил,
а то бы мне конец –

баул – военкомат – вокзал,
а там контракт бы подписал
и – либо не жилец,
или махнул бы: все равно! –
и опустился бы на дно –
такой вот Ежи Лец.

И если бы не дурь, не блажь
экзаменатора, багаж
сдавал бы ты, Олег.
Я в шоке эту мысль гоню,
я не преступник, но горю
при страшном слове «СДЭК».

07.04

Уссурийское небо мутилось дождем,
на войну уходил эшелон.
Привезу, тебе, жено, чего-нибудь в дом
и хороший сынишке смартфон.

И закатные розы вдали расцвели,
и состав отошел на Изюм.
Позвонила Надежда и где-то вдали
заказала спортивный костюм.

И когда мы остались на свете одни
и мобильные спели «пока»,
я почти что не вру – погрустнели они,
и, наверно, крестилась рука.

И, огромной страны и не пыл, и не злость,
мы лежали на полках впотьмах,
и к раскрытому небу кому-то пришлось
поднести нас на теплых руках.

08.04

Сначала ладонь прикладываешь к виску,
а потом, глядишь, и попил чайку.

Вообще, да, война, а вокруг весна,
неужели она, а не Харьков, лишает сна?

Отвратительно чувство: ты человек,
где-то бомбят, а ты набираешь ЖЭК.

Я хотел вас малость приободрить,
а не на проблему глаза раскрыть.

Все не то что проходит, просто не так болит,
ко всему привыкает измученный индивид.

И пасхальная яблоня в лучшей из их одежд
вдруг дарует самую нужную из надежд.

17.04

Tony Dubinine (Алан Кристиан)

*Русскоязычный писатель-медиевист и переводчик, католик
либерального толка. Эмигрант, сейчас живет с семьей
в Болгарии*

Просто поговорить

Господи, каждый справляется с жизнью своею как может.
Это ведь так понятно, и Сам Ты знаешь, мой Боже,
Ты ведь и Сам сражался со всякой работой-заботой,
С разными дураками, говорившими – эй, да что ты?
И со своими присными – порой они хуже, чем черти,
И со судом неправедным, и с непреклонной смертью.

Вот ведь у всех кредиты, хромое здоровье,
Дети и звери болеют, проблемы с любовью
(Ох уж любовь, главный дар Твой и главное горе!)
А ведь еще и работа, и тоска по теплomu морю,
А и не пишется книга, и тоскует старая мама,
И трудно купить атаракс, и сын – подросток упрямый,
И надо чинить очки, и надо идти к зубному,
Стойко идти по жизни от облома к другому облому,
Раз уж родился – держись и поставь себе нота-бене:
Так-то сладка эта жизнь, но она и горька не мене.
Будет любовь и горы, будут и горы горя,
Надо бы все примирить, но оно не выйдет не споря,
С Тобою не споря.

Так отчего же нам, людям, из которых старается каждый,
Может прийти идея, может проснуться жажда
Сделать другому больнее, жажнуть с размаха,
Подсесть на коротком пути из праха ко праху?

В день, когда началась восьмидесятая мировая,
Я вопрошаю – зачем? А Ты говоришь – не знаю.
Всякому ведь, казалось бы, потребна сущая малость!
Вот тебе то, что осталось, когда тебя не осталось.
Стисни в кармане камешек, ключ от земного дома.
Спасибо этому дому. Пойдем теперь к другому.

25.02

Флейточка-скрипочка

Эй, музыкантишка, толку
Будет с тебя в эти дни?
Флейточка-скрипочка смолкнут,
Нынче без силы они.

Проку с дуделок-свистелок
Там, куда метит фугас.
Жемчуг чудовищно мелок,
Что же с ним делать сейчас?

Глухо захлопнется небо
В ночь среди белого дня,
Просят голодные хлеба –
Нет у него у меня.

В небе комета Галлея.
Я на скамейке сижу.
Делаю то, что умею –
В бусики жемчуг вяжу.

В бусики, деткам играть,
Как перестанут бомбить –
Может, и стоит стараться,
Где-то кого-то любить.

Флейточка-скрипочка скажут,
Слепенькие сторожа,
То, что не сказано даже,
То, что острее ножа.

Флейточки-скрипочки хватит
Хоть на декаду, на пять –
Чтобы успеть подышати,
Чтобы успеть рассказать.

Все мы увидим, запомним,
Все сохраним для живых –
С флейточкой-скрипочкой темно,
Но ведь темнее без них.

10.03

Какая-то украинская Саманта Смит
По имени, например, Оксана Коваленко,
Еще верящая, что люди все в целом нормальные,
Ну, если не спятили, и в целом хотят нормального –
Гулять, обниматься, учиться, плясать, рисовать картинки,
И на речку, и собаку завести, а еще и рыбок –

Пишет письмо: здравствуй, дяденька Путин.
Ты взаправду хочешь нас всех убить?
Но зачем? Чтобы что? Чтобы сел на престол
Какой-нибудь твой черный полковник в усах,
Чтобы папа мой вынул из сарая ружье,
Чтобы мама брусчаткой запаслась, керосином,
Чтобы старая бабушка взяла старые вилы,
Чтобы полковника тоже убили?
Его же никто тут ни за что не полюбит,
А у тебя нет столько солдатиков, чтоб они все шагали, шагали,
Ни о чем не спрашивая, стреляли из стрелялок,
Убивали и мерли, убивали и мерли еще лет десять...
Они, конечно, сволочи, но могли бы быть люди.

Неужели ты просто любишь, когда убивают?
Может, проще будет самому застрелиться,
Если уж тебе так нравится смерть?
Ответь, дяденька Путин: ты взаправду чудовище –
И таких вас там много, и все с тобою согласные,
Или я просто чего-то не понимаю по юности,
И все это сон, и мы скоро проснемся,
И дом мой на месте, и подружка моя из Питера,
Как обещала, придет в гости в июне?

И пресс-секретарь, прочитавши письмо,
Которого, разумеется, адресат не увидит,
Садится и пишет в ответ: не грусти,
Дорогая Ксюша, когда все ваши сдадутся,
Когда город и дом твой рассыплются прахом,
Когда все перемрут, станет много светлее,

И мы пригласим тебя приехать в Москву,
Мы скатаемся в парк культуры и отдыха,
Ты увидишь, что мы тут совсем не чудовища,
У нас очень много культуры и отдыха,
И женских прокладок, и памперсов даже,
И вкусных бутербродов, не чета макдаку,
И запчастей самолетных, и сотовых телефонов,
И вовсе не страшно. Вообще не страшно.

А потом он кусает авторучку за хвост
И приписывает: прости. Это все неправда.
На самом деле у нас тут правда чудовище.
Но мы не понимаем, что с этим делать.
Когда оно вами подавится, примется за нас.
Передай своим маме, бабушке, папе –
Не сдавайтесь. Все равно ни за что не сдавайтесь.

И с улыбкой спокойной запечатывает письмо,
Ставит штамп канцелярии президента
И кидает конверт в ящик для супербыстрой почты,
И с чистой совестью идет стреляться:
Хоть что-то успел.

17.03

silentium

Не вылазь. Не слейся. Не говори.

Ничего не пиши в экран.

Дорогие, милые волхвоцари,

Вы пришли из далеких стран.

Вы не знаете, как оно тут у нас,

Не росли среди этих камней.

Поклонение – дело, но не сейчас,

А сейчас тишина важней.

На толпу Ион тут хватит китов,

За китами родина вся.

Вам не надо спрашивать у ментов,

Где чудесный Царь родился.

Вы Его подставите. И семью.

И до кучи – толпу мальцов.

Заберите обратно звезду свою,

Уходите, в конце концов!

Он родился тихонько. Он будет жив,

Не палите Его, молю.

Ладан-деньги давайте, смирну в прилив,

Слава Ироду-королю.

28.03

С той стороны Луны
Луняне бегут от войны.
На той стороне Луны
Вдруг стало много войны.
А на нашей на стороне
Что-то места и не вполне,
Потому что, братцы, луна –
Она ведь у нас одна,
На вторую такую луну
Не хватит чугуна.

И которые с той стороны,
С той стороны войны
Прут на нашу на сторонУ –
Они нам разнесут Луну.

На той стороне луны,
Говорят, луняне черны,
Не такие они, как мы,
Рожденные среди тьмы,
И про их гореса-голоса
Не ведают небеса,
Потому что туда сто лет
Не попадает свет.
Сидели бы лучше они
И дальше в своей тени,
А то убывает Луна,
Нам самим-то стала тесна...

...А на небе парад планет,
Но другой Луны в небе нет,
И летит, и плачет Луна,
И все убывает она.

03.04

Конь

О бойся бармаглота сын сидящего в кремле
Всяк не дождавшийся седин ему как крем-брюле
Сожрет и сыто отрыгнет и скажет дайте два
Кого как звали – не гребет, мы все ему – трава.

Бывали хуже времена но не было коней
Да и сейчас их ни хрена ни в схватке ни над ней
А вот когда б вскочить в седло – и прочь отсюда вскачь
Туда где сытое мурло не пьет как воду плач.
Но веришь, кони в мире есть, осталась пара штук,
И каждый нам благая весть, и брат и лучший друг

Как все же тягостно сойти с ума не целиком
Пытаться фенечки плести, ходить за молоком
Сводить концы, держать края и видеть что в окне
Трансвааль Трансвааль страна моя ты вся горишь в огне
Трансвааль Трансвааль страна моя не будет мне другой
Но я готов и без страны и в пламя ни ногой
Потом напишут что не там Германия была
А где была – не знаю сам: как Нуменор сплыла.
Я не хочу тебя в огонь – смотри-ка, крошка Ганс,
По небу скачет белый конь, он наш последний шанс.

22.03

Можете вы представить, что ваш дорогой муж,
По имени например Иван Иванович Иванов,
С которым вы под сенью цветущих груш
Обнимались практически без штанов,

Можете вы представить, что ваш дорогой сын,
Который еще недавно смотрел «Ну, погоди»,
Который вместо каши выклянчивал мандарин,
Который вас на прощание притискивал к груди,

Можете вы представить, что ваш дорогой брат,
С которым вы резались в шахматы и в лото,
Что ваш троюродный дядька – вам читавший «Вишневый сад»,
Что ваш дурак-одноклассник, что ваш знакомый никто –
Внезапно подается в герои пьесы «Вишневый ад»?

Что этот ваш кое-кто – изнасилует и сожжет,
Выстрелит деду в затылок, пропорет ребенку живот –
Когда же и как он успел превратиться вот в это вот
И нынче в Безьере, Гернике и Буче живое жрет?

И думаете, он этого черта назад изблует изо рта,
И сможет партию в шахматы, а потом погладить кота?

Кому бы простить, что вовек не прощается,
И как бы смочь угадать,
В какой же момент оно превращается
И как нам с тобой успеть
Бежать
Или бить
Или умереть,
Чтобы этого не застать.

04.04

Где ты был, Адам

Где ты был, Адам, где ты был, твою мать, Адам?
Как ты смел позволить себе опять оказаться там?
Или ты не видел, не слышал, не осязал?
Или ты не любил и из ниточек не вязал
Колыбель для кошки, не ведал зло и добро,
Не вращал в обложенное плотью и духом свое ребро,
Разве ты не хотел с рождения, твою мать,
Все вокруг осязать, имена рождать-раздавать?..
Впрочем, матери у тебя и не было никогда.
Уходи отсюда, вовек не входи сюда.
Возвращайся скорее во прах. Оставь сыновьям...
Впрочем, не оставляй, только не сыновьям, Адам.

«Да чего же Вы, Отче, пристали-то так ко мне!
Где я был – известно: в окопах же. На войне».

07.04

– Чижик-пыжик, где ты был
Восемь лет?
– Из Фонтанки воду пил.
Или нет,
Я по Невскому ходил,
По-турецки говорил –
Я ведь в Турцию хотел
Улетать...
А еще меж прочих дел
Как-то в клетке посидел –
Я чего не надо спел
Где не нать.

– Чижик-пыжик, чем ты жил
Восемь лет?
– Я чижат своих водил
На балет,

Их пацифики учил
Рисовать,
Книжки добрые любить
И воспитанными быть,
То есть зернышек чужих
Не клевать.

В общем был как все на свете чижи,
То по правде выводил, то по лжи,
Свои песенки певал
И ни с кем не воевал,
Лишь немного уставал
Горевать.

– Так чего ж ты, глупый чиж,
Нынче плачешь и молчишь?
– Та не маю, твою мышь,
Что сказать.

08.04

Когда говорят

Пушки говорят весьма убедительно.
Маленькая Муза сидит в подвале.
Все это, конечно, не очень значительно,
Сколько раз ее уже убивали.

Даже и Троянская так-то убивала!
А уж Альбигойская, помните сами...
Но потом поднявшиеся из подвала
Щедро подавали, делились голосами.

Яблоко войны уже черное-спелое,
Скоро упадет – вот не нам бы на крыши...
Она бы расстаралась и песенку спела бы,
Да и своего-то голоса не слышит.

Что же, помолчим до поры и до времени,
А потом всю правду споем и напишем.
Семечко в земле, не достать им до семени,
Главное – дышать, а мы вроде как дышим.

Ну походит беженкой по селам и весям,
Выпросить монетку удавалось и в гетто.
Пусть их говорят, что сейчас не до песен,
Но не говорят, что песенка спета.

Вздрагивает домик и падает лесенка,
Что-то там бабахает, слишком уж близко...
Маленькая Клио ведет свою песенку,
Слушает ее подвальная крыска.

Слушает и плачет.

11.04

Посадил дед войну.

И говорит:

– Расти, расти, война, горька! Расти, расти, война, крепка!
Выросла война горька, крепка, большая-пребольшая.

Пошел дед войну тянуть: тянет-потянет, вытянуть не может.
Позвал дед контрактников.
Контрактники за дедку,
Дедка за войну –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвали контрактники срочников.
Срочники за контрактников,
Контрактники за дедку,
Дедка за войну –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвали срочники призывников.
Призывники за срочников,
Срочники за контрактников,

Контрактники за дедку,
Дедка за войну –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвали призывники все мирное население.
Продавщиц там всяких, маникюрщиц, менеджеров, переводчиков:
Чтоб вытянуть войну, и до мышей дотрахаешься.
Мирное население за призывников,
Призывники за срочников,
Срочники за контрактников,
Контрактники за дедку,
Дедка за войну –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвало мирное население Господа.
Господи, говорят, Господи,
Ну за что нам это, хорошо ведь сидели,
Ну не очень хорошо, но в целом терпимо,
Вытяни нас отсюда, надорвемся.
Ведь вытянем сейчас эту войну проклятую –
Да сами на ней и подорвемся.
Приди, ей, Господи, и не замедли.

А Господь посмотрел на всю эту возню –
– Да Я бы и пришел, так опять же распнете.
А Я же тоже живой, Мне же тоже больно.
Впрочем, Мне не привыкать.
И Я же уже.
Забиваю вам стрелку, например, в Мариуполе.

22.04

Ирма Заубер

Певица, поэтесса, писатель, композитор и художник.

*Родилась на Арбате в Москве. Преподаватель живописи
и вокала в Лос-Анджелесе*

Война

Пусть крики детей нам здесь не слышны,
Тревога воет не нам...
Не говори мне, что нет войны –
Ты это знаешь и сам

Она идет уже по пятам,
Приносит черную весть ,
И нет войны, которая «там» –
Есть та, которая «здесь»!

И можно выпить, и сесть за стол,
Сказав «не наша вина»!
Но кто-то – там в небеса ушел
И это – и есть ОНА.

И можно спокойно жить до седин,
Ведь виноват – не ты!
Но чей-то ребенок бредет один,
А чей-то – уже цветы...

И снова кровавый дым вдалеке,
И день рассвету не рад,
И чья-то мать в этом черном мешке
И чей-то отец и брат...

И силы крепов из старины
Не выбиты – вот беда!
Не говори мне, что нет войны
Она теперь навсегда.

26.03

- Ну, как дела? Говори скорей! У вас там уже весна?
Ты меня слышишь?
- Слышу, Андрей... знаешь... у нас война!
- Погоди... она ведь на той стороне! Америке не вредит.
- Нет. Она не в другой стране... я чувствую... здесь смердит...
- Ну что, в самом деле, вселенская боль, всех норовишь спасти!
- Не знаю... видно, такая роль – другой уже не найти.
- Ну, как там дочь? Я уже устал от этих всех перемен.
- Ты видел Киру? Ты стих читал? – не пожила совсем...
- А там могилы, холмы, холмы... на сколько хватает глаз...
- Ну что ты плачешь? Это не мы! Это не в первый раз!
- Ты лучше внимание – на семью, работу и жизнь прожить!
- Когда убивают не дочь твою, всегда легко говорить...
- Ну вот опять! Хоть совсем не звони! Здесь у нас круговерть...
- А у меня кошмарные сны... и ходит по дому смерть...
- В общем, я понял, темы не те! С тобой говорить – беда...
- Жизнь балансирует на черте... и ни туда ни сюда...
- Пати у дочери, завтра урок... подорожал бензин...

Полярные точки... в трубке щелчок.

«Минус еще один».

26.04

Я – Ганна из Бучи
Мне было пять.
Я очень хотела пойти погулять...
В подвале холодно и темно,
И даже снега не видно в окно,
И мишку взять – что лежит под столом
Но эти трое пришли в наш дом...
Теперь я порезана на куски
Они сложили нас с мамой в мешки
И просто выкинули в окно
Я – Ганна из Бучи... и мне темно.

А мне – семнадцать, уйти бы рад,
Но мать больная, и маленький брат
И я хотел принести воды
И дома почти не осталось еды...
Мне прострелили обе ноги
Вырезан глаз и не видно не зги
В страшном мешке и без света дня
Я – Миша. Похороните меня!

А я – Олеся... мне сорок шесть
Я вышла, чтобы купить поесть,
Сумка с картошкой, булка и сыр,
Тело – бесформенное от дыр...
Так и оставили здесь лежать
Лишь срезали уши – чтоб серьги взять...
И тыкали мне сапогом поддых...
Олеся из Бучи – я мать троих.

Я вез детей и жену в село
Остановили – не повезло
Не видим неба, не слышим птиц
Теперь мы мясо, и нету лиц,
Жена молилась, но бог не спас
Пожалуйста, похороните нас!

А я – Олена, мне двадцать два
И мне все кажется – я жива!
Мне надо на Пасху ехать к сестре,
И свадьба – осенью, в сентябре,
Но черная злая пришла беда...
Война ведь кончится, правда, да?
А их – смеющихся – было пять
Они устали меня держать.
Они застрелили меня в лицо
И сняли бабушкино кольцо
Теперь лежу в одном башмаке
Олена из Бучи – в черном мешке.

Я вижу, как все они здесь лежат
Михайло, Олена, мама и брат,
Раскинув руки, и на спине,
Кто-то – в подвале, лицом к стене,
Дети с игрушками и старик...
А в горле тонет и плач и крик
Больше не смыть этот тяжкий грех
Я рассчитаюсь за них за всех!

Вам не удастся теперь сбежать
Будь вас хоть сотня, хоть три, хоть пять,
Всем вам, проклятым, гореть в аду...
Я – ПРАВОСУДИЕ! Я – ПРИДУ!

05.04

Николай Караев

Родился в 1978 году в Таллинне, где и живу. По образованию – бухгалтер, по профессии – советник евродепутата и переводчик, по призванию – сочинитель. Написал и опубликовал сколько-то рассказов, перевел два десятка книжек с английского, эстонского и японского, издал сборники «Безумное малабарское чаепитие» (стихи) и «Трилистники» (тексты о фантастике).

Люблю викторианство, Достоевского, иероглифы, дожди, историю и много чего еще. Времени на все не хватает

Откровение

а ведь когда-то я воображал
и эту битву в вышних небесах
и конь войны невыносимо ржал
и тень беды качалась на весах
святые смиренно принимали бой
святые смиренно принимали боль
земли уже не чужа под собой
плацдарм держали миллионы воль

и дан сигнал был смертью на кресте
и этой битве двадцать сотен лет
и каждый бьется слепо в пустоте
где света и тепла простыл и след
и кто-то принимает эту боль
и кто-то принимает этот бой
и прекращает вечный злой гиньоль
и забирает бой и боль с собой

история похожа на спираль
и с каждым кругом толща все мерзей
и сентябрю наследует февраль
но пешки обращаются в ферзей
на поле желтом в выси голубой
горит Иосафатова юдоль
и там сегодня принимают бой
и там сегодня принимают боль

11.03

Дверь Победы

В этих местах не проводят парад. Они обставлены без затей.
Вокруг разбиты парки с фигурами мишек, мышат, ежат.
В будке скучают солдаты, вход круглосуточно сторожат.
Сюда, конечно, ходят туристы. Учителя приводят детей.

Вот она, дверь, одна из семи. Раскрашена желтым и голубым.
Надписи: «Слава Україні!», «Замочен Всортире», «Деда, ты как?»
Рядом – военный мемориал. В цветах раскуроченный автозак.
Подле киоска с мороженым спит на траве сектант-пилигрим.

Здесь продают билетки счастья: выиграй денежку, гада сотри.
Часто люди плюют на землю – это уже почти ритуал.
Годы идут, камеры ждут сигнала о том, что настал финал.
Дверь, одна из семи дверей, если откроется, то изнутри.

Даже в закрытых группах фантастов устали гадать, когда и где.
Ходят слухи, что все туфта, что он сбежал, изменив лицо,
или что он пал смертью храбрых, взятый врагами России в кольцо,
или что он погиб, и воскрес, и ушел от нежити по воде.

Но он, конечно, все еще там, за одной из этих семи дверей.
Может быть, в окружении свиты, а может, бродит по залам один:
загнанный в подземелье дряхлый немый злой господин
украинской степи, хозяин тайги и властелин британских морей.

Он, конечно, все еще там. Может, глядит в перископ порой
на пилигримов, солдат, детей, которые и не вспомнят о нем,
на мир, который живет, смеется, гуляет, болтает о чем-то своем,
на всех, кто ему не сдался. Кто принял и выиграл бой.

26.03

Тень Победы

Победа стоила свечей,
непохороненных костей,
бессонных огненных ночей,
смертей,
смертей,
смертей,
смертей,
и, побеждая эту Тень,
вбивая эту Тень в гранит,
никто не мог представить день,
когда Победа отомстит.

Убит дракон и расчленен,
развеян в тысяче полей,
героям – храм, алтарь, канон,
струится по мощам елей,
сверкают всюду образа,
священны дни, победны сны,
и гордостью блестят глаза
сынов, не нюхавших войны.

У них особенная статья:
людей от Тени защищать,
сердца от Тени зачищать,
в святую веру обращать.

Они особенный народ,
Господь благословил их род,
и если есть меж них урод,
ему отключат кислород.

Обидчик будет стерт как вид,
но с ними Бог, и Он простит.

Победа искупит вину,
иначе мир пойдет ко дну.

И марширует по полям
отряд обиженных мессий,
и страстно молится кремлям
в тисках обид и амнезий,
и в каждой раненой груди
(таков Господь, таков Закон)
взрастает Тень, и бередит
сынов Победы их дракон.

Предать Победу и продать
ее за злость, за гнев, за боль
смогли кумир, убийца, тать,
маньяк, священник, шут, король.
Сменились знаки на щите,
где был орел, там стал медведь,
и ересь – лгать, что может Тень
народ Победы одолеть.

Но те, кто изгоняли Тень,
вбивая эту Тень в гранит,
не думали, что будет день,
когда Победа отомстит,
день злых чертей, кривых путей,
готовых сжечь весь мир властей,
непохороненных костей,
смертей,
смертей,
смертей,
смертей.

01.04

Вагонетка

последняя стрелка последняя ветка
военная русская вагонетка
режет всех кто ничком на рельсах
с руками связанными за спиной
по славной дороге в край неземной

внутри вагонетки в форме военной
люди наружности обыкновенной
не успевают в ближнего целиться
как различить на таких скоростях
сколько нацистов на здешних путях

стрелочник постановил же указом
каждый грешник да будет наказан
сам виноват оказался на рельсах
будь он старушка или младенец
от ангельских пуль никуда не денется

край неземной между тем ну вот он
вымолен выстрадан заработан
сверху написано НЕ НАДЕЙСЯ
надежда с простреленной головой
лежит вперемешку с землей и травой

в самом конце последней ветки
военная мертвая вагонетка
застыла на плавающих рельсах
когда Бог умер от выстрела в спину
в попытке любовью спасти Украину

03.04

Черная Пасха

не таясь перед самой пасхой сегодня
богоносец фасует тело господне
селезенку печень желудок почки
аккуратно нарезаывает на кусочки

аккуратно крутит под звуки марша
мясорубку чтоб вышло побольше фарша
чтоб побольше им начинить снарядов
чтоб убить нацистов подонков гадов

говорят клочок мертвой божьей плоти
хорошо детонирует при подлете
превращает врагов в биомассу в мясо
за Кристину Жук за детей Донбасса

аз воздам говорит богоносец гордо
за орду москаляк колорадов орков
аз воздам и Харьков и Одессе
сдохни сдохни сдохни

христос воскресе

23.04

Геннадий Кацнельсон

Родился в Днепрпетровске, живет в Дюссельдорфе

Мы привыкаем, как крысы, к любому. Кто-то не скоро, другие быстрее. К войнам и к голоду, к смерти и к боли. Мозг хочет выжить. Ты тоже сумеешь. Сначала думать на разные темы. Потом говорить, потом улыбаться. Ты же физически будто был с теми, кто умирает от «русского братства».

Только вчера еще руки сжимались так, что на них словно лопались вены. Нет, это все еще тоже осталось. Но, черт возьми, уже губы без пены. Но, черт возьми, уже дышишь спокойно. Нет, не спокойно, но ты уже дышишь. Мозг хочет выжить. А рвется, где больно. Боже, коль есть ты – услышь мя, услышь мя.

Сделай же так, чтоб моя Украина – та, что недавно лишь стала моею, – выжила. Дай же добра ей и мира. Ты уж прости, я молить не умею.

Я не могу ни молить, ни молиться. Но я молю: помоги Украине! Мы ко всему привыкаем, как крысы, но помоги ей! И присно и ныне.

11.03

Я чищу зубы, хожу на работу.

Я весь в делах.

Мне друг написал: У нас шесть «двухсотых».

И что!? И как?!

Я что-то стараюсь. Беженцы, деньги...

Не сплю почти.

Но это не я стою в той шеренге,

Из тех шести.

Ребенок затравленно смотрит в небо,

Услышал звук.

А я с ребенком под бомбами не был.

Не хватит рук

Обнять их всех, заслонить всех собою.
Сберечь, спасти.
И я беззвучно в бессилии вою.
А должен мстить.

Я чищу зубы, хожу на работу.
Дела мелкие.
Мой друг мне пишет: у нас шесть «двухсотых».
А я – стишки.

Геннадия отвечает его друг из Украины **Алексей Розумов**,
боец ВСУ:

Когда-то я сам так считал: вначале
Завидовал тем,
Кто мне на вопросы мои отвечали
Военных тем.

Стараюсь теперь избежать увечий.
Пока не остыл.
Но очень важны, кто тебе обеспечит
Надежный тыл.

Без них ты никто и твоя отвага
Не стоит гроша.
Поверь, что порой не пустая фляга
Важней калаша.

Без оптики, брат, твое дело пустое
В ночи без глаз.
Лишь время тебя отделяет от боя
В последний раз.

И если ты знаешь – жена и внуки
В другой стране,
То значит, твои развязаны руки
На этой войне.

Поэтому брось горевать и терзаться.
По мнимой вине.
С тех пор, как решил ты со мною связаться,
Ты сам на войне.

30.03

Еще одно стихотворение **Алексея Розумова**:

А в мае эти... вспомнят про войну,
О городе-герое Ленинграде,
О том, как город умирал в блокаде
И выстоял, прославивший страну.
Дорога Жизни ночью под артой,
Простреливался каждый километр.
И Шостакович в трубы и гобой
Вложил всю скорбь и ненависть об этом.

Но эти тоже вспомнят про войну
И тоже про жестокую блокаду
«В автобусы стрелять, молю, не надо!
Там жизни тысяч мирных на кону!»
Но тех, кто свой блокадный Ленинград
По старой моде называют – Питер,
О милости сегодня не просите.
«Дорогу Жизни» накрывает «Град».
И это вам не город на Неве,
А Украина. Щедро было, скупое ль,
Но вам дарил когда-то Мариуполь
Азовский берег в теплой синеве.
Блокада. Пятна крови на снегу.
Роддом в огне. Расстрелянный прохожий.
Ты это все простишь им, мудрый Боже?
Я – нет, до самой смерти не смогу.

11.03

Ксения Кириллова

*Писатель, поэт, журналист, эксперт американских
аналитических центров, живет в США*

Война обнажает бездну открытых душ,
Вскрывает нас догола, словно трупы в море.
Она научает жизни в своем аду,
Где рваный подвальный сон и паек убогий.

Война обнажает запах открытых ран,
Вскрывает, как пахнет гарь на сожженном теле.
Она научает нас, что такое рай –
Увидеть рассвет и проснуться в своей постели.

Война обнажает подлость во всей красе –
Трусливую ложь, укрытую за речами.
Она научает нас, что такое «все» –
Все те, что, конечно, знали, но промолчали.

Война обнажает ангелов во плоти –
Водителей-женщин, уставших, немного резких,
Что едут по минам и гибнут порой в пути,
Наверно, устав и вернувшись в свой сад небесный.

Война научает нас, что такое Бог –
Задиристый парень, выведший из подвала,
Встречающий в кущах приютов и синагог,
Творящий уют на холодном полу спортзала.

Война научает ждать, как никто другой,
Она приучает верить, не ждать ответа,
И снова молиться за наших людей-богов,
Таких же, как мы, беззащитных на фоне смерти.

21.05

Россиянам

Если в огненный час агонии
Вам предъявят за все счета –
Не твердите, что вы не поняли,
Или поняли все не так.

Про раскаты сирен над крышами,
Про последний кусок пайка –
Не кричите, что вы не слышали,
Что не видно издалека.

Про оставшихся под завалами
И про холод подвальных стен –
Не внушайте нам, что не знали вы,
Что поверили вы не тем.

Про ракеты, что мчатся по небу,
Про разорванные тела
Вы, конечно, солжете что-нибудь,
Объясняя, что не со зла,

Что политика – дело черное,
Что сегодня никто не свят,
Что мы все виноваты поровну,
Коль в окно залетит снаряд...

Но когда чернота рассеется
И расступится долгий мрак,
Не твердите, что вам не верится,
Что вы думали – все не так.

И когда отшумят пожарища
И пробьется в золе трава –
Не просите у нас о жалости,
Не расходуйте зря слова.

Не надейтесь, что станем братьями,
Что когда-нибудь все пройдет.
Полусвастикой, как проклятием,
Заклеймили вы весь народ.

И никто не склонится к горестям
Ваших жалких гибридных бед,
Когда в огненный час агонии
Вы дадите за все ответ.

28.03

Мариуполь

Это смерть ползет по стене,
Не узнать ее невозможно.
Тень ложится на талый снег,
Незаметно скользя к подножью;

Детский крик заглушает свист,
Фейерверком взлетают стекла...
Смерть задумчиво смотрит вниз
И сбивается вновь со счета.

Просчитайся – хотя б на метр!
Проскользни серой тенью рядом.
Зимний воздух горяч и светл
От летящих вокруг снарядов.

Мы теряемся в пустоте,
Исчезаем в подвальной нише.
Вот уже не осталось стен,
Только смерть, как и прежде, ищет,

Тянет пальцы свои в окно,
Задевая косой ступени.
Мы виновны пред ней в одном:
В том, что мы родились «не теми»;

Не склонив своей головы,
Не скормили страну убийцам...
Мы, наверно, уже мертвы,
Мы теньями скользим по лицам.

Город-призрак, город-герой,
Закопченный в костях и тлене!
Мы в тебе прорастем травой –
Самой первой травой весенней!

Мы родимся в твоих цветах –
Одиноких цветах на саже,
Мы впитаем всю боль и страх,
Сквозь века про нее расскажем,

Чтобы пришлые палачи,
Оккупантов трусливых банды
Нас встречали потом в ночи
На осколках своих снарядов.

Чтобы видели в каждом сне
День, когда к ним придет квитаться
Смерть, ползущая по стене
И считающая на пальцах.

07.04

Разговор с ребенком

И снова не дали поспать с утра...
Родная, что же ты плачешь?
Это же просто такая игра –
Что с неба падает мячик.

И вновь недолет, и опять не в нас –
Видишь вот, мы везучие.
А это не дым и совсем не газ,
Лишь небо покрыто тучами.

Давай мы сыграем в прятки теперь –
Вон видишь, там ямка вырыта.
Я просто закрою за нами дверь,
А ты молись, чтобы выиграть...

02.03

К Пасхе

Если правда, Господи,
Ты спускался в ад,
Видишь – там в песочнице
Два креста стоят.

Над песчаным холмиком,
Как на куличе,
Крест стоит надломленный,
Робкий и ничей.

Под березой гибкою
Проржавела сталь.
Детскою могилкою
Двор уютный стал.

И восходит буднично,
Словно смерти нет,
Над кровавой Бучею
Огненный рассвет.

Если правда, Господи,
Ты прошел сквозь смерть –
Как забыть нам прошлое,
Как его стереть?

Где елозя пальцами,
Бормоча свое,
Разрывало платице
Пьяное зверье...

Все, конечно, кончится,
Но скажи, зачем:
Детская песочница,
Дворик и качель?

Только тьма ползучая
Пожирает свет
Над кровавой Бучею –
Там, где смерти нет.

22.04

Евгений Клюев

Российский поэт, прозаик и переводчик, лауреат ряда литературных премий. По образованию лингвист, Ph.D. С 1996 года живет и работает в Дании, где занимается преподаванием датского. Автор около тридцати книг. Произведения переведены на шесть языков

Маленький беженец

Очи наполнены темнотой,
а ведь ничуть не угрюм!
Это кузнечик такой золотой
из довоенных Сум –
вырезан, видимо, из фольги
ножничками для ногтей.
Скачет... Господь ему помощи –
сохрани хоть детей!

Милый кузнечик, скачи сюда:
тут тебя ждали давно...
книжки, игрушки, еда и вода –
все как и быть должно.
Скоро приедет твоя семья –
поезд уже в пути,
будете снова все вместе... Я?
Я из России. Прости.

Что ты... куда ты? Ведь мы не враги!
Но твое сердце – броня.
Маленький беженец, не беги...
не убегай от меня!

10.04

Что там гремит целый день напролет?

– Это, дитинко, по небу идет
Черный Полковник в больших сапогах
на деревянных ногах.

Матінко, а для чего нам такой?

– Видишь, дитинко, он машет клюкой?
Это, по-ихнему, значит привет,
полный привет... на весь свет.

Матінко, он к нам придет навсегда?

– Что ты, дитинко... конечно же – нет!
Он просто хочет у нас погостить,
деток огнем покрестить.

Нам бы с тобой добежать до реки...

ну-ка, давай-ка наперегонки!

– Матінко, чей это красный флажок?

– Польский, дружок.

01.03

потеряв в дороге поручь
палицу и щит
прилетела птица горечь
и молчит молчит
следом обещав не ранить
и молчать молчать
прилетела птица память
на устах печать
прилетела птица жалость
вместе с птицей боль
доблесть лишь не задержалась
улетела в бой
и к победе не готовясь
мимо всех защит
полетела птица совесть
и кричит кричит

04.03

Самая страшная – третья стража,
это когда рассвет.
В городе пепел, зола и сажа,
города как бы нет –
или же есть, но почти невидим:
все застилает дым.
Завтра мы из-под завалов выйдем –
может быть, разглядим...
Самая страшная – третья стража,
это когда потом
надо найти, где твой дом, – и даже
вспомнить, а был ли дом,
и разгребать, разгребать руками
спекшуюся золу
десятилетиями, веками... –
не уступая злу,
зная, что не навсегда руины:
пусть даже город пал –
Золушкой выпорхнет Украина
на королевский бал.

12.04

первая фаза войны
это когда
стоят холода
беда молода
горят города
врут без стыда

вторая фаза войны
это когда
приходит нужда
мужает вражда
горят города
врут без стыда

третья фаза войны
это когда
идите туда
не знаю куда
врут без стыда
врут без стыда

сотая фаза войны
это когда
врут без стыда
врут без стыда
врут без стыда
врут без стыда

20.04

Семен Крайтман

Родился в Одессе, с девяностых годов живу в Израиле

...на злобу дня,
а то ль на дня добро.
вот акварелью по́лно полотно.
морское и рассерженное что-то
на скалы сыплет пенную картечь,
гелиодор пытается протечь
сквозь облако.
украинская речь
слышна везде.
Кейсария.
суббота.
в порту битком,
нет места кораблям.
на гипподроме лошади стрекочут
копытами.
бьют волны по камням.
Великий Ирод
зарывает в почву
Аристобула, младшего,
за то, что
Аристобул продался москалям.
и птица лбом стучит в юго-восточный
весенний ветер,
в солнечную медь.
ударится, шарахнется, качнется...
и вновь стучит, и пробует взлететь.
в конце концов ей это удастся.

19.03

...ну все же надо что-то описать
шуршат часы, и время заполнять
в шагах их семенящих промежутков.
ну например:
взяв грифель и тетрадь
Жан-Жак, Жан-Клод, Жан-Поль идет гулять
на брег реки,
бродить и рисовать
купающихся барышень и уток.
по ходу начинается война.
войне сто лет.
война уже стара,
как серый воздух Нижнего Тагила.
Жан-Пьер рисует барышень и птиц
и тучи в виде божьих плащаниц,
чтоб туч среди, среди девичьих лиц
была тревога.
«получилось мило» –
он шепчет сам себе.
идет домой.
у дома, остановленный стрелой
английских лучников, засевших за стеной
монастыря,
он смотрит удивленно
на рану, на часы,
на электронный
их циферблат
и падает.
и тут
все ставят лайк.
меж тем часы идут,
вот он лежит, а вот они идут...
незыблемы, как будни почтальона.

20.04

Наталья Куликова

Художница. Живу и работаю в Иерусалиме с 2005 года.

Родилась и выросла в России, в городе Тольятти. Стихи пишу редко, хотя и с самого детства. В основном в самые темные или странные периоды жизни. Война в Украине – это настолько травматичное событие, время, что хоть как-то высказаться о «вот-этом-всем» получается порой только в рифмованной форме

Живу как всегда, дел всяких делаю кучу...
А в сердце дыра размером с убитую Бучу.
Иду на балкон курить, щелкаю зажигалкой,
А в груди дыра размером с разбитый Харьков.
Чищу зубы, спросонья выгляжу глупо,
А в душе дыра размером уже с Мариуполь.
Листаю ютуб, читаю всякую прессу,
А в голове дыра размером со всю Одессу.
Пытаюсь работать, но рисую плохо и криво ...
В организме сквозная дыра размером с Киев.
Дыра на вылет, дыра на просвет, рваная рана,
А выстрелы все летят, и летят с экрана.
Надо собраться бы, и написать картину...
Но вместо меня дыра размером со всю Украину.

26.04

Среди тысячи зол они выбрали мрак
Зачумленных бараков, служебных собак,
Добровольных доносов, закрытых границ,
И все падают, падают, падают ниц...
Перелетные птицы летят в никуда
И все каркают: «never more-door» – никогда!
Никогда не вернуться, кто смог улететь,
Кто умел только жить, размножаться и петь.
Нет, ни дьявол, ни черт, ни лукавый диббук
Не пожмут этих черных зигующих рук,
И контрактов кровавых на выкуп души
Впредь не будет в покинутой богом глуши...

10.03

Я – орк. Меня выковали в аду,
В бетонном котле стоэтажной лжи.
Я – орк – закопайте меня в саду,
Под яблоней в гробовой тиши.
Я – орк – моя плоть это дым и цинк,
Ходить меня научила плеть.
Я – орк – сам себе дух, отец и сын,
Я умею выть – научите петь!
Я – орк. Я иду из огня во тьму
Туда, куда меня гонит кнут.
Я – орк, я иду из тюрьмы в тюрьму,
Но где та тюрьма, где меня запрут?

25.03

Далеко-далече, в серенький каморке
Кормит мама сына – маленького орка:
«Ложечка за брата, ложечка за деда,
Ложка за беду, и ложка за победу...
Ложка за сестричку, что менты свинтили,
Ложка за синичку, что коты убили,
Ложечка за песню, и за перепост,
Ложечка за рожки, ложечка за хвост...»
Далеко-далече в маленькой каморке
Мама-орк баюкает маленького орка:
«Спи, усни, малютка, пусть тебе приснится,
Как воскресла песня, родина, синица,
Как живым вернулся брат, сестра, и лето,
И как нам не будет ничего за это».
Далеко далече в серенькой каморке
Обнимает мама маленького орка:
«Пусть тебе приснится
Радуга, свобода,
Будто бы родился
Ты другой породы,
Будто бы мы птицы,
Будто бы мы волки,
Будто бы мы люди,
А не злые орки».

29.03

Игорь Джерри Курас

Поэт и прозаик, редактор поэзии в литературно-художественном журнале «Этажи». Родился в Ленинграде, с 1993 года живет и работает в Бостоне. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат премии журнала «Textura» по прозе (2019), лауреат премии журнала «Сура» по поэзии (2019)

Главнокомандующий
нашей армии
отдал приказ убивать детей.
Я – противник насилия и всяких смертей,
но Родина – отнюдь не пустое слово:
если,
Родина,
ты,
готова –
мне не жалко уже
ни младенцев,
ни сирот.
Главнокомандующий –
великий Ирод:
он знает кого и зачем убивать.
Я – за Родину,
а Родина – мать.
Что ты плачешь над мертвым ребенком, дура?
Главнокомандующий – это фигура! –
это фактура,
железо,
твердь.
Не вой, успокойся! –
ведь эта смерть
во благо всеобщего дела мира.
Тесно в братской могиле, сыро.

Из танка вытаскивают пацана –
половина башки у него снесена,
а вокруг
уже
весна
весела
и тает снег у чужого села.

Мы, наконец, поднялись с колен –
все остальное – тщета и тлен.
Не считай убитых,
не нужен молебен.
Красные звезды на красном небе.
Это красиво, когда война:
забудь о смертях –
не твоя вина.

Нет!
не нужно бояться
детских смертей.
Посмотри, как удачно и ровно вырыт
этот правильный ров для грудных детей,
Родина!
Как прекрасен твой Ирод
в праведной буре своих страстей,
как озабочен он делом мира.
Как нарождается новый мир
из шрапнельных обрубков,
кровавых дыр.

Где же вас носит,
Мария, Иосиф?
Господи! Как же вам выжить.
Как? –
с сыном
единственным
на руках.

11.03

Посмотри,
как сгорают в огне войны
где-то в Харькове,
Мариуполе
все шмели твои, бабочки –
все они,
ни на что не пригодные, глупые.

Бормотал про смычок, про курсив в небесах,
и кувшинки в пруду тебя радовали;
посмотри,
как нелепо балконы висят
на сгоревших фасадах
под «Градами».

В этом адском огне,
в этом адовом дне,
в этом сне накатившемся издали,
всех расстрелянных,
тех,
на другой войне –
разбудили
и взрывами вызвали.

И они поднимают
за рядом
ряд,
оживая кровавыми ранами,
вместе с теми, кто жив
под обстрелом стоят:
с киевлянами –
киевлянами.

02.03

Я видел
много фотографий
шестилетнего пацана,
у которого мама умерла
от голода
в блокадном Мариуполе.
Ее закопали во дворе
и крест поставили самодельный.
Простой крест.
А малыш
ходит на могилу своей мамы
и носит ей что-то поесть.
Каждый день.
Кладет рядом с крестом.

Сегодня Благовещение:
Богородице Дево, радуйся,
Мария,
что не жила в Мариуполе.
Что не умерла от голода,
Что твой сын дожил до тридцати трех
и не носил на твою могилу
то, что хотел бы съесть сам,
но вот приберег для тебя,
для мертвой.

08.04

Александр Ланин

*Родился в Ленинграде, в возрасте шестнадцати лет переехал в
Германию, сейчас живет во Франкфурте-на-Майне*

Мариупольская мадонна

Идет мариупольская мадонна,
Идет босиком по снегу и пеплу.
А там в Москве закрыли Макдональдс,
И прям на глазах дорожают Эпплы.

Мадонну ведь тоже растили куклы,
Носили подарки зубные феи.

Снаряды летят сквозь небесный купол,
Но все это фейки, конечно, фейки.
Иначе не выйдет ни жить, ни плакать
По джинсам, мультикам, Кока-Коле.

Горит золотая ее заплатка
На кровью вымазанной иконе.

Бежит мариупольская мадонна,
Бежит из разбомбленного роддома,
От перевыполненного долга,
От пуль преступников и подонков,
Туда, где есть хоть немного света,
Где фронт от Киева до Одессы.

В Москве все равно не поверят в это –
У них там доллар по двести десять.

Бежит мадонна, несет младенца
Сквозь весь невымысленный звездеч, на,
Сквозь мрак и ужас, сквозь Петр и Павел...
Чтoб он вернулся и все исправил.

11.03

Предлоги

Когда российская армия вошла в Украину,
Я научился говорить «в Украине».
Это оказалось проще, чем выговорить: «спецоперация».
И намного проще, чем сказать своему ребенку слово «война».

Теперь, когда я умею говорить «в Украине», остался суший пустяк.
Осталось научиться говорить: «из России».

Человеку, чьи родители остались без крова,
Женщине, чей муж сражается в теробороне,
Ребенку с потерятой игрушкой, подаренной на польской границе.

Говорить свое «из» и держать в уме ответное «на».

08.03

Раз человецица, два человецица,
Ах, как мне хочется расчеловечиться.

Стать детским садиком, цадиком, циником,
Не называть геноцид геноцидиком.

Все это где-то за дымом, за тыном –
Трупы в песочнице, пули в затылок.

Вот вам картинки, идите, смотрите,
Артиллеристов в плен не берите.

Кто на детей там не смотрит в прицел?
Двадцать процентов? Тридцать процентов?

Мертвые люди по улицам корчатся,
Расчеловечиться хочется, хочется,

Хочется, хочется, хочется очень.
Очередь в рай – автоматная очередь –

Прет окровавленными воротами.
Есть оправдание? Нет оправдания.

03.04

Разводы

Однажды моя любимая дала пощечину ребенку,
И мы развелись.

Потом она утопила собачку.

(Я в это время бухал.)

Потом она ограбила бабушку,

Зарезала девушку,

Сожгла деревушку.

Но никто не разводится второй раз,

Третий,

Четырнадцатый,

Двадцать второй.

Я перестал платить алименты, начал заниматься спортом и купил себе новый пиджак,

Потому что на старом были следы ее губной помады.

Когда моя любимая окончательно превратилась в зомби,

Я вышел из запоя,

Взял ружье –

Старое охотничье ружье,

Которое подарила мне она

(Где-то между собачкой и девушкой).

Вот только не знаю, как правильно спустить курок –

Указательным пальцем руки,

Или все же большим пальцем ноги.

20.04

Дети

Сто шесть человек прибыли, тридцать четыре убыли.
Бабушки из Харькова, мамы из Мариуполя –
Без языка, без денег, без соцсетей,
С вопросами, запросами, с нервами, а не тросами...

Дети держатся.

Родители держатся за детей.

Коротко стриженный мальчик рисует деда Мороза, потом резко
штрихует черным.

– Что это? Бомба? Взрыв?

– Дядя, о чем вы? Это борода, – мальчик смеется из-под руки.

Ну и дураки эти взрослые... Ну и дураки...

Взрослые ищут платформу, хватают кофе, залпом выходят в сеть.

Дети держатся лучше них, держатся лучше нас, держатся лучше всех.

После четырех дней и ночей дороги:

– Мама, у меня устали ноги.

– Мама, я хочу спать.

– Мама, болит вот здесь...

Только этого ничего нет. А что есть?

– Дядя, меня зовут Вова, а тебя как?

– Можно бабушке водички? Дякую.

– Мама, не надо мороженое, дорого на вокзале.

– Переведите, будь ласка, что там сказали.

Поезд гудит мирным своим гудком,
Взъерошенной челкой, сломанным ноготком,
Заплетенной косичкой, мишкой в руке,
Кошкой в переноске, собачкой на поводке.

Это у взрослых нет ничего – паспорт и чемодан,

Еще зарядка, без которой вообще каюк.

А дети держат любой удар, они пластичнее, чем удар,

Они прозрачнее, чем удар, они как вода, журчат и поют,

Даже когда молчат, все равно поют.

Дети лечат страх, дети снимают боль.

Детям проще – мама с собой, значит все с собой.

Группа из десяти человек. Половина – глухонемых.

Волонтер-пакистанец не знает, кому поручить билет?

– Вот этой девочке.

– Но ей же двенадцать лет!

– Я говорил с ней, бро, она взрослее, чем мы...

Боже, вот я стою в белом своем пальто,

В бесполезном своем пальто, в самом тылу добра.

Боже, будь ласка, дай ей немного детства хотя бы потом,

Верни ей то, что сейчас забрал.

22.03

Можно говорить, что путь длиной в тысячу

Ли начинается с шага в пропасть,

Писать бессмысленные слова на проклятом наречии,

Стихийно собираться на митинги леммингов,

После четвертого пива переходить на язык оккупантов двадцатого века.

Освенцима и Хиросима – две сестры в разных падежах.

Вопросительный знак.

Ответ: можно.

17.04

Сизиф

Сизиф катит камень в гору,
Считает обороты – один, два, три.
Ему не надо на вершину, там он уже был,
Ему не нужна свобода, с ней он уже спал.
У него простая задача – успеть завалить пещеру.

Эти чертовы ангелы отвалили камень от входа,
И кто, кроме Сизифа, поставит его на место,
Пока Иисус не вышел.

Стой, – кричит ему Иосиф.
Стой, – храпит во сне Пилат.
Трижды стой, – шепчет тезка Петр
(Тезка камня, не Сизифа).

Сизиф катит камень в гору.
И ангел в белой одежде быстро перебирает ногами,
Как на барабане с поручнями, на старой детской площадке, в
прошлой жизни,
Словно бежит к будущей.

К той будущей жизни, которая спешит к выходу из пещеры
Со скоростью духа,
Со скоростью праха,
Со скоростью человека.
Ей надо быть там раньше,
Ей обязательно надо быть там раньше, чем Сизиф.

25.04

Анастасия Лукомская

Поэт и художник из Москвы, выпускница Литинститута и студентка Школы фотографии и мультимедиа имени Родченко. Член Союза российских писателей, автор книг «Стихосоматика», «Зеленая Рыбка», «Внутри игры» и психоделической поэмы «Тайна Кристальных Миров». Лауреат фестивалей «Ми́ры», «Всемирный день поэзии», «Каэромания», финалист конкурса видеопоззии «Невидадь». Куратор Поэтической лаборатории, посвященной видеопоззии. Редактор издательства Dream Management. В настоящее время живет в Абу-Даби и работает с визуальными медиа, такими как фото и видео

Настоящие люди
Генераторы новых смыслов
Сами ищут ответы
В пути набивая шишки
Копии ищут готовых решений
Боятся риска
Подставляя свой мозг
Для удобной чужой прошивки
Разработчики
Трансформаторы бытия
Смотрят в будущее
Мечтают всегда о большем
Подражатели
Говорят: а при чем здесь я?
И на каждый кейс
Оправдание находят в прошлом

Сквозь границы условностей
Контрабандой выносят правду
Взломщики матрицы
Не согласные жить по лжи
Одинаковые
Делают все как надо
Загоняя дубинами
Себя и других в не-жизнь

Это война
Между нонконформизмом прогресса
И костлявой деменцией
Корчащейся от страха
Бесполезный упырь
Себе добавляет веса
Прикрывая лысину
Шапку Мономаха

Да хоть Гитлером нарядись
Обложись десятком икон
Из тебя ни фюрер не вырастет
Ни святоша
Новые смыслы
Пробивают любой кордон
Это необратимо
Пусть кажется невозможным

Бейся в конвульсиях
Истерично круши мосты
В гневе безумия
Обратись трехголовым ящером
В цивилизованном мире
Нет места таким, как ты
Одномерная копия
Всегда проигрывает настоящему

25.03

Эд Маркович

Родился и первые 33 года жил в Одессе. С 1990 года живу в Израиле в Ган-Явне. Работаю программистом, пишу стихи и многое другое, интересующее меня. Театр, джаз, опера, балет...

Нам дан был опыт, «сын ступенек трудных»,
Тревожной ночью прятаться в подвал,
Бессонный и бетонный гулкий ужас,
И ждать ракет. В ночной смурной гуаши

С детьми в руках под рев сирены трубный,
Со стариками, черт бы их побрал,
Таких медлительных и неуклюжих,
Неповоротливых, любимых наших...

Для нас война не может быть чужой.

01.03

Тень войны ложится на лица,
Затемняя следы эмоций.
Ты куда дорогая? Мыться.
Кто их знает, когда придется?

Страх войны ложится на шею,
Заставляя сердечко биться.
Ты куда дорогой? Влюбиться.
Кто их знает, когда успею?

Зло войны ложится на плечи,
Пригибая тяжелым камнем.
Вы куда дорогие? В вечность.
Может, маму еще застанем.

24.03

Девочка, девочка, что тебе снится?
Это не кошка, это куница,
Острые зубы.
Девочка, девочка, лес не игрушка.
У очага кашеварит старушка,
Острые зубы.

Дом, где ты не был, бой где ты не был,
Пепел Клааса сыпется с неба
Мертвым апрелем.
Черточки чертят черные черти
По белоснежью жизни и смерти.
День недострелен.

Девочка, девочка, как там в нежизни?
Холодно, холодно ныне и присно,
Сажа от дома.
Девочка, что ты, где ты, когда ты?
Орки на горке – это солдаты,
Сено, солома.

Рота за ротой марш оболванцев.
Девочка, девочка, нет твоих зайцев,
Нет твоих мишек.
Серой и спермой, грязью и рвотой,
Марш мародеров, марш «патриотов».
«Кровных» братишек.

05.04

Закрываешь глаза, а под веками плавают мины
Вместо прежних привычных текущих в беспечность кругов.
Не поможет Гомер, не осилишь и до середины
Длинный список чужих обращенных в труху городов.

В заповеднике зла мрачным филином ухает пушка,
Поминая баском чью-то мать и свя-то-го от-ца.
В заповеднике снов детский голос: «Кукушка, кукушка...»
И опять. Сорвалось. Не успел. Доспросить. До конца.

20.04

Вера Павлова

Канада

Крошечные молочные,
большущие коренные...
С будущим ставки очные –
улыбки детей. Смешные
зубки – ступеньки лесенки.
Сласти. Игрушки. Обновки.
Колыбельные песенки.
Ковровые бомбардировки.

28.02

одним врут
другим «Град»
и ты Брут
и ты брат
слепой крот
пахан блох
весь мир ждет
чтоб ты сдох

01.03

Вы – ура-патриоты,
я – увы-патриот.
Что оставила? Ноты –
шкаф зачитанных нот, –
пианино, могилы,
маму, книги, дела.
Сердце? – нет, прихватила.
Душу? – нет, увезла.

07.03

Деточкам и прадеточкам
теплый маленький дом
собирали по щепочкам,
чепчикам и пинеточкам,
вазочкам и салфеточкам,
сказочкам, скрипочкам, скрепочкам...
Раздавил сапогом.

08.03

Левый плачет об одном,
правый – о другом.
Левый: взорван детский дом.
Правый: где мой дом?
Не кори слезу, слеза.
Колокольный звон,
научи мои глаза
плакать в унисон.

26.03

Не говори: я стреляю мимо.
Пуля не дура – летит до конца.
Выстрелишь в небо – убьешь херувима.
Выстрелишь в землю – убьешь мертвеца.
Птицу. Крота. Стрекозу. Полевку.
Пуля не дура – найдет себе цель.
Не слушай комбата – бросай винтовку.
Послушайся маму – забейся в щель.

26.03

Спросит внучка, спросит внук:
Как ты воевала?
Я полку друзей-подруг
плакать помогала.
Спросит кто-нибудь из них:
Как ты победила?
Я любимых-дорогих
имена твердила.

27.03

Кто в подвале заках?
Кто под землю несет
девочку на сносках,
раненую в живот?
Кто при свете свечи
жизнью должен истечь?
Все, стишок, замолчи.
Тут кончается речь.

06.04

На фотографии –
маленький мальчик,
под фотографией –
плачущий смайлик.
Легкая лодочка.
Храброе бегство.
Зоркость наводчика.
Вечное детство.

08.04

Там, далеко – война.
Тут у меня – войнушка.
Я дезертир. Цена
вишам моим – полушка.
Тут, на земле чужой,
в самом затылке тыла
перехожу на вой,
что бы ни говорила.

13.04

эолову арфу
насилует ураган
марию и марфу
насилует уркаган
простим подрифмовку
немалое мастерство
петь под минусовку
сигнала воздушной трево

14.04

Догорают купель и купол.
Ты не смотришь в глаза беде?
Умирающий Мариуполь:
Богородица на кресте.
Плачут Иоаким и Анна.
Сын снимает Ее с креста.
Между ног – рваная рана.
Ты не веришь? Вложи перста.

21.04

Говорит (привет И.Б.)
сыну мать:
Крест пылает. Как тебе
воскресать?
Отвечает: Бог с тобой!
Аз есмь путь.
Мне ведь, мама, не впервой.
Как-нибудь.

22.04

Сердце, слезами залей
пламя пасхальной свечи.
Кровью убитых детей
Враг окропил куличи.
Ангелы сбиты с пути.
В колокол бьет ПВО.
Ныне Воскресший, прости:
для радости сердце мертво.

24.04

Единственный твой сынок,
защитник, помощник, друг
с вокзала придет без ног,
обнимет тебя без рук,
наполнит стакан без дна,
без глаз оглядит подвал
и скажет: была война,
и я ее проиграл.

28.04

Дарья Пиккель

Из России, сейчас живу в Чехии (я очень много переезжала, поэтому не могу сказать, что происхожу из какого-то определенного города). Преподаватель иностранных языков и многодетная мать. Пишу стихи и прозу с девяти лет, увлекаюсь рисованием и музыкой

И как теперь без политики,
Вы, диванные критики?
Ведь за окнами митинги,
А на танках – не викинги.
И над Харьковом, Киевом,
Над Одессой, Черниговом,
Над Днепром с его птицами,
Над своими станицами,
Над пустыми бульварами,
Над немymi базарами,
Над землей Незалежності
Страшные в неизбежности
Наши бомбы летят
И летят
И летят
И летят
И падают...

13.03

Давид Полынный

*Родился и вырос в Киеве, сейчас живет во Флориде.
Учился в Белорусском политехническом институте
(БПИ) на факультете архитектуры по специальности
градостроительство. В 1970–1971 годах был членом команды
КВН БПИ, которая стала тогда чемпионом СССР. Двадцать
четыре года работал по специальности в Минске. В 1995 году
эмигрировал с семьей (женат, двое взрослых сыновей) в США.
Со временем стал профессионалом в области программного
обеспечения. Стихи писал с детства, но по приезде надолго
замолчал. Вернулся к стихам несколько лет назад*

Все живое бесценно, и нет святей
Каждой жизни, и этих солдат-детей,
Злобной волею посланных на убой
(Это делать когда-то умел рябой),
Будет жаль нам, но душу зажав в тиски,
Содрогаясь от ужаса и тоски,
Мы ликуем, когда оккупант убит,
Ибо труп не стреляет и не бомбит,
Ибо труп гарантирует – будут жить
Те, кого бы в гробы он сумел сложить.
Одного не убьет он, а то и двух,
Потому что раньше испустит дух,
Потому что сам он умрет сперва,
Будут живы они, и один, и два...
А потом, когда он перестал дышать,
Когда жить живым перестал мешать,
Вот тогда, наверное, вот тогда
Станет жаль его, жаль его, это да...

25.02

У девочки в Мариуполе есть мама и есть свой дом.
И жизнь у маленькой девочки идет своим чередом.
В куклы играет девочка, смотрит она кино.
Русский солдат из танка целится ей в окно.
Он отрывает руку ей, он убивает мать.
А дипломат разъясняет нам, как это понимать,
И журналист взволнованный, захлебываясь слюной,
Нас учит, что мать на русских хотела идти войной.
Но танки успели вовремя, успели едва-едва.
Россию спасли от матери, но девочка все жива.
Что мама шепнуть успела ей? Они же не дураки.
Им надо стрелять по девочке, по девочке без руки.

20.03

Когда экипаж корабля заражен чумой,
Там команда и шкипер путают нос с кормой,
С криком «Полный вперед!» налетают на скалы задом,
Там зачумленные лечат тех, кто еще здоров,
И на реях весело вешают докторов,
Наполняя стаканы граненые трупным ядом.

Не беда, что свихнулся боцман и кок угрюм,
Не беда, что свежих покойников полон трюм,
Надо выкатить экипажу бочонок рому.
Где чума, там, как раньше водилось, и пир горой,
Натурально, как в песне, там каждый второй – герой,
Скоро – в трюм на побывку и первому, и второму...

А куда кораблю? Похоже, что никуда.
От него врассыпную шарахаются суда.
Корабельные склянки зашлись в похоронном звоне,
И на сушу не выйти, поскольку от корабля
Из последних сил шарахается земля.
Вся планета почти задохнулась от трюмной вони.

22.03

Молча идут саперы от хаты к хате.
В детских качелях, под яблоней, на кровати –
всюду подарки для взрослых и для детей.
Щедрая братская армия не скупится.
Медлят саперы, им лучше не торопиться
и разыскать сувенирный набор смертей.

Молча дерюгу накинута на чье-то тело.
Тело вчера еще было живым и пело.
Тело по-братски разорвано на куски.
Сердце мертвеет от боли у тех, кто живы.
Белым и розовым вишни цветут и сливы,
чтобы рассудком не тронуться от тоски.

Слабенький стук раздается из ближней хаты.
Двери распахнуты. Молча глядят солдаты.
Стенка избы испохаблена буквой Зет.
Бог наблюдает с упавших на пол иконок,
как из подвала выходит седой ребенок,
словно на вымысел щурясь на божий свет.

27.05

Анна Русс

Поэт, сценарист, музыкант. Лауреат всероссийского и финалист международного поэтического слэма в Париже в 2021 году. Лауреат всероссийских премий «Дебют», «Триумф молодежи», «Звездный билет», «Живая вода». Участник международных книжных ярмарок и фестивалей. Родилась в Казани. Временно не имеет постоянного места жительства

Говорят, на руинах Изумрудного Города вырос лес
Там дубы и сосны поднялись до седьмых небес

Над головой земляники качаются
и трава до плеча
Прорастает через обломки желтого кирпича

И кусты стеной
И как жернова цветы

Говорят, их вырастили дриады
Лиственные и хвойные
Знойные
Нечеловеческой красоты

Дочери ада
Пророщенные в аду
Единственные в роду
Зачатые в том году

Когда дуболомы Джюса с татухами на сучках
Изнасиловали всех девочек в зеленых очках

09.04

...А сколько было тех кто не ушел
А сколько тех кто косяки не красил
А тех кого во тьме не досчитались
А все-таки набралось на народ
Но говорят что не войдет никто
Ни тот кто первым шел ни сзади плелся
Ни тот кто после первенцев сломался
Ни тот кто после крови на узлах
Ни тот кто упивался каждым словом
Ни тот кто обзывался шепелявым
А вот бы всех пустили кто до третьей
Включительно а после подождут
И только замаячат издали
Огни текущей молоком и медом
Припомнят всем кто кушал перепелку
Кто золотишко на тельца сдавал
13.04

Юлия Сианто

Рига, Латвия

Слушай, Бог.

Там, далеко на юге,

Моей подруге

Очень нужен ты.

У нее, понимаешь, были простые мечты:

Устроить в садик маленькую дочку,

Записаться, наконец, на йогу,

После работы гулять в парке подолгу,

Ну, и новый айфон – в рассрочку.

Слышишь, Бог,

Там, далеко на юге,

Моя подруга

Уже месяц плачет

И сходит с ума в подвале.

Не думая ни про какие айфоны.

Ее дочка молчит, почти не скачет,

Они вместе разбирают завалы,

Экономят заряд на телефоне

И делают холодный как бы чай –

Тем, кто с ними оказался в одном подвале невзначай.

Послушай, Бог,

Как там, под бомбами и ракетами,

С наставленными на нее пистолетами,

Моя подруга

С дальнего юга

Каждый день боится сегодня сделать свой последний вдох.

Смотри, Бог –
Я плачу вместе с ней,
Уже сорок дней.
Я не могу оставить ее одну.
Пожалуйста, не оставь ее и ты.
Ее дочку и ее мечты.
Прошу тебя, Бог – останови эту войну.
03.04

Дана Сидерос

*Поэт, драматург. Работаю иллюстратором.
Родилась в Казани, до 2018 года жила в Москве,
с 2018 нигде конкретно не живу, кочую по разным местам,
прямо сейчас в Португалии*

Лютый

1.

Больше всего это похоже
на новогодние праздники.
Все рассказывают, куда они поедут.
Очереди в магазинах,
стремительно пустеющие полки.
Знакомые приветствуют друг друга
одной и той же формулой:
«Береги себя, держись».
Родственники и друзья
звонят одновременно.
Ночью, как полагается, никто не спит.
На улице бахает и сверкает.

Нежные наши звери
переносят это с трудом:
держатся дальше от окон,
отказываются выходить во двор,
скулят от каждого взрыва.
Они не любили такое
еще на стадии настоящего Нового года.
Теперь, вероятно, и мы
к нему охладеем.

2.

Пишем друг другу «береги себя».
Я получила уже пятьдесят два сообщения
«береги себя».

Пятьдесят три сообщения. Четыре.
Я обещаю родным и любимым
беречь себя.

Покупаю миндальное молоко
без животных жиров,
консервантов и ГМО.

Ношу шерстяные носки,
мажу руки кремом, пью много воды.

Сигареты
с пониженным содержанием смол,
с двойным угольным фильтром
не купила.

Потому что я себя берегу,
а на пачке написано, что курение убивает.
Курение строит дворцы за наше бабло.
Курение атакует погранзаставы.
Курение едет на танках в чужую столицу.
Курение вышло из берегов,
отрастило клешни и жвальца,
пожирает мой мир,
не то что не скрываясь и не стесняясь,
а даже демонстративно
причмокивая.

Пятьдесят семь сообщений
«береги себя».

Я бросила, кстати,
как раз восемь лет назад,
когда это все началось.
Но это не помогло.

3.

Мои легкие
решили напасть на сердце,
в учебниках это называется
«вероломно напали».

А дело же не в вере.

Не в вере,
не в отношениях,
не в безопасности.

Просто я не могу ни без легких,
ни без сердца.

Я читаю каких-то умников,
которые пишут, да ладно,
пишут это небожно, чик и все,
пишут ты даже не заметишь,
просто будет у тебя одно большое легкое,
пишут нет никаких сердца,
печени, почек, желудка.

Скоро будут одни только легкие,
задыхающиеся,
истерзанные ковидом и табаком,
с подступающим раком.

24 лютого 2022, Одесса

Вьюн

Если нам нельзя
войну называть войной,
значит, связи разорваны,
нет теперь ни одной,
сдохла вся семантика.

Раз начавши ломать,
нужно двигаться до конца,
полумеры – для полудурка, а не бойца.
Для чтеца
золотого фантика.

Нужно просто смириться,
выпустить все слова,
все, что мы называли раньше,
переназвать.
Наблюдать, как птенец-глагол
верещит и ластится.

Смерть отныне и навсегда
буду звать вьюном.
Стыд – котенком, ракету – цаплей,
а страх – вином.
Позвоночник – лестницей.

Там, где цапля клюнула в бок,
прорастет вьюнок.
У цветка его белое платье, как мешок –
без манжет и вытачек.

Сколько помню себя,
вьюн растет на моем крыльце,
обвивает лестницу,
лестница вся в пыльце.
Ждет, когда я выскочу.
15.03

Чтобы сделаться волком, куницей,
кабаном или барсуком,
нужно рыть на рассвете яму тайком,
лечь в нее целиком,
жадно есть и нахваливать
рыжей землицы ком.

Встанет солнце и скажет:
русский солдат,
оставайся тут,
тех, кого отрыгнула бойня,
нигде не ждут.
Позаботься о дочках своих,
не тащи к ним отца-мерзавца.
Не ходи домой –
стань тритоном, полозом, зайцем.

Чтобы стать осетром, судаком,
рапаном, морским коньком,
погрузи себя в Черное море
далеко за буйком.

Встанет солнце и скажет: О!
Молодец, боец, усвоил урок.
Был бездарный урод,
а нынче наоборот:
симпатичная афалина,
сиреневый корнерот.

Чтобы быть пеликаном, чайкой,
иволгой, глухарем,
вообще ничего не нужно:
просто прыгнули и орем.
Можно сбиться в красивый клин,
можно спеться в нестройный хор,
жить среди дубов и калин,
родников и гор,

пролетать над тем, что недавно город –
теперь только кровь и гарь.

Солнце встало давно:

превращайтесь в ястребов и гагар.

Возвращаться домой не нужно.

Для чего нам в доме убийца?

Начинай извиваться, ползать,

рычать, щебетать, ветвиться,

опылять каштаны и липы,

жрать мышей,

орать под окном в апреле,

чтобы кто-то босой выбегал в апрель

и сердился,

что разбудили.

04.04

Таня Скарынкина

Беларусь

Завтрак из ничего

Сейчас начнется самое интересное
я начну готовить завтрак из ничего
из малярш за дверью
из синичек за окном

из новостей со всех сторон
от которых заворачиваются кишки
и абсолютной тишины
изнутри

а когда наемся
буду ходить до беспамятства
и пытаться
проголодаться.

24.02

Пыль на сувенирной голове

Сегодня вытирала голову Будды
откуда такая пылица в доме
не понимаю

ведь танки
и БТР-ы
далеко от нас

а Будда запылится будто
стоит на краю дороги
так бы взял и бросился

под военную технику
путь перегородить
но у него туловища нет.

28.02

Письменные буквы

Такое бывает иногда
что в растерянном состоянии
забываешь в какую сторону
пишутся буквы «р» и «я»

и не только буквы но некоторые слова
в какой бок не разобрать с наскоку
движут за собой текст событий
когда ты целиком растерялся

вот как когда
началась война
я честно не сразу поняла
что это за понятие

войня
вонья
вон она
вон её.

25.02

Город

Стоит город а над ним
дым
это не картина не сон не бред
нет

этот город ни в чем не виноват
но ад
на него обрушили черти
смерти

почему за что никто не знает
а город пылает
но раньше чем он восстанет
чертям тошно станет.

03.03

Гроза над морем

Я впервые увидела скорпиона
на дорожке к морю
во время отдыха в санатории «Бердянский»
в городе Бердянск

там было самое лучшее Азовское море
голубое-голубое
и желтый-желтый
чистый пляж с круглыми раздевалками

говорили что грозы обходят стороной
это место
потому что там какая-то неподалеку
волшебная часовенка

но однажды гроза случилась
прямо в воду били молнии
я пошла купаться не без робости
чтобы проверить волшебство часовни

никто не шел по дорожке к морю
из санаторских как всегда
это бывает после полдника
но я увидела среди волн красный бант

флажок бесстрашия
капроновый с люрексом
на белых кудряшках
темных от воды

им повязывала волосы одна украинка
из санатория
на американский манер 60-х годов
очень стильно

поэтому я разделась и поплыла к ней
в теплой голубой воде
желтой от поднявшегося песка
и молния нас действительно не убила
и скорпион не укусил
хорошее было время
всегда вспоминала о нем с тоской
а сейчас особенно.

26.02

После новостей

я пошла в магазин
долго стояла перед товаром
неизвестного природе назначения
то ли еда то ли посуда
чуть не уснула ничего не купила
я вернулась ни с чем домой
что-то включила отвлеченное посмотреть
то ли кино то ли спектакль
то ли документальный фильм
не поняла о чем они там
на каком языке
тогда я отправилась в лес
синее небо высокие сосны
дятел стучит по стволу туки-туки
я обошла вокруг дерева чтобы его разглядеть
из-за яркого солнца не получилось
но что-то внутри шевельнулось живое
завтра опять пойду.

02.03

Когда-то на вокзале

А что я делала на вокзале
когда поросенка увозили из Сморгони
с воскресной ярмарки
в домотканом мешке?

Он его обмочил
пытался бежать
спотыкался и падал
громко плакал обижался

я его до сих пор как вспомню
так жалею
всех поросят жалею
всех нас живых в целом жалко

кого запихивают силой в разные обстоятельства
не спрашивая
честно говоря тошнит уже от этого всего
рвет вообще.

06.03

Серые худые

Худые серые
то ли вояки то ли волки
снятся мне ночь за ночью

я как только начинаю приглядываться
люди ли звери ли или оборотни
сразу убегают прочь

помню только слипшуюся шерсть на боках
и топот армейских сапог
по камням у ручья.

22.04

Ни-ни

Опять эта старая песня
теперь о веселом ни-ни
на небе морозный полумесяц
сияет но не веселит

потому что он точно такой
как в «Ночи перед Рождеством»
над милой сердцу Диканькой
от которой всегда был праздник

а теперь страдания
что теперь с Диканькой?
боязно представить
полумесяц там как и наш сияет

но не
веселит
теперь о веселом
ни-ни.

07.03

Лидя

Я ничего не знала про Лиду
кроме того что
она приезжала на лето в Португалию из Украины
печь сахарные пончики

их по пляжу в холодильных коробках носили
бразильские парни
и кричали на весь океанский берег
«Болаш берлин»

«мячики берлинские»
Берлинеры – одним словом
один мячик стоил евро
и он стоил того

размером в три мячика для гольфа
Лидя не только берлинеры пекла
но и многое всякое другое
и всегда угощала до отвала

вкусной украинской едой
и давала с собой
а когда решила вернуться навсегда на родину
то вечеринку устроила

для всех украинцев что жили в квартире
из шести комнат
каждый жил в своей комнате
я с ними ужасно дружила

мы пели вместе украинские песни
и они удивлялись откуда я столько знаю

а у меня тетя замужем за украинцем
на семейных застольях я их и выучила

и «Цвіте терен»
и «Іванко ти Іванко
сорочка вишиванка»
и «Червону руту» конечно

я Лиде говорю на прощанье
в дверях
«Лида как жаль что ты уезжаешь
ты такая хорошая»

отвечает Лида
глядя меня по голове
«Все люди хорошие на Земле»
и сейчас мы это видим.

15.03

Как сдувшиеся шарик

Снились пузатые самолеты
две штуки
низко-низко летят

еще ниже
еще
сейчас начнут бомбить

через мгновенье
вот-вот
стою в поле у редкого леска

над которым они снижаются
а они берут и падают беззвучно
как сдувшиеся воздушные шарик

это повторение сна из детства
я его сразу узнала
по свастике на крыльях

и по выражению морд самолетных
которых послали бомбить
но им сделалось стыдно

и они самоуничтожились
столько лет не снился этот сон
пугающий и обнадеживающий.

13.03

Добрые люди под землей поселились

Злое небо
черная земля
добрые люди
под землей поселились

а до этого ели
из неразбитой
фарфоровой посуды
в окна заглядывал мир

стрелы амурчики
во все стороны распускали
ждали отовсюду
только любви

пока чужеродные
солдаты не пришли
как вооруженные
орангутанги.

16.03

Ближайшее мирное время

Все мирное больше
не считается правдивым
я не понимаю отчего так с нами получилось
кажется что мирного никогда и не было

нет его тем более сейчас
начиная с конца февраля
с почти самого
конца зимы

но когда оно настанет
в ближайшее самое время
то хочется знать стопроцентно
что это навеки

вообще-то в стихотворении
пропущены многие
нецензурные выражения
практически через каждое слово.

22.03

Время страшного неба

Хорошего отношения к самолетам
уже не будет
и к вертолетам
уже не будет

хорошего отношения
к летчикам уже не будет
и к вертолетчикам
уже не будет

хорошо что папа был
землемером
а дедушка земледельцем
и прадедушка

и так далее
по убывающей
повезло в это страшное время
хотя бы с наследственностью.

26.03

Руки и лицо

Я смотрела
как военнопленных в телеге привезли
они лежали как манекены
их стаскивали на носилки
но в отличие от манекенов
они слабо охали
там все было не очень хорошо видно
что-то было с руками у одного
кости рук болтались как веточки
когда его вносили через узкие двери в больницу
руки задели за проем
боец ВСУ говорит
«руки уберите»
а они не убираются
и эти руки непослушные и черные
как обгорелые медузы
складывает ему на пузе
грязной тряпкой перевязанном
но лицо военнопленного не показано
у него скорее всего теоретически
должно быть самое обыкновенное лицо
«самое не для поля сражения,
не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо»
(«Война и мир» Лев Толстой)
в пятый раз недавно перечитала.

28.03

Огромная видная мысль

Шла и думала
одну только мысль
это была такая огромная мысль
без тени улыбки

что я вздрогнула когда на дороге возникли
какие-то прохожие навстречу
мне показалось что они эту мысль заметили
а ее не должно быть видно

вообще никакие мысли
не должны быть видны
поэтому я гуляю все больше когда стемнеет
в магазины хожу как можно реже

и это как правило магазины с едой
реже с одеждой
и это как правило сэконд-хэнды
в которых тоже уже почти ничего не покупаю.

10.04

Аля Хайтлина

*Педагог, переводчица, языковед. Родилась в Санкт-Петербурге,
с 2012 года живу в Германии, в Мюнхене*

Мы говорили:

– Этого не будет.

Так не бывает.

Но где-то в пять утра проснулись люди,

А их взрывают.

А их взрывают прямо на рассвете,

Средь мирных улиц.

И где-то плачут харьковские дети.

И где-то плачут киевские дети.

Они проснулись.

Мы говорили – нет, не повторится,

Смотри в учебник.

И чем теперь от этого отмыться,

Скажи мне, чем нам?

Малыш ревет, ему пока обидно,

Пока все рядом.

И те, из нас, кому это не видно,

И те из нас, кому это не стыдно,

Вы стали адом.

Да, это ты, ты метишь в пятилетку

Своим снарядам.

24.02

Четвертый день

Человеку внутри меня двадцать пять недель,
Двадцать пять недель я и хлеб ему, и постель.
И когда я сейчас рыдаю или кричу,
То чему я его учу?

Человеку внутри метро вот уже три дня,
Он не знает света, но знает запах огня.
Он лежит на полу, на пледике, а вокруг
Столько глаз и рук.

Человеку в убежище стало недавно пять,
Он уже научился в нужный момент молчать
И не ныть «мама, мультик» и «это не та еда»,
Дети быстро учатся, да.

Мне плевать, сколько лет человеку внутри кремля,
Но тотчас же должна расступиться под ним земля,
И в том месте, где это, надеюсь, произойдет,
Ни один росток не взойдет.

Пусть слюна его станет мылом, а кровь дерьмом,
На надгробье его напишут «и поделом»,
Ну, а дети – пусть дети снова сумеют ныть,
Это будет конец войны.

27.02

Восемнадцатый день

Вроде бы март, но он не везде,
Местами
Где-то еще зима на четвертом месяце.
Женщины с тяжелыми животами
Тянутся вниз по лестнице.

Два этажа, еще четыре пролета,
Холодно, холодно, дайте ей одеяло.
Помнишь, малыш, мы мечтали с тобой про лето,
Вот и весна настала.

Холодно, холодно, доктор, мне будет больно?
Тише, любимая, тише, попей.
Не пьется.
Слышишь, как колокол бьется на колокольне,
Слышишь, как сердце бьется.

Помнишь, мечтали шлепать с тобой по лужам,
Книги читать, валяться на покрывале,
Дети пинаются, дети хотят наружу,
Тсс, мы уже в подвале.

Помнишь, как мы друг друга поцеловали
Помнишь, как мы ходили с тобой с цветами,
Как же мы оказались
Там, где мужчины с песьими головами
Целятся в женщин с тяжелыми животами,
Как так случилось, заяц?

Холодно, холодно, дайте воды горячей,
Ишь ты какой, появился – и сразу сердится.
Тихо вы, слышите – новое сердце плачет,
Бьется новое сердце.

13.03

**Двадцать четвертый день –
для маленькой мамы, которой больше не страшно**

Жил-был мир, и в этом мире вравновес
Было горя и обыденных чудес,
Много счастья и, должно быть, много слез,
Толстый голубь во дворе клевал овес.

Кто-то кашлянул, а кто-то простонал,
Ветер зимний пробежал по простыням,
Жил-был дворик – самый лучший из дворов,
Где на кухнях занавесочки в горох.

Не открыточный, не пряничный, простой
То шумящий, то по-летнему пустой,
Этот двор тебя по имени зовет,
Этот мир, который больше не живет.

Дай мне руку, не теряйся, не шуми,
– Я с ребенком.

– Да ведь мы тут все с детьми.
Что ты схватишь, убегая от руин,
Что окажется единственным твоим?

С чем ты будешь ничего не понимать,
С чем ты будешь бесконечно вспоминать,
Словно сломанной мозаики кусок –
Детский зайка или бабушкин носок.

– Мы в порядке, мы доехали вчера,
Но пока гуляли только до двора,
Да, не кашляю, малыш уже здоров.

Толстый голубь, занавесочки в горох.

Новый мир, в котором сложно умереть,
Можно в небо безбоязненно смотреть,
Можно спать, не просыпаясь, – просто рай,
Только зайку, если сможешь, не стирай.

Детский зайка, будто бабушка, худой
Детский зайка пахнет дымом и бедой.
Детский локон ветер мартовский завьет
Кто-то стонет – как по имени зовет.

19.03

Тридцать девятый день: котенок

Раз не можешь услышать – читай по губам,
Подбирай эти страшные крошки.
Человек в камуфляже приносит в ломбард
Золотые девичьи сережки.

Продавщица дрожит. Он воняет огнем,
Под ногтями кровавая корка.
– Слышишь, баба, плати мне, и мы отдохнем:
Рюмка водки, сырок, помидорка.

Вот сюда мне в карман свои денежки ложь,
И без них мы отсюда не выйдем.
А не хочешь платить, значит, с нами пойдешь
Не обидим, хаха. Не обидим.

Что ты тянешь, давай. Что, пропал голосок?
Шевелись, я с тобой не играю.

Она видит, что в швензе застрял волосок
И эмаль откололась по краю.

Сколько лет было девочке той, сколько лет
Тонкой крошке с большими глазами?
Она дочке дарила такой же комплект,
Пятиклашке за первый экзамен.

Там котенок с клубочком – простая эмаль,
Побрякушка, невечная штука.
Как кричала она? Отпусти, не ломай,
А скорей – не успела ни звука.

Раз не можешь услышать – иди и смотри,
Всем придется сейчас приобщиться,
Как белеют глаза. Как вздыхает старик.
Как недвижно лежит продавщица.

Мир придет – но придет несомненно не к вам,
Тем, кто раньше стыдливо молчали.
Вам – кровавые руки сгребают навар,
Вам – война с тошнотой за плечами.

Вам – ребенок, лежащий по горло в воде,
Силуэт из дрожащих потемок.
Будто встанет сейчас и заплачет: ты где?
Мама, где ты? И где мой котенок?

Сорок первый день

Стояли дети
Около клетки
В них стреляли
Они умирали.

Стояли тучи
Около Бучи
Небо сырое
Плакало кровью.

На камешках острых
Лежали сестры,
Бабы, деды,
Велосипеды.

Стояли звери,
Хромые лапы.
Около двери
Лежали папы.

Пахло горьким
Пахло копченым.
Красное
Перемешалось с черным.

Стояли боги
Возле дороги.
Но их в печали
Не замечали.

Они наклонялись
За руки брали.
Детям
Шарфики поправляли.

05.04

Сорок третий день

Это те, кого, если встретишь на улице, нужно скорее сваливать,
Те незнакомцы, с которыми мамы запрещали нам разговаривать.
Потные руки, в метро в час пик хватающие за колено,
Подростки на даче, которые меня трехлетнюю
заставляли трогать их члены.

– Но есть же другие – пищали мы – другие, со светлыми лицами!
Тот, кто по-настоящему смел, бьет монстров, а не боится их,
Не заслоняется цифрами и таблицами.
– Чего ты боишься, малыш?
– Боюсь бабушки и полиции.

Это те, от кого когда-то с тобой бежали мы,
Эти – вооруженные антискрижалями:
Воруй, убивай, насилуй тех, кто слабее,
Если нашел непохожих – бей их.

Непохожих, чьи двери были для нас раскрытыми,
Этих, с гитарами, книжками и гастритами,
Приходишь к ним и тихонечко просишь – спой-ка,
Белое золото, тоненькая прослойка.

Посидишь у них, наберешься веселой придури,
Соберешься, выйдешь и слышишь:
– Эй, вы там, пидоры,
Закурить не найдется? Да стой, мы пока не тронем.
Те, чей мир был еще до рождения похоронен.

То, чего боялись мы, от чего мы с тобой уехали,
Перестали бороться, стали просто прорехами,
Не смогли спасти ни голубя, ни кота.
И по контуру сгущается темнота.

Темнота идет тошнотворной волною ужаса,
Ты пытаешься спрятаться, скрыться, но как ни тужишься,
Ни единого шага сделать не удастся.
– Чего ты боишься, малыш?
– Боюсь смерти на дне колодца,

Что ты скажешь ему, человек со светлым лицом?
Что споешь ему, лежащему перед крыльцом,
Глядящему из-под длинных ресниц в пропавшее, неживое?
Ничего я ему не спою.
Я вою.

Пятьдесят седьмой день

Это что за человечесьи голоса?
Тихо стонут, а прислушаться – звенят.
Попроси себя простить, моя краса,
Но они тебя навряд ли извинят.

Вот котенок потерявшийся бежит,
Вот ребенок потерявшийся лежит.
Расскажи мне, как ты будешь дальше жить
С тем, что многие не будут дальше жить?

Что ты видишь, если смотришь в небеса?
Что в тебя оттуда, милая, глядит?
Это что за человечесьи голоса?
Это дерево засохшее гудит,

Это дерево засохшее поет
День и ночь оно страдает напролет,
Где мой дом, в котором девочка живет,
Почему же не придет и не польет?

Это время не обучено прощать
Тех, кто только и умеет завывать,
Попроси себя сейчас пообещать
Никогда и ни о чем не забывать.

Ты опустишь пересохшие глаза
Изумрудной дымкой теплятся леса.
И услышишь человечесьи голоса
И звериные, и птичьи голоса.

Что-то сердце беспокойное сбоит –
Словно ношу сняли – скачет налегке.
В желтом платье рядом девочка стоит
С синей лейкой в перепачканной руке.

21.04

Пятьдесят девятый день: за Киру

Как вы там говорите – скорей бы мира?
Коляска через ступеньку летит по лестнице.
Девочку из Одессы назвали Кира.
Кире было три месяца.

В три месяца начинают держать игрушку,
Учатся переворачиваться на спинку.
В три месяца человек похож на зверушку –
Белочку или свинку.

Улыбается маме, уставшей от вечных стирок,
Начинает другие лица вокруг учить.
Кирина мама погибла в Одессе с Кирой,
Теперь никто не сумеет их разлучить.

У мамы на запястье старая фенечка,
Сказали, что защитит. Видно, обманули.
У Киры в приданом – купальник размера «феечка»,
Должна была примерить его в июле.

Как они там «а давай напишем им "с пасхой вас",
Сейчас докурю и ракетку им в тыл закину».

Жители ада выйдут, боясь испачкаться,
На дверях напишут:
«За Киру».

23.04

Феликс Чечик

*Родился в городе Пинск (Беларусь). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Лауреат «Русской премии» (2011) и международной премии имени И.Ф. Анненского (2020).
Живет в Израиле*

Война

1

Воскликнешь февральской зимой,
транслируя страха крещендо:
Ах, Господи Боже ты мой!
А он – и не твой и не чей-то.
Он – всех! И поэтому он
немного услышит скорее,
чем стылую медь похорон
и красную сталь брадобрея.
Добро, если б жили во зле, –
так нет же – живем, как под током:
двуглавым орлом на Кремле,
поссорившим Запад с Востоком.
Чернее весенних грачей,
белее, чем клин лебединый...
Ах, Господи Боже ничей –
единственно необходимый
прости неразумных – они
играют в войнушку, как дети.
И всех, без разбора, храни
и всем подари по конфете.

2

Полю, озеру и лесу –
говорю, как сын и брат:
– Нет прощения, что Евсу
и Кабанова бомбят.
Безысходно, горько, тошно, –
не прости, но сохрани!
Существую – оттого что
существуют и они.
Лесу, озеру и полю
говорю, как брат и сын:
– Стал я страхом, стал я болью, –
из последних слов и сил.
Отвечают в полный голос:
– Верь, надейся и люби!
Снова сердце раскололось
млечным храмом на крови.
Только память. Только время.
Только рай. И только ад.
Лес. Над озером деревья.
В чистом поле «Смерч» и «Град».

3

А.А.

Нету слов, за исключением мата –
контрапункт мотора и ума:
ощущением начала марта
радует февральская зима.
Радует морозцем запоздалым,
радует капелью с утрца,
где на грязно-белом пишут алым
киевлян и харьковчан сердца.

4

Диванные войска.
Саванная держава.
И пуля у виска,
пчелою прожужжала.
И, пожужжав чуть-чуть,
за жертвой улетела,
как в градуснике ртуть,
не ведая предела.

5

Скажи «Изюм». И вспомнится не Петя
Ростов, а город: март, разруха, боль.
Весеннее безумье лихолетья
и скорби приземленная юдоль.
Сказал «Изюм». Во рту вдруг стало снова,
как в детстве – сладко. Чем не перекус?
Виктория бездонного Ростова,
канючит Брянск и не всплывает Курск.
Чернеет Белгород, витийствует Воронеж.
Журчат ручьи. Саврасов с бодуна.
И порожняк уходит – не догонишь –
до бесконечной станции «Война».

6

Вы чье, старичье? Мы – ничье старичье!
Мы граду и миру, мы через плечо , –
мы трижды плевков – мы в пролете,
как соль, растворенная в Лоте.
Никто не виновен, – виновны лишь мы:
не агнец, но овны на фоне зимы –
безмолвьем преступно-ужасным,
снежок окропившие красным.

Все, без исключения: кто промолчал
и тот, кто кричал и бухал по ночам –
в ответе за смерть в Украине.
И нам не отмыться отныне.
И нам с этим жить, а точнее – умирать.
И смотрит на землю небесная рать.
И диву дается, конечно,
рыдая, как мать, безутешно.

Прощальное: Urbi et orbi.
И нету спасения в скорби.

7

Отчаянье

Хорошо ли тебе одному?
Хорошо. Лучше и не бывает.
Просыпаешься – смотришь во тьму:
тьма сгущается, не убывает.

Тьма становится жирной, густой.
И она убивает, конечно.
И поэтому «Пушкин-Толстой»
не рифмуются больше утешно.

8

Сирена. А потом: бабах!
И перемирие вновь.
И ангел с пеной на губах
талдычит про любовь.
И правые опять не пра...
Любимые враги.
И мертвые водой Днепра
омыли сапоги.
Родной язык: любовь и горечь дыма, –
довел меня до Иерусалима.

9

Мой русский – брат и белорусский – брат.
Поэтому я дважды виноват.
По капельке узнаешь группу крови?
От русской речи к белоруской мове.
И человек, – не век, но волкодав.
Но крови не меняется состав.
Смерть неизменна: красная на белом.
Махнуться можно – памятью и телом, –
да что там – и душой, – она дыра:
чернеет в марте, как вода Днепра.
Но день за днем – на радость и на горе –
родная речь Днепром впадает в море....
Любовью обезглавленный орел
покой и утешение обрел.

10

На мартовском пепелище,
где утром кричат воробьи –
виднее не лучше, но чище
сквозь оптику слез и любви.
Идет бесконечность на убыль
и скоро наступит конец:
Дебальцево и Мариуполь,
Ивано-Франковск и Донецк.
Я занял удобную нишу –
живу вдалеке от войны
и лишь очертания вижу
сквозь оптику слез и вины.
И что с этим делать – не знаю
и как с этим жить – не пойму.
И вижу весеннюю стаю
и слышу февральскую тьму.

11

Зачерпну ладонью сухой воды, –
до костей промокнул руки мои.
Постарел за месяц не от беды –
от безнадёжности и любви.
На своем веку знал сто тысяч вер
и надежд десяток, – любовь одну:
ей одной присягал, как твой офицер,
с кораблем идущий ко дну.
И подлодкой – «Курском»? – на самом дне
я лежу, забуившись в ил.
И надежда с верой звонят по мне
и любовь из последних сил.

12

Больше дела – меньше слов.
Но редееет строй.
Оказался не готов
пионер-герой.
Потому что никаких
у героя дел, –
лишь слова и бренность их
и бесполость тел.
Умирает город-сад
без любви-дождя.
Шаг вперед и два назад,
в прошлое идя.
В прошлом – тишь да благодать,
в прошлом – все тип-топ:
жив отец, бессмертна мать,
эскимо сугроб.
Тихий час – гони взашей,
тренируя дух.
Деревянных «калашей»
тополиный пух...

Облака любимых лиц,
боли монохром.
Ночью всполохи зарниц
в небе над Днепром.

13

След от чашки чая на столе
не успеет испариться: тихо
и безлюдно станет на земле
и не возвратится Эвридика.

А Господь, конечно, ни при чем!
Всех любя – травинку и букашку,
вымывает, склонившись над ручьем,
вдребезги разбившуюся чашку.

Весна 2022 года

Тикки А. Шельен

Санкт-Петербург, Россия – Варна, Болгария (с 2016 года)

...через какое-нибудь количество
каких-нибудь долбанных лет,
мы просто вспомним про этот день,
про этот проклятый день,
как ты пришла ко мне покурить,
потому что никак одной,
потому что мир вдруг стиснулся в ком
и замер в клетке грудной.

Я вспомню, как в этот черный день
мой полужнакомый друг,
что рисует мудрых львов и лисиц,
гуляющих средь кустов,
внезапно, залпом, лист за листом,
рисовала деревья, дома и птиц,
но красным и черным, черным и красным,
в крови, и угле, и синей пыли.

...а в это время они штурмовали
Чернобыльскую АЭС...
И черные птицы с серой бумаги
глядели на Ржавый лес.

Я вспомню, как ненависть горлом шла
и колом вставляли слова.

Как переключка в Фейсбуке велась:

«Живы» – «Живой» – «Жива» –

«Кот в переноске, готовы идти,
собиран тревожный рюкзак».

Мир кончился. И моих друзей
за «Мир Украине!» и «Нет войне!»
менты волокут в автозак.

Преступник – не тот, кто бомбит города,
а тот, кто идет против зла.
Но Питер подчеркнут горячей чертой,
это первый Молотова коктейль
девушка подожгла.

А я до рассвета делом займусь,
чтоб от ужаса не орать, –
расставлять запятые, ставить тире,
«елки» на „лапки“ менять –
потому что мор, а теперь война,
и голод стоит у дверей,
И ангел опять снимает печать
под рев четырех зверей,

но моя подруга, которой ночь
в отделении коротать,
просит самое важное:
хлеба, воды и что-нибудь почитать.
И проклятой ночью проклятого дня
среди злобы, воя, дерьма,
Насколько мне хватит воли и сил,
я буду вычитывать этот текст,
и отдам редактору – точно в срок.
Потому что – и да поможет нам Бог, –
остаются Пушкин и Розенталь,
когда наступает тьма.

24.02, ночь

В Харькове, в этом городе,
в августовской истоме,
после концерта, вечером,
В Ингином старом доме,
мы варили кофе и слушали,
как поет во дворе цикада –
И было так упоительно.
И лучшей песни не надо.

В Киеве, в стольном Киеве,
где Сковорода с сумою,
был кофе в бумажных стаканчиках
в вагончике под стеною,
И на Контрактовой площади
С коня глядит Сагайдачный.
Смеялись, помнится, фоткались,
и снимок вышел удачный.

В Херсоне в гостях, я мелкая,
А арбузы мне по колено.
Нас с мамой на лето приняли
дядя Миша и тетя Лена,
И солнце на небе дотемна,
И роса в садочке искрится,
Я помню вкус тех вареников
и странный хлеб «паляныця».

А я все листаю новости,
и руки все время стынут.
И друзья мои в Варне встречают
Беженцев с Украины.
А мама осталась в Питере,
и верит тем, кому верит.
Но бомбить-то Питер не будут же!
Ведь люди ж они – не звери...

02.03

Розарий в одиннадцать вечера

А давай, говорит мне друг мой,
внезапно и просто так,
давай-ка читать розарий?
Розарий во время поста?

На перекрестке отчаяний,
войны, безнадёги, чумы,
давай-ка читать розарий.
ну хоть это-то можем мы.

За девочку под обстрелом,
за мальчика под огнем,
за тех, кто с детьми и собакой
глядит на взорванный дом,

за безумных и за болящих,
за тех, кто кричал и молчал,
за тех, кто рождает в подвалах,
за тех, кто бежит на вокзал,

За тех, кто трезвым остался
в опойной отравой стране,
кто наотрез отказался
покорствовать сатане.

За шамана и за заложника,
за тех, кто брошен во тьме,
за держащих ум во аде
и ад замкнувших в уме,

за тех, кто не знает, где он,
кого растерзала война,
и за маму мою, за маму,
которая там одна.

За рухнувшие надежды,
за мир, что был и прошел,
за деда, который не плачет,

которые сутки не плачет,
и сухие глаза не прячет,
и, стоя на старых коленях,
в сотый раз моет чистый пол,

за скотч на невыбитых стеклах,
за черные дни весны,
и за то что настанет Пасха,
и за то, что не будет войны.

05.03

Все, что есть у меня, –
это мой самоцветный язык.
Без всего остального
беглец обходиться привык.
Но язык мой, наследство мое и спасенье мое,
мы с собой унесли, убегая из этих краев,
из продрогшей, проклятой, до боли любимой земли,
той, которой клялись, – и какую спасти не смогли
от безумия, подлости, тла – не сумели сберечь,
сохранили лишь память и нашу бесценную речь.
И теперь окликаем друг друга в глухой пустоте,
перекличка имен, позволяющих дальше лететь,
заклинанья певучих, не тающих в памяти строк,
не утратить себя только ты, наш язык, нам помог.
Не поверить кикиморьей грязи и хрипу волков,
не поддаться на сладкую патоку, липкую слизь,
отказаться от жирного блеска имперских орлов,
от блина на лопате, от шепота: сдайся, смирись...
Мой прекрасный язык, ниспадающий вечным дождем,
мой ужасный язык, бормотанье, хтонический вой,
Мой истерзанный, раненый, певчий, свободный и злой,
мой заветный, мой русский язык, мой единственный дом.

28.03

Мария мне подарила
два звонких стеклянных бутона –
желтый и голубой.

Две малых стеклянных капли,
но стало чуть-чуть яснее
небо над головой.

Ребенок на самокате
мчится вдоль по аллее
и смеется, летя и звеня.
И мертвая хватка страха
становится чуть слабее –
на секунду воскресного дня.

Когда разрывается сердце
от ужаса и отчаянья,
когда ты вздохнуть не можешь
и нет ничего впереди,
ты знаешь, что в Киеве Леся
поет колыбельную дочке,
а в Германии на вокзале
встречает беженцев Аля,
а в затравленном Петербурге
твой друг говорит: не дождетесь!
И войну называет войною,
и идет по клеймёным улицам
с ясною головою,
и белая роза сияет
на растерзанной горем груди.

Они взорвали надежду.
они расстреляли веру
Они убили весну.
Но мы соберем по капле
всю нашу горькую радость,
и пламя радости нашей сожжет
сатанинскую эту войну.

29.03

Почему ты не уезжаешь?
Ты что, не знаешь, как это страшно,
Как медленно закрывается небо,
Как заваривается решетка
и защелкивается замок?
Почему не уехал раньше?
Мы сто раз тебе говорили,
надо было давно решаться,
и свинья бы, глядишь, не съела,
и уж точно не выдал бы Бог.

Непростительная беспечность!
Невозможное идиотство!
Почему ты не уезжаешь?
Почему-почему-почему?
Почему? А вот потому что.
Отъебитесь, без вас хуево...
И держа на лице улыбку,
мой товарищ скользит во тьму.

Три оставшиеся копейки
Тратим весело и полезно.
Чай. Таблетки. Корм для котейки.
Хоть на сколько-то хватит нах.
Мой товарищ остался в бездне.
Бездна держит его в зубах.
Буква Z на стекле маршрутки.
Буква Z на витрине столовки.
Буква Z на двери подъезда.
Буква Z на школьном окне.

Бездна скалится и хохочет.
Словно нет окончания ночи,
Мой товарищ идет с работы,
увязая в чуме и войне.

Надевает теплые тапки.
Ставит чайник. Гладит кота.
Варит ужин. Моет посуду.
Ставит лайки постам «Мы в Польше»,
«Мы в Израиле». «Мы в Стамбуле».
Снег идет, и с черного неба
Опускается темнота.

12.03

У Ноны запуталась нить,
У Морты устала рука,
А хочется очень спросить –
спросить одного старика.
Мне мир-то не то чтобы мил,
И празднички эти с душком.
Но слушай, когда ты входил
С огромным тяжелым мешком
туда, где детишки пищат,
где елка и праздничный стол,
вино, мандарины, салат...
Ты знал уже, с чем ты к нам шел?

08.04

Где-то там над лазоревой тонкой крышей
на березовом облаке сидят
Серафим Саровский и его Миша
и на землю изгаженную глядят –
на парады, молебны да на могилы
и на то, на что вовсе нельзя смотреть...
– Что ж нам делать-то теперь, Мишенька милый?
– Я не знаю, отче, – плачет медведь.

18.04

Знаешь что, – она говорит.
– Хорошо живем, без обид.
все обычное, как всегда,
дом, работа, семья, еда,
А вот снег до майских сойдет,
ой, скорей бы, хочу погреться, –
у меня ж рассада растет,
помидорчики, перцы,
сортовые, наперечет...

И слеза по щеке течет.

Телевизор? Да ну его,
есть хорошие сериалы,
только знаешь еще чего?
Я как будто внутри устала,
Никуда не хожу, лежу.
Что-то странное нынче с нами.
И слезливая стала – жуть,
Кошка пискнет – реву ручьями,
песню слушаю – и навзрыд,
дети мимо прошли – рыдаю.
Что-то прямо во мне болит,
а чего – и сама не знаю.
Не беда ж у нас, не война,
а чего ж надрывается сердце?

Поскорей бы уже весна.
Ох рассады – на пол-окна.
Помидорчики, перцы...

30.03

Los muertos no están enfermos

«Слушайте, слушайте новости! –
Говорит восторженный диктор. –
Нам сообщают: все больше
граждан нашей державы
Всем абсолютно довольны!
Злопыхатели захлебнулись
среди тотальной поддержки
мудрого руководства.
В деревнях идет посевная.
Готова к параду столица.
И, в довершение, передают:
чума, что косила людей и бюджет,
практически прекратилась.
Масок носить не нужно,
не прячьте честные лица!
Количество заболевших
снижается ежечасно,
а смертность почти смехотворна.
Эпидемия прекращена!»

Доктор щелкает зажигалкой,
нашаривает заначенный
позавчерашний хабарик,
и курит неторопливо,
и на город глядит из окна.

...Еще бы оно не снижалось.
Мертвые не болеют...

За грязным окном смеркается.
На улице тишина.

26.04

Михаэль Шерб

Родился в 1972 году в Одессе. Физик-теоретик, информатик.
Публикации в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия»,
«Арион», *Ното legens*, «Крещатик», «ШО», «Эмигрантская
лира» и других. Призер чемпионата Балтии-2014, фестиваля
«Эмигрантская лира»-2013. В Германии с 1994 года.
Живет в Дортмунде

варенье

*Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть.*

Т.Г. Шевченко «В казематі»

На рассвете кусты выбегает полить Фома,
По бурьяну струя хлещет прямой наводкой.
Там, где влага упала, расцветает цветок-чума:
В колокольчатой чашечке плещется царская водка.

Сгнили звезды, как вишни, когда горизонт померк.
Скошен стебель под горло, все травы пошли на силос.
Лишь цветок-чума вызревает в ягоду-смерть.
Как же много ее теперь для нас уродилось!

Собирать урожай выйдут бабы на край села,
«Вітре буйний», – споют, да прошепчут: «Кохая, любий!»,
Похоронят надежду, – скорее б она взошла,
И наварят варенья, чтоб мертвым помазать губы.

08.03

Бесконечно бредя сквозь арки,
Потерявшийся насовсем,
Я блуждаю, как ветер Харькова,
В лабиринте ослепших стен.

Сам хозяин своим рыданиям –
Их теперь не услышит никто, –
И от собственного дыхания
Мне уже не бывает тепло.

Встрепенусь на рассвете жаворонком,
Чтобы к вечеру стать совой.
Днем и ночью упорно и жарко я
Дискутирую сам с собой.

Не забраться к Богу под юбку мне:
Завернувшись в спираль, как моллюск,
Сам себя на руках убаюкиваю,
Над собой до утра не сплю.

Подбородок, колени, локти,
Голова, поясница, живот:
Словно я на ломти разломлен, –
Только каждая часть живет.

Словно заново был раскроен
И разрезан великой бедой.
Ты полей меня мертвой водою,
Прежде чем поливать живой.

10.03

Исповедь священника

*русским солдатам, убивавшим мирное население
в Киевской области в феврале-марте 2022*

Меня зовут Мартин Адольф Борман, я мог бы вам рассказать,
Как фюрер в детстве учил акварелью меня рисовать,
Как мне не нравился его нос – слишком крупный,
Зато нравился мягкий голос и губы,
И непослушно спадающие на лоб пряди...
Да, я любил его и называл дядей
Адольфом – ведь в его честь мне дали второе имя...
Я мог бы еще рассказать о том, как лежал неподвижно ночными
Часами – не в силах заснуть от ужаса, позже, потом,
Когда узнал правду о нем,
О моем отце, да и вообще обо всем...
Я мог бы вам рассказать, как после войны стал священником.
Но все это не имеет абсолютно никакого значения!

«Нет, не имеет» – спокойно сказал он, – «Зато вот что имеет – слушай:
Имеет очень большое значение тот случай,
Который произошел со мной уже после войны, в конце лета
Шестьдесят шестого...
Бывают такие вопросы, на которые даже у священника нет ответа...

Однажды в мой храм пришел бывший солдат,
И на исповеди он рассказал,
Что во время восстания гетто в Варшаве,
Он участвовал вместе со взводом СС в облаве,
Был среди тех, кто зачищал от повстанцев подвалы.
Из одного подвала
внезапно выскочила девочка лет пяти-шести,
Она споткнулась, упала.
Он хотел поднять ее и спасти,
Но внезапно услышал окрик своего командира: «Клаус!
Mach dir aus dem Scheiß nichts aus!
Ткни эту тварь штыком!»

И тогда он,
Подчиняясь приказу,
Проткнул штыком исхудавшее детское тело.
Это длилось секунды. Задыхаясь, девочка посмотрела
Ему в глаза, и с ее предсмертной дрожью,
он понял, что совершил то, с чем не сможет
Жить.

Клаус вытащил штык из тела и побежал
За командиром, чтобы убить его. Тот лежал
За углом, раненый автоматной очередью из окон.
Поволока
Ярости опустилась Клаусу на глаза,
И вместо того, чтобы спасать
Лейтенанта, как требовал от него устав,
Не сдержавши крик
Отчаянья, Клаус несколько раз воткнул штык
Лейтенанту в грудь.

На эту исповедь мне, священнику, не забудь,
Бывший солдат решился лишь через 20 лет после конца войны.
Бывший солдат, ныне почтовый служащий, без жены,
Без детей, в глаза которых, по его словам, с тех пор он не мог смотреть,
Потому что видел в них смерть,
Он повторял все время, что Бог не простит, будет вечно его карать,
И, понимаешь, я, как священник, не знал, что ему сказать,
Что возразить, чем помочь безбрежной его тоске.
Через неделю Клаус повесился на крюке
От люстры, и я нарушаю сейчас сотню церковных правил, но,
Я утверждаю, что он поступил, наверное, правильно».

03.04

три текста

1.

Он говорит: «Я понял однажды и принял, как истину, что абсолютно каждый: и молодой солдат, умирающий на поле боя от ран, и ветеран, умирающий в старости от инсульта, и какая-нибудь чернокожая женщина, последовательница культа вуду, угасающая от лейкемии, и трехлетняя девочка в России, прозрачная кожа нежнее пушка мимозы, сгорающая от инфекционного туберкулеза, – все они, обитавшие раньше в лачугах, домах или многоэтажках, узнают о себе нечто очень важное в самый первый момент смерти. И это знание, словно марка письму в конверте, придает законченность и значение всему пережитому».

Он говорит, что сперва, впадая в кому, бредешь по пустыне посмертия, утопая примерно на треть тела, которого, впрочем, нет, в некоем войлоке. Пытаешься не смотреть вверх, но не видишь свет, поскольку безглаз, и у взора теперь нет век, чтоб закрыться спасительной пеленой.

Он говорит: «Тогда надо мной всходили вроде небесных светил лица живых и умерших, всех тех, кого я знал и любил, и каждое было словно бы светлый овал. Я молился на эти лица, и страх отступал».

Он говорит, что слышал их быстрые голоса, глядел им в глаза, но потом перед ним возникла черта, пограничная полоса, за которой не виден цвет и не слышен глагол, и, якобы, он тогда и эту черту перешел.

Там, за чертой все его мысли представлялись в виде чисел и формул, а чувства его и дела – как предметы простейших форм и даже как абстрактные светлые и темные пятна. Впрочем, тут его речь становится вовсе невнятна.

Он говорит напоследок: «Затем наступил хэппи энд. И взамен слабой веры в бессмертье я приобрел нерушимую веру в момент смерти».

2.

Все происходит буднично: слышишь громкий хлопок.
Сосед начинает клониться на правый бок,
Пытаясь фантик поднять, валяющийся на полу.
Потом замечаешь вдруг небольшую дыру
В спинке сидения прямо перед собой,
И осколок металла в обшивке рядом с дырой,
Затем – миллисекундный сбой,
Потом что-то влажное чувствуешь над губой,
Думаешь: надо бы вытащить из кармана платок,
Но уже распускается теплый алый цветок,
Тянется к ребрам, за лепестком лепесток
Засыхает на коже, блестит на свету, словно лак,
И виски стучат в унисон, словно есть лишь один висок:
Это лопнула шина, а ты испугался, чудака,
И на коже не кровь, это от солнца мазь,
Это лопнул мир, это бомба разорвалась.

3.

Ветрами, словно оспой,
Изрыт речной гранит, –
Пчелою медоносной
Печаль над ним звенит.

Закат дрожит и рвется,
Натянут на колки:
Последний проблеск солнца,
Прощальный взмах руки.

Темнеют мостовые,
Тускнеют двор и сад,
Лишь окон пулевые
Отверстия кровят.

По этим алым меткам
Теней нисходит рать,
Спешит к вольерам, клеткам, –
Зверье свое обнять,
Пока закат над нами
Посмертья кокон свил.

Касание губами.
Прикосновение крыл.

11.04

Идет война? Нет, перед нами стоит война.
Чаша с отравой, выпей ее до дна.
Выхлебай залпом – сразу настанет смерть.
Или по капле – на́ год за день стареть.

Видишь, плывет в пылающих небесах
Дерево-вишня на розовых парусах,
А по-над ней, как белоснежный кит, –
Цел, невредим, – призрак Мрії летит в зенит.

Нынче у всех (людей) к небу задрана голова.
Что Вы сказали, принц? Я говорил слова!
Слово-глагол, слово-союз, предлог.
Так молоко русской речи свернулось во рту в творог.

04.04

Вита Штивельман

Поэтесса, переводчик, эссеист, основатель и руководитель EtCetera – клуба физиков и лириков. Родилась в Черновцах, выросла в Казани, с 1990 года жила в Израиле, с 1999 года живет в Канаде (Торонто). Член союза русскоязычных писателей Израиля, обладатель различных наград, включая награду от Canadian Ethnic Media Association

в нашем маленьком городе шум страх
и не знают люди куда бежать
появился дикий какой-то маньяк
и никак не могут его поймать

и всегда черный на нем котелок
и конечно же черное пальто
и из тех до кого он добраться смог
от него не спасся еще никто

и когда кровь на его ноже
еще тепла и еще горит
он с безумной улыбкою – до ушей –
одно и то же всегда говорит

говорит про убитого – он был жив
говорит про убитую – что жила
говорит – господа как хороши
как хороши твои дела

и сейчас я иду средь бела дня
а навстречу – черный призрак из снов
ты не сможешь приятель убить меня
потому что я очень давно мертв

07.04

Мой дед Давид погиб в сорок втором.
Он был сапером – адова работа.
Могилы нет, не сохранился дом.
Погиб, отвоевав чуть больше года.

Жена и дочь остались, бог помог.
Хотя Давид не уповал на бога.
Он защищал от запада восток –
тогда не приходила смерть с востока.

А бабка умерла не так давно,
прожив почти сто лет. И дозу яда
хранила у себя: а вдруг войной
опять все рухнет. Чтобы Сталинграда
не видеть больше. Бабка медсестрой
работала тогда. В ее кошмарах
навечно поселились кровь и гной,
тела убитых, молодых и старых.

Я вижу бабку иногда во сне,
мы разговариваем с ней, чуть слышно.
А наяву – есть фото на стене,
военный орден, орденская книжка.

На фото выцветшем, как сквозь туман,
дед с бабушкой – живые, молодые.
Тарутино, Петровка, Аккерман –
вот это были их места родные.

По тем краям сегодня град ракет,
как в сорок первом, как же все похоже.
Я рада, что не видит это дед.
Что бабки нет в живых, я рада тоже.

13.03

Алекс Щегловитов

*Родился в Харькове. С 1992 года живет в Нью-Йорке. Окончил Харьковский политехнический институт. Автор поэтических сборников «В созвездии рака», «Целая жизнь», «Пролог», «Две ступеньки вверх», соавтор коллективных сборников «Облако в стихах», «Свеча негасимая», «Другие времена» и др. Неоднократно публиковался в периодических изданиях и альманахах России и США (литературный портал «45-я параллель», интернет-журнал «Зарубежные задворки», Литературная газета «Интеллигент» СПб; литературный альманах «Золотое Руно», англоязычный журнал «Poems of the World» и др.).
Лауреат ряда международных поэтических конкурсов*

В Харькове то взрывы, то сирены,
А в России подлость, низость, ложь.
В жизни все свою имеет цену,
Если только смерть переживешь.

Думал я, слова давно забыты,
Взятые из детства напрокат:
Витька ранен, ты, Толян – убитый,
Леха ротный, ну а я комбат.

Но сегодня все на самом деле:
Не вернется к ужину Толян,
Леха с Витькой – ростовые цели
Выросших из детства россиян.

Это все теперь не понарошку.
Я комбат, что мочи я ору:
Слушай мой приказ, Толян и Лешка,
Все всерьез, заканчивай игру.

14.03

Слова растаяли, как опаленный снег
С землей перемешавшийся от взрывов
Снарядов. Не получится красиво
Вам рассказать. Я думал, что во сне

Все это было. Взрывы, снег, война,
Кровь на снегу с землею вперемешку,
Колонны танков двигались неспешно,
Но вот из-за открытого окна

подарок прилетел, за ним другой...
Незванный гость татарина не лучше.
Но ничему история не учит,
Решая разногласия войной.

А то, что смерть, страдание и боль...
Так бабы нарожают, не впервые.
Ненужные России рядовые
Которых фюрер гонит на убой.

17.03

Холодная земля. Асфальт пропитан гарью.
Разрушенных домов опустошенный взгляд.
Какой же надо быть бездушной подлой тварью,
Чтоб разрушать и жечь, не глядя, все подряд.

Не слышно голосов. Не слышен детский лепет.
Истерика сирен пронизывает ночь.
У куклы на снегу посмертной маски слепок
И кажется, нет сил хоть чем-нибудь помочь.

Холодная земля. Апрель с теплом не дружит,
Но май уже в пути с надеждой на весну.
Все сожжено вокруг, лишь пепел кружит, кружит...
Уходим на войну...

Уходим на войну...

22.04

Михаил Юдовский

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. С 1989 года – свободный художник. В 1992 году переехал в Германию (город Франкенталь). Долгое время писал для себя, не участвуя в литературной жизни и выставляя свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Поэзию и прозу автора опубликовали в Украине, России, Германии, Англии, Финляндии, Израиле, Австралии и США. Михаил Юдовский перевел на русский и украинский язык все сонеты Шекспира, переводил английскую, американскую, немецкую, французскую, польскую поэзию

И вот пришла весна. Весна
текла ручьями по равнине.
А вместе с ней текла война –
текла война по Украине.

Ее кровавая река
отравой землю пропитала.
И серой тяжестью металла
сдавили небо облака.

И шла безликая орда,
и обводила трупы мелом.
И содрогались города –
почти привыкшие к обстрелам.

Тропа, вертясь веретеном,
вела к заброшенному храму.
И плакал ветер за окном –
как мальчик, потерявший маму.

И в этот миг – как строй ладей,
неодолимо, исполинно,
толпа разрозненных людей
преобразилась в Украину.

01.03

Но послушай, на все уговоры молчащий в ответ
по-военному стриженный Бог в офицерской шинели:
подари мне тоннель, потому что мне надобен свет –
свет в конце, свет в начале и свет в середине тоннеля.

Как устала земля, как спокойно и зло небосвод,
отобедав дождем, облака о нее вытирает.
Говоришь, умирает последней надежда? Так вот:
я не знаю, последней ли, нет – но она умирает.

Я держу ее за руку, лгу ей, но мне самому
в эту хрупкую ложь во спасение верится слабо.
Отхлебнув коньяку и перо окуная во тьму,
что за списки ты пишешь, начальник небесного штаба?

Зачисляешь в ряды? Собираешь священную рать?
Воздвигаешь свечу из разрозненных капелек воска?
Хорошо, командир. Будем жить, командир. Умирать
будем вместе с тобой. Я готов. Запиши меня в войско.

03.03

Мы живем без времен и без дат –
только ветер несет саранчу.
Разреши, незнакомый солдат,
к твоему прикоснуться плечу.

От свирепого взрыва стихий
пустота остается внутри.
Говорит нам закон: не убий.
А тебя я прошу: не умри.

Потому что, терпя и любя,
приближают торжественный час.
Потому что – не станет тебя,
не останется следом и нас.

Что нас все-таки ждет впереди?
И к прошедшему – есть ли возврат?
А в ответ мне звучит: «Отойди.
Ты мешаешь мне целиться, брат».

04.03

Теряя речь в капкане зверолова,
дышу с трудом.
Но все-таки в начале было слово,
а действие – потом.

Мне кажется – качнувшийся от боли,
мир упадет.
Но если я скажу: да будет воля –
она придет.

Хоть щуриться кротом подземным слепо,
хоть волком выть...
Но если я скажу: да будет небо –
то небу быть,

и жизни быть, и в смерть нельзя поверить.
И выбрав скатерть поновей,
привычно в хату мать зовет вечерять
погибших сыновей.

Колодезный поскрипывает ворот,
и кажется, что пелена
растает, и опять восстанет город
и вся страна

в спокойной красоте и гордой силе.
И сквозь разлом
над Украиной феникс желто-сине
махнет крылом –

правобережно и левобережно,
воскреснув из огня и смут.
И с неба сыновья ответят нежно:
«Спасибі, мамо. Ми поїли тут».

11.03

Звезда над полем умерла.
И между стеблями пшеницы
лежала утренняя мгла,
сомкнув белесые ресницы.

В хлеву на краешке села
мычал теленок-однолеток.
Звезда над хатой умерла,
в окошке вспыхнув напоследок.

Над белой скатертью стола
звезда, о грани полной чарки
переломившись, умерла.
И только лампы свет неяркий
стекал желтком, горчил во рту.
И бессознательно, бессильно
глядела мама в пустоту,
узнавшая про гибель сына.

И в сердце, высохшем на треть,
где жизнь по капельке стиралась,
звезде хотелось умереть.
И все никак не умиралось.

19.04

«Мама, скажи, а что такое война?»
Мальчик держит за руку маму. Они идут через поле.
Утро. По-весеннему нежно звенит тишина.
Под ногами теплеет земля, словно не чувствует боли.

«Война... Это когда злые люди приходят в твою страну
убивать и грабить. Но будь спокоен –
хорошие люди прогонят их».

«Вот я вырасту – и к хорошим людям пойду на войну».
«Бог с тобою. Когда ты вырастешь, в мире не будет войн.

Ты не устал? Ты не голоден, мой смелый, хороший мой?
Вот хлеб с молоком. Подкрепись, чтобы стать героем».

«Я не устал. А мы когда-нибудь вернемся домой?»
«Вернемся. Вот папа придет с войны и заново дом отстроим,
лучше прежнего. Снова весело заживем,
ничего не боясь, никогда не болея».

«Мама... Хорошо, что мы с тобою вдвоем.
Но втроем, когда папа вернется, нам будет еще веселее.

Дай мне хлеба».

«Ешь».

«А ты?»

«А я не хочу».

Поле течет золотистой широкой рекою,
прижимается колосками немного щекотно к плечу.
«Вкусный хлеб. Мама, а смерть – это что такое?

Это когда ты совсем-совсем одинок
и вокруг – никого?»

«Это просто взрослые так глупо и страшно играют.
А смерть... Смерти нет. Ты мне веришь, сынок?»

«Верю, мама. Смерти нет... Но люди все-таки умирают».

28.04

...И тогда я понял, как сердце сжигает месть –
мне не хотелось спать, не хотелось есть.
Остывала на кухне плита. Сиротела кровать.
Я хотел убивать – и не знал, кого убивать.

Я готов был царапать стены и землю грызть,
окунуть в цистерну с краской гигантскую кисть
и на цыпочки встать – чтобы я дотянуться мог
до небес, написав на них яростно: «Здесь был Бог».

Ибо не было больше Бога на небесах –
он в районном военкомате стоял на весах,
измерял свой рост и клетки грудной объем.
Привыкал к команде «отбой» и команде «подъем».

Потому что не было Бога.... А может – был.
Может, это он сиреной над городом выл,
то как бешеный ястреб, то как испуганный стерх,
падал бомбами вниз и взлетал обломками вверх.

... А потом я увидел в выпуске «новостей»
подвал большого завода, а в нем – детей
и родителей, потерявших течение дат.
И таких усталых, но человеческих солдат.

И они говорили – спокойно, не держась на виду:
«Ну, привет. Вы как? Мы вам принесли еду.
Принесем еще. Потом. Не теряйте сил –
пригодятся силы». Какой-то мальчик спросил:

«А мы скоро вернемся домой? Нам не страшно, нет.
Просто очень хочется снова увидеть свет,
снова небо увидеть». Улыбнувшись, один солдат
отвечал: «Не журись. Скоро всі повернуться до хат.
Ви тримайтеся».

«Ми тримаємось».

«Молодцы.

Ну, бувайте». Снаружи – щербатых домов торцы
на себе держали улиц горящий сруб.

И казалось, что город, казалось, что мир – беззуб.

И тогда от сердца, всем и всему назло
отлетела месть. И что-то другое пришло.

Что-то очень большое. Я сердце держал в горсти.

И хотел спасать. И не знал, кого мне спасти.

28.04

Ирина Юрчук

Родом из Харькова, с 2001 года живу и работаю врачом в Германии, в городе Ольденбурге. Пишу на русском и украинском языках для взрослых и детей. Член Харьковского клуба песенной поэзии имени Юрия Визбора. Лауреат Всеукраинского литературного конкурса «Рукомысло», международных поэтических конкурсов «ИнтеРеальность» и «Редкая птица». Автор четырех сборников стихов и многочисленных песен. Публиковалась в международных сборниках, альманахах и журналах. Ныне доброволец в рядах обративших Слово против чудовищной захватнической войны

Мульти-культи

Да, бывало всякое.

Но в беду лихую

Я полячке:

– Дякую.

А она:

– Dziękuję.

А испанец-эмигрант

Помолчал и выдал

На мое:

– No pasaran! –

– Gracias, queridos!

Обняла французенка:

– Дай вам боже силы.

Я ей:

– Oui – на суржике,

А она:

– Merci! – мне.

Немка слез насыпала

На былую ранку.

Говорю:

– Спасибо Вам.

А она мне:

– Danke.

– Орки не пройдут, фиг им!
Не по шапке Сенька, –
Миру говорю, – Стоим!
Мир ответил:
– Thank you!

16.03

Любовь и голуби

Жар черного вихря в лихой круговерти
Припал к изголовью.
Пока этот ад занимается смертью,
Займемся любовью.

Дом дымом объят, сад – Гоморра с Содомом,
Руины Помпеи.
И тень истребителя юрким фантомом,
И птицы отпели.

И все же у жизни немерена сила
И жилы воловы.
Пока эта ненависть не износилась,
Займемся любовью.

Серп, молот и молох, спрессовано болью
Остывшее солнце.
Приникнув друг к другу, займемся любовью,
Любовью спасемся.

А Родина родинкой, точкой на шее
Любимой: тыл – вот он.
И сила ярится, бурлит, хорошея
Всей кровью и потом.

И будет победа на выходе, братцы,
Коль вера на входе
В бою, раз приспела пора заниматься
Любовью к свободе.

25.03

Отче

Отче наш, иже еси на небесах,
Только в душу веры вложи зерно –
Прорастет, а слезы – Твоя роса,
Значит, вместе выдюжить суждено...

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...
Дождь с лица смахну, руки уроня.
Если трудно, Господи, то я здесь.
Стало быть, рассчитывай на меня.

Нам остави долги наши, якоже и мы...
Нас во искушение не введи...
Мы с Тобой управимся до зимы,
Нам ведь весен надобно впереди...

То война, то мор, а то горит изба.
Не покинь детей своих, упаси
От лукавого этот мир избавь,
Свет да воссияет на небеси...

Все слова расставляю, аки Ты велел,
Легкие мои, трубные слова.
Положи планету на ИВЛ,
Только чтоб дышала, была жива...

Да святится имя Твое, нас храня,
Зря ль красна заря и сильна любовь?
Если трудно, Господи, я с тобой.
Стало быть, рассчитывай на меня.

10.04

Посевная

Ночь в молитвах – слово за слово –
День цепляется за жизнь,
И бинтами раны застланы:
Боль, наркоз, пинцет, зажим...

Ходят рваным небом облачным
Вести сводкой полевой.
Свет отверстием осколочным,
Солнце дыркой пулевой.

Детства приступы фантомные
В ампутированных снах.
Повязав косынку черную,
Горько вдовствует весна.

Обездолено бездонное.
Ноет памяти культя.
На руках руин бездомное
Молчаливое дитя.

Тать грозитя, бомбы грузятся.
Танков тучные стада.
Лопастями ржавых гусениц
Пашет жаркая страда.

Мрак взошел грехами тяжкими,
Урожай смертей взрастил.
В поле зреет меж растяжками
Не проспавшийся тротил.

Кровь вбирает за околицей
Благодатный чернозем.
Колоски по росту строятся,
Сила прорастает в нем.

В поле воли, в поле боли той
Заступается за нас
Сечь: БОРИТЕСЬ И ПОБОРЕТЕ,
Как наказывал Тарас.

18.04

Причитания

Эта женщина в ночи
Отшатнется от свечи,
Перекрестится,
О несбыточном моля:
Где ж ты горлица моя,
Благовестница?..

У дверного косяка
Чуть замешкалась рука,
Чутки шорохи.
Удаляются, тихи,
Запропавшие шаги
В сизом мороке.

Звезды голубых кровей
Проторгуются своей
Несвободою...
Покосится циферблат,
Все кукушки возвратят,
Что не додали...

Птицу слышно за версту,
Распластала, вся в цвету,
Вишня белые
Крылья сада у окна,
И воспряла тишина
Оробелая.

Бог доводит до добра.
Столько горя – не собрать
Все, что выпало.
Доля поперек и вдоль.
Заварила звероболь
Да и выпила...

Сроки-строки вкривь и вкось.
Годы вместе, беды врозь.
Вера, верушка...
Причитала, ночь кроя:
Боль, зверушка ты моя
Изуверушка...

Стирка, варка, щи да плов,
Перемила сто полов,
Тряпку выжала...
Изогнулася дугой,
Обернулась пустельгой
Да и выжила.

2020–2022

Комментарии

Эти комментарии основаны на информации из открытых источников и на примечаниях авторов стихотворений; описания эпизодов войны взяты из сообщений новостных сайтов.

Стр. 5 «Дубок» – разновидность трехцветного военного камуфляжа.

Стр. 23 *лунной походкой Майкла* – Майкла Джексона, конечно же.

Стр. 23 *беги Лола беги* – «Беги, Лола, беги» (Lola rennt) – известный фильм немецкого режиссера Тома Тиквера.

Стр. 23 «Град» – советская и российская реактивная система залпового огня (РСЗО).

Стр. 29 За несколько месяцев войны мы все поднатерели в украинском языке, но здесь, пожалуй, все-таки стоит привести перевод: «Как ты? – это уже не вопрос, а пароль и отзыв для своих, для близких людей, рассеянных по всему миру. Виктория – прекрасная, эмоциональная, в то же время сильная и решительная одесситка, наделенная невероятными идеями, классным юмором и характером. Война забрала у нее родной спокойный город, уютный дом, работу, дарившую настоящее счастье тысячам украинцев (Виктория – основательница и главная волшебница агентства по организации праздников). И на фоне сожаления, отчаяния и небывалой силы надежды родились стихотворные послания, чей отзвук летит от сердца к сердцу, тоненькими буквами прошивает сотни километров и объединяет украинцев. Виктория – творческая и вдохновляющая женщина, нежная мать и жена, невероятно профессиональная бизнес-леди, добрая подруга и поэтичная натура, чьи слова обнимают украинский народ в эти смутные времена поверх всех границ».

Стр. 33 *Верхний Вал, Желань* – соответственно улица и район в Киеве.

Стр. 34 *Храни тебя Господи здесь* – Ирина Иванченко рассказывает историю этого стихотворения: «Я видела ее и вчера, и год назад, и десять. Маленькая, сморщенная, в прохудившемся черном пальто. Ходила вокруг рынка, бормотала невнятное, просила 10 копеек. Ее жалели, кто хлеба давал, кто конфетку. Рынок давно снесли, выстроили торговый центр, а она все так же кружит вокруг привычного места. „Дай 10 копеек“. Я стараюсь давать, если просят. Гривну, две. Сколько могу. А тут сначала отмахнулась, в голове новый стих, не могу ни о чем. Потом схаменулась, опомнилась. Открыла кошелек, вытащила 50 гривен. Не знаю, почему столько. Рука сама вытащила и дала. Та схватила денежку, прячет в карман. Отходит на два шага, оборачивается. „Меня зовут Юля, Юля“. Еще отходит и – обернувшись: „Храни тебя Господи здесь“. Она идет вдоль дома, бормочет невнятное, наклоняется. Я сперва не поняла, зачем. Потом увидела, что она собирает пустые стаканчики из под кофе и сигаретные пачки. И относит их в мусорный бак.

После публикации стихотворения слова „Храни тебя Господи здесь“ стали внутренним кодом в переписках, созвонах и разговорах о жизни в Киеве».

Стр. 35 *Толока* – большая работа, которую делают всем миром, сообща.

Стр. 36 *Осип, Борис, Марина* – Мандельштам, Пастернак, Цветаева.

Стр. 39 Александр Кабанов: «Мой папа Михаил Лаврентьевич Кабанов умер в мой день рождения – 10 октября 2021 года, не дожив до оккупации моего родного города Херсона путинскими войсками. В Херсоне, в условиях гуманитарной катастрофы, остались моя мама и мой брат. Храни их Господь, и спасибо всем добрым людям за помощь мне и моим близким».

Стр. 44 *Каремат* – туристический коврик, «пенка».

Стр. 46 *Марс* – в данном случае бог войны.

Стр. 53 *в/ч* – военная часть.

Стр. 57 *Сеня просит* – 8 мая в соборе святого Штефана в Вене нашли такую записку: «Привет, Бог! Спаси Харьков. Я Сеня 8 лет».

Стр. 58 Подробнее о судьбе Константина Ольмезова можно прочитать, например, на сайте meduza.io

Стр. 59 *Прапор* – флаг, знамя. *Omnia mea mecum porto* (лат.) – «Все свое ношу с собой».

Стр. 61 *Schau nicht zurück* (нем.) – «Не оглядывайся». Сразу вспоминается, как Орфей оглянулся на Эвридику, а жена Лота – на город.

Стр. 73 *Кира, Христос Воскресе!* – 23 апреля, накануне Пасхи, в результате ракетных ударов по Одессе погибли трехмесячная девочка Кира Глодан, ее мама и бабушка. В Минобороны РФ говорили, что атаковали военный объект.

Стр. 77 «*Искандер*» – российский оперативно-тактический ракетный комплекс (ОТРК).

Стр. 78 *И они собрали все книги...* – Реальный эпизод: семья Херсонских забаррикадировала собственными книгами окна квартиры в Одессе, и книги служили защитой своим авторам. «Тыльная-лицевая» и далее до конца стихотворения – названия книг Бориса и Людмилы Херсонских.

Стр. 83 *КП, МСБ, ГПП* – соответственно командный пункт, медсанбат, госпиталь полевого размещения.

Стр. 87 *Старый Тарас, люльку посеяв в траве* – Тарас Бульба, герой повести Гоголя, обронил свою любимую люльку (трубку); разыскивая ее, он замешкался и его схватили враги.

Стр. 99 *Здесь написано «ДЕТИ»* – такие надписи были сделаны на асфальте около здания Мариупольского драматического теа-

тра, служившего убежищем сотням людей и разрушенного бомбардировкой 16 марта, а также на машинах и другом транспорте, который использовали для эвакуации мирных жителей из зоны боевых действий.

Стр. 103 *Jeden Tag, jedes Mal* (нем.) – «Каждый день, каждый раз».

Стр. 104 *чермные* – багровые, темно-красные, мутного красного цвета. «Воды чермны яко кровь» (4-я книга Царств).

Стр. 109 *Плач Рахили* – библейская праматерь Рахиль оплакивала судьбу своих потомков. *Шир* – мирная страна хоббитов в эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец». *Колясочка с трехмесячным ребенком по лестнице Потемкинской летит* – снова отсылка к гибели трехмесячной одесситки Киры и одновременно к знаменитой трагической сцене из фильма «Броненосец „Потемкин“», где дело также происходит в Одессе.

Стр. 119 *по гоголеву слову* – стихотворение перекликается с образами из повести Гоголя «Страшная месть».

Стр. 133 АКМ – автомат Калашникова модернизированный.

Стр. 140 *Герника* – город в Испании, разрушенный немецкими бомбардировщиками и последующим пожаром в 1937 году, а также одноименная знаменитая картина Пабло Пикассо. *Видишь, тот шевельнул рукой* – люди, которые не хотят верить видеозаписям, свидетельствующим о том, что российские войска убивали мирных жителей в Буче и других местах, называют эти свидетельства фейками, подделками: «Я заметил, что этот „труп“ сел, тот – шевельнул рукой».

Стр. 142 *Байрактары* – «Байрактар ТБ2», турецкий боевой беспилотный летательный аппарат (дрон). Применяется украинской стороной в боях с российской армией, стал символом сопротивления наряду с ракетным комплексом «Джавелин». *Рябчик* (армейский жаргон) – штатский, «не боец».

Стр. 146 *Каритас* (лат. Caritas) – любовь к ближнему, альтруизм.

Стр. 147 5 апреля в Харькове в результате обстрела был практически уничтожен зоопарк бизнесмена и депутата Александра Фельдмана. Вот его слова: «Сегодня могу сказать харьковчанам, что парка больше нет... Разрушены вольеры, разрушена вся инфраструктура. Чудом остались живы тигры и львы, очень сильно пострадали их клетки. Они в любую минуту могут выйти на улицу. В тяжелом состоянии строение, где находятся медведи. Сегодня принимается решение. У нас времени до вечера. Либо всех умертвить, усыпить, либо организовать их перевозку. Никаких шансов, идей и никакого места, куда их перенаправить – нет... Если будет найдена какая-то идея, то кого-то из животных удастся спасти, например, маленьких ягуаров или пантер».

Роза, Дези и Гектор – три обезьяны из харьковского зоопарка, которые выжили во время немецкой оккупации 1941–43 гг.

Стр. 150 *У солдата выходной* – здесь и далее цитируется мирная, благодная, наивная песня советских времен.

Стр. 153 Похороны кукушки, окливание мертвых, кукушкин день – весенние славянские обряды поминания и окликания мертвых предков. Кукушкой в данном случае называется ритуальная кукла.

Все перечисленные кладбища – Быковня, Куропаты, Сандармох, Бутово, Мамочкино кладбище Карлага – места расстрелов или захоронений жертв советских репрессий.

Стр. 154 *Mikä?* (финск.) – «Что?»

Стр. 159 *Он же памятник* – еще один мем советской эпохи, на этот раз цитата из трагикомического фильма «Джентльмены удачи».

Стр. 168 *Написать Х и В* – эти буквы можно расшифровать традиционно, как «Христос Воскресе», а можно и порезче – «Хуй войне».

Редактор застыл в Останкино – редактор Первого канала российского телевидения Марина Овсянникова во время выпуска новостей в прямом эфире вошла в кадр с антивоенным плакатом формата А1.

Стр. 172 *А місто? Воно не здається* – после начала войны компания IKEA стала сворачивать свой бизнес в России; «місто» по-украински означает «город». Тут невозможно не вспомнить фотографию разрушенного обстрелом дома в поселке Бородянка под Киевом: стены дома нет, но уцелел шкафчик с посудой, на котором стоит керамический петух.

Ветер, туман и снег – одна из лучших песен Бориса Гребенщикова встречается с самой знаменитой книгой Михаила Булгакова. Сообщалось, что почтовой службой СДЭК пользовались мародеры, чтобы отправить домой награбленное в Украине.

Стр. 173 *«Сила через радость»* – общественно-политическое объединение в гитлеровской Германии: оно занималось организацией досуга граждан Рейха (в частности, развитием туризма).

Стр. 185 *Мальчик играет в мячик* – Есть легенда о святом Луиджи Гонзага: когда юный Луиджи играл в мяч, его спросили, что он будет делать, если узнает, что с минуты на минуту настанет конец света, и тот ответил, что продолжит играть в мяч.

Стр. 187 *На карте «***»* – ходили невеселые шутки, что платежные карты «МИР» запретят, потому что слово «мир» стало в России крамольным.

Стр. 191 *Держи ум свой в аде и не отчаивайся* – слова из откровения святого Силуана Афонского.

О моль герцеговины! – «Моль» – одно из народных прозвищ Путина, папирсы «Герцеговина Флор» и китель – атрибуты Сталина.

Стр. 198 *Ново-Огарево* – подмосковная резиденция Владимира Путина.

Стр. 199 *Дит* – город в седьмом круге дантова Ада.

Стр. 201 *Грустный Бродский пишет письмо генералу Z* – «Письмо генералу Z» – стихотворение Иосифа Бродского, написанное им в 1968 году после советского вторжения в Чехословакию. «Письмо» стали часто цитировать, когда буква Z превратилась в символ путинской России и ее вторжения в Украину.

Стр. 205 *Jedem das Seine* (нем.) – «Каждому свое»: та самая надпись, что была размещена над входом в концлагерь Бухенвальд.

Стр. 208 *Ити, ни, сан* – «один, два, три» по-японски.

Стр. 211 *Где февраль называют лютым* – Украинские названия месяцев: січень, лютий, березень, квітень, травень, червень, липень, серпень, вересень, жовтень, листопад, грудень.

Стр. 212 *Адольф и Иосиф* – Напомним, что Адольф Гитлер собирался стать художником, а Иосиф Сталин в юности писал стихи.

Стр. 215 *Рамень* – русское слово, обозначавшее старый высокоствольный еловый или елово-пихтовый лес.

Стр. 222 *Дети уходят в Нарнию* – Кстати говоря, действие самой известной книги нарнийского цикла К.С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф» происходит во время Второй мировой войны. Из-за бомбежек Лондона четверых детей семьи Пэвэнси (Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси) отправляют к другу семьи, профессору Дигори Керку; в его доме дети и находят тот шкаф, сквозь который можно попасть в Нарнию.

Стр. 226 *Бабушки не хотят быть памятниками* – В апреле 2022 года в интернете появился видеоролик: украинская пенсионерка вышла с советским знаменем навстречу украинским солдатам, перепутав их с россиянами, и отказалась принять у них продукты после того, как те потоптали флаг. Российская пропаганда подняла «бабушку с красным флагом» на щит; ей даже спешно воздвигли памятник в захваченном Мариуполе.

Стр. 227 *Ой, на ветру холодном дрожит осина* – Ракетный крейсер «Москва», флагман Черноморского флота РФ, был потоплен в середине апреля 2022 года, но родственники служивших там моряков до сих пор не могут толком узнать, какова была их судьба: руководство флота называло моряков то «пропавшими без вести», то «отсутствующими в воинской части», то заявляло, что корабль вообще не входил в территориальные воды Украины, и т.д. Точное число погибших на «Москве» моряков все еще неизвестно. Наверняка история этой войны знает и другие подобные примеры, но этот – один из самых ярких и показательных.

Пухто – пункт утилизации хозяйственных твердых отходов (большой мусорный контейнер).

Стр. 228 *А ловил как мог* – «Мир ловил меня, но не поймал»: так завещал написать на своей могиле философ Григорий Сковорода. В ночь на 7 мая музей Сковороды в Харьковской области был обстрелян российскими войсками и сгорел.

Стр. 230 *Щастя* – город в Луганской области на берегу реки Северский Донец.

Стр. 233 *мама спускалась в подвал* – Жители осажденного Мариуполя были вынуждены хоронить погибших близких прямо во дворах, на детских площадках, ставили на могилах самодельные кресты. *Город Марии* – Мариуполь (греч.)

Стр. 234 *Разгорелись пять звездочек* – как известно, в России запрещено называть войну с Украиной войной, иначе грозит штраф или даже уголовное преследование. Люди заменяют пять запретных букв звездочками.

Стр. 237 *ПРБ* – прекрасная Россия будущего; это выражение запустил в оборот российский оппозиционный политик Алексей Навальный.

Стр. 238 *Я русский корабль, а ты остров Змеиный* – «Русский военный корабль, иди на хуй!»: так ответили украинские пограничники острова Змеиный в Черном море на предложение сдаться, поступившее от русского военного корабля. Эта фраза быстро превратилась в мем, стала появляться на плакатах, футболках, почтовых марках и так далее (как в цензурном, так и в полном виде).

Стр. 240 *Матвиенко* – Валентина Матвиенко – сенатор, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

«Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!» – слова из стихотворения Александра Галича «Бессмертный Кузьмин», написанного после вторжения СССР в Чехословакию в 1968 году.

Стр. 241 *Рабинович каждое утро покупает газету* – Стихотворная вариация известного анекдота: «Некролог, которого я жду, будет на первой странице».

Стр. 256 *Обійми* – не только «обними», но и известная одноименная песня украинской группы «Океан Ельзи».

Стр. 261 *Дроссельмайер* – герой сказки Гофмана «Щелкунчик», таинственный и щедрый дядюшка, немного волшебник.

Стр. 268 *accentato, adagio* – «с ударением, медленно» (музыкальный термин).

Стр. 272 *Судеты, Данциг* – Судетская область Чехословакии была оккупирована нацистской Германией в 1938 году, вольный город Данциг (ныне польский Гданьск) – в 1939 году. До 1945 года Судеты и Данциг были населены преимущественно этническими немцами.

Стр. 273 *Сонгми с Хиросимой* – Во вьетнамской деревне Сонгми произошло массовое убийство мирных жителей солдатами армии США (1969); Хиросима в Японии – первый город в истории, подвергшийся атомной бомбардировке (1945).

Стр. 283 *'nen (einen) schönen Tag (нем.)* – «Хорошего дня».

Стр. 285 *Лили Марлен* – песня, популярная во время Второй мировой войны как у солдат вермахта, так и у солдат антигитлеровской коалиции. Лирический герой песни вспоминает, как стоял под фонарем с девушкой Лили Марлен.

Стр. 288 *де ти було вісім років тому* (укр.) – «Где ты было восемь лет»: аллюзия на знаменитую фразу-упрек в адрес тех, кто не вникал (или якобы не вникал) в отношения России и Украины с 2014 года, но протестует против российского вторжения 2022 года.

Стр. 291 *Но лето любви закончилось в Калифорнии* – Летом любви называют лето 1967 года, когда в квартале Хейт-Эшбери (Сан-Франциско) собралось около ста тысяч хиппи, чтобы праздновать любовь и свободу. Там была бесплатная еда, бесплатная одежда, бесплатная клиники, бесплатные наркотики и свободная любовь... 6 октября 1967 года Лето любви завершилось церемонией The Death of the Hippie («Смерть хиппи»).

Стр. 297 *Из Киевской области вот пришли эти фотки* – еще одно стихотворение с двойным шифром: мотив набоковского «С серого севера вот пришли эти снимки...» и тут же «Говорят, что смерть – боится щекотки...» Александра Кабанова, который тоже участвует в этом сборнике.

Стр. 300 *И трудно купить атаракс* – Лекарство «Атаракс» применяется для снижения тревоги, возбуждения, раздражительности.

Стр. 302 *Саманта Смит* – В 1982 году десятилетняя американка Саманта Смит написала письмо советскому генсеку Юрию Андропову: девочка спрашивала, не будет ли войны между СССР и США. По приглашению Андропова Саманта посетила Советский Союз; она стала знаменитостью, но позже погибла в авиакатастрофе в возрасте тринадцати лет.

Стр. 304 *Silentium* (лат.) – безмолвие, тишина.

Стр. 306 *О бойся бармаглота сын* – Давайте попробуем сосчитать: тут и Льюис Кэрролл, и Некрасов, процитировавший Хвощинскую, и народная песня про Трансвааль, и Иоганнес Роберт Бехер, и толкиновский Нуменор...

Стр. 307 *в Безьере...* – В 1209 году во время Альбигойского крестового похода практически все население французского города Безье (Безьер) было вырезано крестоносцами.

Стр. 321 *за Кристину Жук* – Кристина Жук и ее маленькая дочка Кира погибли в 2014 году в городе Горловка, который находится на территории самопровозглашенной республики ДНР. Сообщалось, что Кристина и Кира попали под обстрел украинской артиллерии. Кристину Жук также называют Горловской мадонной.

Стр. 322 *У нас шесть «двухсотых»* – На армейском жаргоне «двухсотый» означает убитого, «трехсотый» – раненого.

Стр. 334 *Кейсария* – древний город в Израиле; *Аристобул младший* – внук Ирода Великого.

Стр. 337 *И все каркают: «never more-door»* – *никогда!* – Знаменитый ворон Эдгара Аллана По каркал „Nevermore“ (англ.), а в таком написании слышится еще и «Мордор», и „never more door“: «двери больше не будет, выхода нет».

Стр. 342 *Я видел много фотографий шестилетнего пацана* – Да, такое тоже было. С одним уточнением: это произошло не в Мариуполе, а в Буче. Мальчик принес консервы и сок на могилу своей мамы, которую похоронили во дворе. Во время российской оккупации их семья была вынуждена сидеть в подвале; насколько известно, у мамы не выдержало сердце.

Стр. 355 *На фотографии* – *маленький мальчик* – В начале марта 2022 года четырехлетний мальчик Саша вместе с родными плыл на лодке через Днепр, спасаясь от войны. Лодку обстреляли, она

перевернулась, Саша выпал. Его искали несколько недель и в конце концов нашли мертвым.

Стр. 357 *привет И.Б.* – Привет Иосифу Бродскому с его стихотворением «Мать говорит Христу...»

Стр. 366 *Лютый (укр.)* – февраль, см. комментарий к стр. 211.

Стр. 376 *Сморгонь* – город в Беларуси.

Стр. 378 *Берлинеры* – и впрямь очень вкусные пончики с начинкой; по легенде, изобретены в XVIII одним берлинским кондитером.

Стр. 382 *самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо* – так пишет Лев Толстой о французском офицере, которого ранил и взял в плен Николай Ростов.

Стр. 386 *Женщины с тяжелыми животами тянутся вниз по лестнице* – 9 марта российская авиация разбомбила роддом в Мариуполе; сообщали, что в результате погибли три человека (в том числе ребенок), еще семнадцать были ранены.

Стр. 388 *Иди и смотри* – фраза, предшествующая появлению каждого из четырех всадников Апокалипсиса (Откровение святого Иоанна Богослова). Кроме того, так называется один из самых беспощадных фильмов о войне режиссера Элема Климова.

Стр. 394 *Нет прощения, что Евсу и Кабанова бомбят* – Стихи Александра Кабанова опубликованы на странице 39; Ирина Евса – украинская поэтесса и переводчица родом из Харькова.

«Смерч» – советская и российская реактивная система залпового огня (РСЗО).

Стр. 396 *Urbi et orbi (лат.)* – обращение «К городу и миру», то есть ко всем.

Стр. 401 *«елки» на «лапки» менять* – расстановка правильных кавычек, часть работы корректора. Где-то требуются «елочки», где-то, наоборот, «лапки».

Стр. 403 *Розарий в одиннадцать вечера* – розарий – это последовательность молитв, которую читают по чёткам.

Стр. 405 *Встречает беженцев Аля* – очевидно, Аля Хайтлина, поэт и волонтер, чьи стихи напечатаны на страницах 384–392.

Стр. 407 *Серафим Саровский и его Миша* – Предание говорит, что святой Серафим Саровский водил дружбу с лесным медведем, кормил его с рук. Формат нашего сборника, увы, не предусматривает иллюстраций, но можно найти эти стихи на странице автора в Фейсбуке: там иллюстрация есть, и взглянуть на нее стоит.

Стр. 409 *Los muertos no están enfermos (исп.)* – «Мертвые не болеют».

Стр. 410 В переводе украинского поэта и переводчика Семена Вайнבלата этот отрывок из цикла Тараса Шевченко «В каземате» звучит так:

*Вишневый садик возле хаты,
Жуки над вишнями жужжат,
Концу работы пахарь рад,
Поют залиvisto девчата,
Они к себе домой спешат.*

Стр. 412 *Исповедь священника* – Стихотворение полностью основано на реальных воспоминаниях Мартина Бормана-младшего, крестника Гитлера, в честь которого мальчик и получил второе имя Адольф. После Второй мировой войны Мартин стал католическим священником.

Mach dir aus dem Scheiß nichts aus! (нем.) – «Не возись с этим дерьмом!», «Не марайся!»

Стр. 416 *призрак Мрії* – В начале войны в результате обстрела был уничтожен стоявший на аэродроме Гостомеля самый большой в мире самолет «Мрія» («Мечта») – уникальный, существовавший в единственном экземпляре.

Что вы сказали, принц? Я говорил слова! – «Полоний: Что вы читаете, мой принц? Гамлет: Слова, слова, слова» (Шекспир, «Гамлет»).

Стр. 418 *Тарутино, Петровка, Аккерман* – соответственно два поселка и город в Одесской области.

Стр. 426 *Ви тримайтесь* (укр.) – «Держитесь».

Стр. 428 *Dziękuję* (пол.), *Merci* (франц.), *Danke* (нем.), *Thank you* (англ.) – спасибо; *No pasaran* (исп.) – они не пройдут; *Gracias, queridos* (исп.) – спасибо, дорогие; *Oui* (франц.) – да.

Содержание

Пролог: Ирина Иванченко, Ирина Лукьянова, Олег Дозморов, Тикки А. Шельен, Ананастя	3
---	---

От составителя	6
--------------------------	---

Голоса из Украины

Денис Антоненко	15
Дмитрий Близнюк	17
Олесь Григ	27
Виктория Григорьева	29
Ирина Иванченко	31
Александр Кабанов	39
Олег Ладыженский	40
Юрий Маканов	44
Николай Лобанов	46
Игорь Никитин	50
Константин Ольмезов	58
Станислава Орловская	59
Светлана Панина	62
Галина Пашкова	64
Наталья Спесивцева	66
Борис Херсонский	68
Людмила Херсонская	74

Голоса из России

Юлия Алексеева	81
Ольга Аникина	82
Андрей Анпилов	87
И.Б.	90
Анна Барне (Баскакова)	91

Женя Беркович	95
Марина Бородицкая	99
Мария Ботева	101
Наталия Волкова	108
Инна Домрачева	111
Геннадий Каневский	115
Karol	122
Павел Квартальнов	128
Дмитрий Коломенский	133
Поль Корде	135
Ольга Кручинина	136
Феликс Максимов	140
Слава Малахов	158
Елена Мамонтова	164
Платон Матинин	168
Михаил Немцев	173
Александра Неронова	175
Сергей Николаев	183
Дарина Никонова (Сычан)	185
Джамиль Нилов	190
Алексей Олейников	191
Сергей Плотов	201
Мария Ремизова	206
Мария Самохина	208
Светлана Севрикова	211
Наталия Сивохина	216
Оля Скорлупкина	230
Тамила	236
Юля Фридман	238
Алла Черкасская	248
Ростислав Ярцев	251

Голоса со всего мира

Ананастя	255
Ольга Беняминов	257
Григорий Беркович	260
Лена Берсон	261
Ольга Божкова – Светлана Синякина	265
Мария Васильева	267
Александр Габриэль	269
Алина Гаджиева	277
Иосиф Гальперин	279
Марина Гершенович	281
Линор Горалик	288
Александр Дельфинов	289
Олег Дозморов	294
Топу Dubinine (Алан Кристиан)	300
Ирма Заубер	312
Николай Караев	316
Геннадий Кацнельсон – Алексей Розумов	322
Ксения Кириллова	325
Евгений Ключев	330
Семен Крайтман	334
Наталья Куликова	336
Игорь Джерри Курас	339
Александр Ланин	343
Анастасия Лукомская	349
Эд Маркович	351
Вера Павлова	353
Дарья Пиккель	358
Давид Полынный	359
Анна Русс	362
Юлия Сианто	364

Дана Сидерос	366
Таня Скарынкина	372
Аля Хайтлина	384
Феликс Чечик	393
Тикки А. Шельен	400
Михаэль Шерб	410
Вита Штивельман	417
Алекс Щегловитов	419
Михаил Юдовский	421
Ирина Юрчук	428
Комментарии	434

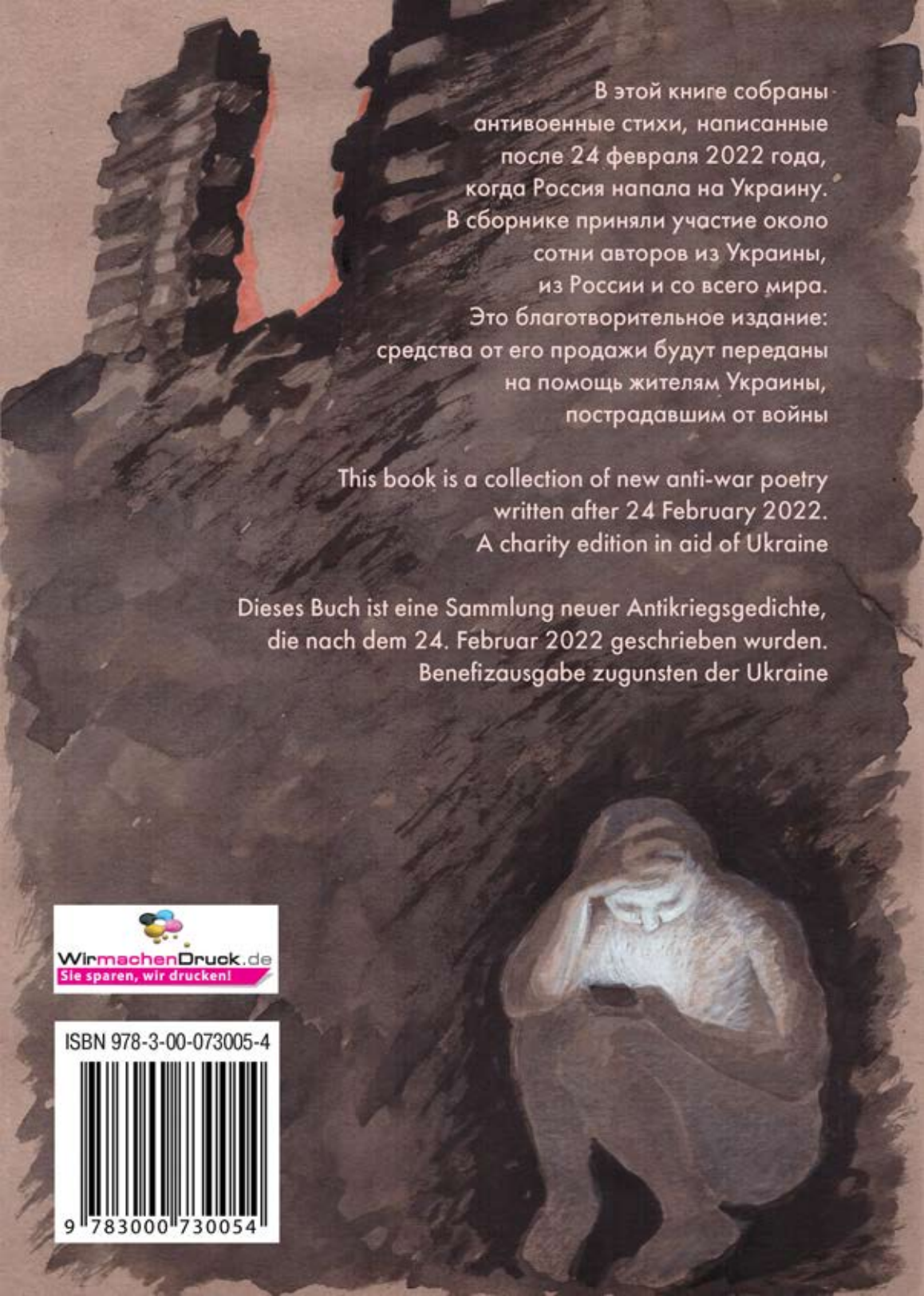
ВОИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

24.02.2022 – 24.05.2022

Составитель сборника Любовь Мачина

ISBN 978-3-00-073005-4

В этой книге собраны
антивоенные стихи, написанные
после 24 февраля 2022 года,
когда Россия напала на Украину.
В сборнике приняли участие около
сотни авторов из Украины,
из России и со всего мира.
Это благотворительное издание:
средства от его продажи будут переданы
на помощь жителям Украины,
пострадавшим от войны

This book is a collection of new anti-war poetry
written after 24 February 2022.
A charity edition in aid of Ukraine

Dieses Buch ist eine Sammlung neuer Antikriegsgedichte,
die nach dem 24. Februar 2022 geschrieben wurden.
Benefizausgabe zugunsten der Ukraine

WirmachenDruck.de
Sie sparen, wir drucken!

ISBN 978-3-00-073005-4

9 783000 730054